

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Perm State University

Научный журнал издаётся
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несеверя* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Венгрия), *Джорджио Де Маркис* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Director of the Institute of Russian Language, History and Culture, Ph.D., Northern Vermont University – Lyndon, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Ddirector of Bardo Consulting Organizational Development Office, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Смысл творчества Андрея Звягинцева:
опыт типологического исследования 305
Рыбин В.А. The meaning of Andrey Zvyagintsev's works:
experience of typological research
Vladimir A. Rybin
- Биополитика и биополитическая экономия:
сущность концептов 320
Желнин А.И. Biopolitics and biopolitical economy:
essence of concepts
Anton I. Zhelnin

ПСИХОЛОГИЯ

- Субъектный и объектный фокус
сравнения «Я – Другой»
в процессе социальной перцепции 331
Балева М.В., Ковалева Г.В. Self-Other comparative focus
in social perception
Milena V. Baleva, Galina V. Kovaleva
- Коррекционные возможности
психологической защиты
для повышения адаптации личности 345
Пилюгина Е.Р. Correctional possibilities
of psychological defense for increase
of the personality adaptation
Elena R. Pilyugina
- Половые особенности взаимосвязи
Темной триады личности
и эмоционального интеллекта 356
Дершиш Ф.В. Sex differences of relations
between Dark Triad of personality
and emotional intelligence
Fedor V. Derish
- Взаимосвязи параметров качества жизни
и цветовых предпочтений
у мужчин и женщин 372
Дудорова Е.В., Шалагина Е.А. The interrelationships of the quality
of life characteristics and color preferences
of men and women
Ekaterina V. Dudorova, Ekaterina A. Shalagina
- Когнитивная регуляция эмоций
и отношение к здоровью
в подростковом возрасте 379
Уланова А.Ю. Cognitive regulation of emotions
and attitude towards health in adolescence
Anna Yu. Ulanova
- Психологические особенности женщин
с кризисной беременностью
в ситуации репродуктивного выбора 388
Осипенко И.М. Psychological characteristics
of women with crisis pregnancy
in situation of reproductive choice
Irina M. Osipenko

СОЦИОЛОГИЯ

- Корпоративное социальное
инвестирование в современной России:
между экономической эффективностью
и социальной справедливостью 402
Долгорукова И.В. Corporate social investment
in modern Russia: between economic
efficiency and social justice
Irina V. Dolgorukova

Представления о человеке труда в классической социологии управления организацией: Фредерик Тэйлор и Элтон Мэйо <i>Добрина О.А.</i>	412	The ideas of the person of work in classical sociology of organization management: Frederik Taylor and Elton Mayo <i>Olga A. Dobrina</i>
Территориальное социально-экономическое поведение в русле проблемы взаимодействия общества и физического пространства <i>Яковлева О.К.</i>	421	Territorial socio-economic behavior within the problem of interaction of society and physical space <i>Olga K. Yakovleva</i>
Аудиовизуальная среда южнороссийских городов глазами горожан: образование как социальная рамка конструирования пространства <i>Киенко Т.С.</i>	429	The audiovisual environment of the South-Russian cities through the eyes of the citizens: education as a social frame design space <i>Tatyana S. Kienko</i>
Информация для авторов	440	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-305-319

**СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА:
ОПЫТ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***Рыбин Владимир Александрович**Челябинский государственный университет*

Творчество современного отечественного кинорежиссера Андрея Звягинцева представляет собой яркий пример зафиксированного еще классиками марксизма противоречия между отнюдь не передовыми (а порой и реакционными) политическими взглядами деятелей культуры — с одной стороны, и объективно прогрессивным, позитивно значимым философско-эстетическим содержанием их творчества — с другой. Если в общественно-политическом отношении Звягинцев придерживается либерально-рыночной позиции, то в своих произведениях, особенно в трех последних по времени выхода на экран фильмах, он концентрирует богатый материал для социально-философского осмысления, одновременно критически оценивая ту общественную и антропологическую ситуацию, которая сложилась в России за три десятилетия ее капиталистической трансформации. Результаты приложения методологии типологического подхода к теоретически модифицированной системе образов, специфичных для кино Звягинцева, демонстрируют, что базисной причиной всех переживаемых отечественным социумом деструкций является нацеленность современной культуры на массовое воспроизводство определенного человеческого типа — человека-потребителя. Используя художественные средства кинематографа, режиссер раскрывает бесперспективность и губительность тех мировоззренческих установок, которых придерживается потребительски ориентированная часть населения современной России. Сверхидея «Елены» — критика массового человека, «Левиафана» — демонстрация тупиковости и рыночного пути, и попыток возврата к традиционным ценностям, а фильма «Нелюбовь» — доказательство мертворожденности российского среднего класса. Подробный аналитический разбор двух первых из этих трех фильмов дает основания утверждать, что в кинематографе Звягинцева имеет место выдающийся не только в художественном, но и в теоретическом отношении анализ состояния и перспектив российского социума первых десятилетий XXI в.

Ключевые слова: философия, методология, тип, человек, общество, власть, Россия, капитализм, человечество, перспективы.

**THE MEANING OF ANDREY ZVYAGINTSEV'S WORKS:
EXPERIENCE OF TYPOLOGICAL RESEARCH***Vladimir A. Rybin**Chelyabinsk State University*

Works of the modern Russian film director Andrey Zvyagintsev is a vivid example of the contradiction between the not advanced (and sometimes reactionary) political views of cultural figures — on the one hand, and the objectively progressive, positively significant philosophical and aesthetic content of their creative works — on the other, this phenomenon being first noticed by classics of Marxism. In socio-political terms, Zvyagintsev adheres to the liberal market position, while in his works, especially in the

last three films on the screen, he concentrates a wealth of material for socio-philosophical understanding, critically assessing the social and anthropological situation that has developed in Russia over the three decades of its capitalist transformation. The results of applying methodology of the typological approach to the theoretically modified system of images specific to Zvyagintsev's films demonstrate that the basic reason for all destructions experienced by the Russian society is the focus of modern culture on the mass reproduction of a certain human type — the consuming individual. Using the artistic means of cinema, the director reveals the futility and ruinousness of the worldview typical of the consumption-oriented part of the modern Russian population. Elena's super-idea is criticism of the mass man; Leviathan is a demonstration of the dead-end and market path, and attempts to return to traditional values; and Loveless is a proof of the stillbirth of the Russian middle class. Detailed analytical analysis of the first two of these films gives grounds to assert that in Zvyagintsev's films we have an outstanding — not only in artistic, but also in theoretical terms — analysis of the state and prospects of the Russian society of the first decades of the XXI century.

Keywords: philosophy, methodology, type, person, society, power, Russia, capitalism, humanity, prospects.

Постановка проблемы

Фразу Сергея Есенина «Куда несет нас рок событий?» из стихотворения «Письмо к женщине», написанного в 1924 г., вполне можно отнести и к нашему времени, выразив ее в более прозаической и обтекаемой форме: «Что с нами происходит?»

Авторитетный отечественный социолог Леонтий Бызов в работе с характерным названием «Контуры новорусской трансформации», опубликованной несколько лет назад, уверенно констатировал провал предпринимавшихся попыток воссоздать в России жизнеспособное сообщество, объединив социум и государство структурными скрепами управленческой вертикали, то есть оперевшись на бюрократический класс. Результат явно не совпал с исходными расчетами: «Все более становится понятным, что и этот путь построения национального государства вокруг бюрократического класса если и не оказался полностью тупиковым, то во многом исчерпан и требует поисков совершенно новых решений. <...> дееспособных институтов, на которые могла бы быть возложена задача построения национальной государственности, создать так и не удалось, во многом из-за опасений властей перед проявлением любой не санкционированной свыше социально-политической активности» [Бызов Л.Г., 2013, с. 15]. Но что же тогда стабилизирует российскую общественно-политическую систему на протяжении последних десятилетий?

Выдвинем гипотезу: в позднюю советскую эпоху периода «загнивания “реального социа-

лизма”» и раннюю рыночную эпоху периода «строительства капитализма в России» на просторах нашего Отечества сформировался и обрел массовые масштабы лояльный к осуществляемым трансформациям тип человека-потребителя, обладающего всеми атрибутами, которыми наделена эта форма проживания людьми своей жизни. Ограниченность мировоззренческого кругозора сугубо материальными интересами, стремление извлечь выгоду любыми средствами, неспособность осознать губительных последствий собственного поведения не только для других, но и для себя лично — вот что не позволяло и не позволяет тем социальным слоям, представители которых ощущают собственное социальное неблагополучие и высказывают недовольство по отдельным конкретным вопросам, выдвинуть сколько-нибудь серьезную альтернативу. Более того, в плане запросов к жизни недовольные ею «низы» и удовлетворенные своим положением «верхи» абсолютно однородны; если их что-то и отличает друг от друга, то лишь уровень потребления, формой осмысления которого выступает зависть — зависть мелкой частной собственности по отношению к крупной [Маркс К., 1974, с. 114–115]. Потому-то за четверть века рыночных реформ социальные тренды в России мало изменились, «общественная ткань продолжала оставаться разорванной эгоистическими частными и корпоративными интересами, одновременно происходила и происходит деградация наиболее важных сфер жизнедеятельности общества, определяющих стратегический потенциал страны

(наука, образование, культура, экология) в более отдаленной перспективе. Формирование субъектов, способных действовать на общенациональном уровне, оставалось трудноразрешимой задачей в рамках неоконсервативного «консенсуса» [Бызов Л.Г., 2013, с. 51].

К вопросу о предмете и методологии

Итак, предполагается, что корень всех проблем — в человеке. Возникает вопрос: каким образом превратить заявленную гипотезу в обоснованное теоретическое положение? Сама социология, как и вся совокупность так называемых социально-гуманитарных наук в их нынешнем состоянии, не обладает для этого достаточным потенциалом, поскольку, будучи так или иначе ограниченной методологией позитивизма, она не способна выйти за пределы констатации сложившейся ситуации и вытекающих из нее простейших экстраполяций.

Поэтому есть смысл обратиться к материалу искусства, в рамках которого социальная реальность тоже подвергается концептуализации, но посредством не понятий, а образов. Наш взгляд, наиболее адекватным предметом в данном случае может служить творчество современного отечественного кинорежиссера Андрея Звягинцева.

Звягинцев — один из крупнейших киномастеров современности, что вряд ли будут отрицать даже самые бескомпромиссные критики его мировоззрения и политической позиции. Все его фильмы отличает высокий уровень кинематографической культуры и способность к широким философским обобщениям, в чем его можно сопоставить, пожалуй, лишь с одним Андреем Тарковским (влиянием которого действительно отмечены первые киноленты Звягинцева [Машевская И., 2014, с. 110]). Но в дальнейшем его творчество претерпевает существенную эволюцию в плане повышения не только профессионального мастерства, но и, главное, философского и художественного совершенства. Наиболее значимым проявлением этих тенденций становится перенос действия на почву современности, в Россию наших дней. Если сюжет и изобразительное решение первых фильмов Звягинцева — «Возвращение» (2003) и «Изгнание» (2007) — невозможно однозначно соотносить с каким-то конкретным временем и местом дей-

ствия, то проблематика всех трех последних на данный момент его фильмов — «Елена» (2011), «Левиафан» (2015), «Нелюбовь» (2017) — представлена отечественным материалом в его легко узнаваемых реалиях. При этом рефреном всех трех этих фильмов как раз и становится все более четко формулируемый вопрос: что с нами происходит? И надо признать: Звягинцев дает ответ на него более содержательный и точный, нежели эксперты, пытающиеся уловить ветер общественных перемен сложившейся категориальной сеткой социальных наук.

И все же искусство и научное познание — разные сферы культуры. Для того, чтобы превратить систему образов, каким является художественный фильм, в источник нового знания, претендующего на теоретическое осмысление социальной реальности, к тому же с учетом ее человеческих, индивидуально-антропологических аспектов, как минимум требуется сначала трансформировать исходную художественную ткань в аналитически разложимую целостность, а затем свести полученные при этом элементы в новое, рационально переработанное единство. Думается, что для подобной процедуры наиболее адекватной является методология типологического подхода.

Методология типологизации

В наиболее общем виде типологический подход определяется как «совокупность методологических процедур и соответствующих им мыслительных форм, ориентированных на понимание сложных явлений в их структурной самодостаточности, в их становлении и обособлении по отношению к гетерогенной среде» [Современный философский словарь, 2015, с. 709], но в зависимости от специфики той или иной сферы познаваемой реальности данный теоретический прием требует модификации. Рассмотрим, каким образом это происходит в области социального познания.

Базисным теоретическим постулатом здесь было и остается положение, согласно которому «сознание [das Bewusstsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewusste Sein]» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955, с. 25]. Это общеизвестно, но тонкость заключается в том, что само социальное бытие создается и изменяется под воз-

действием сознающих свою деятельность людей, следовательно, оно одновременно носит как первичный, определяющий, так и вторичный, производный характер. Налицо, таким образом, противоречие, разрешением которого как раз и служит введение в теорию самой категории «тип». Наиболее продуктивно этот подход реализован Питером Бергером и Томасом Лукманом в их известном произведении «Социальное конструирование реальности».

Как пишут авторы, и простой, и теоретически мыслящий человек, например философ, живут в мире реальной повседневности, которая и в пространственном, и во временном отношении предстает перед ними как упорядоченная, индивидуально контролируемая действительность. Но это отнюдь не все: «Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны “здесь и сейчас”» [Бергер П., Лукман Т., 1995, с. 42]. Существует и более обширный мир, образованный совокупностью интересующих социальных взаимосвязей, которые во всей своей совокупности всегда остаются недоступными не только узко индивидуальным вариантам сознания, но и более содержательным, общественным его формам: «Теоретические определения реальности, будь они научными, философскими или даже мифологическими, не исчерпывают всего того, что является “реальным” для членов общества» [Бергер П., Лукман Т., с. 31]. Необходимость жить и действовать, балансируя малым и большим мирами этой сверхразмерной реальности, заставляет индивида ориентироваться на некоторые обобщающие модели миропонимания и поведения: феномены реальности «уже систематизированы в образцах, которые кажутся независимыми от моего понимания и которые налагаются на него» [Бергер П., Лукман Т., с. 41].

Подобный ход мысли прослеживается и в других разделах социального познания. При исследовании сферы общественного сознания обозначенные образцы выступают, например, в виде постулированных Эмилем Дюркгеймом «коллективных представлений» [Осипова Е.В., 1977, с. 91–92], в психоаналитической концепции Карла Юнга — в виде «архетипов» [Юнг К.Г., 1994, с. 57–59], в личностной типологии Эдуарда Шпрангера — в образе специ-

фических «форм жизни», каждая из которых образует один из типов человеческой индивидуальности [Шпрангер Э., 2014, с. 108]. В наиболее же общем виде тип осмысливается как феномен, который «всегда связан с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием судьбических последствий всякого рода социальных изменений, с оценкой и переоценкой всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней, со стремлением понять свои ближайшие и повседневные перспективы (пользу) или, напротив, ценностные ориентиры отдаленного будущего» [Современный философский словарь, 2015, с. 712].

Что касается Звягинцева, то он свое «социальное конструирование реальности» постсоветской России осуществляет через рассмотрение различных вариантов одного базисного типа — отечественного обывателя новейшего образца — и добивается здесь поразительных результатов, хотя на первый взгляд это может вызывать недоумение.

Философско-исторический парадокс

Дело в том, что сам Звягинцев по своим политическим убеждениям — несомненный либерал, он неизменно держит сторону либеральной «тусовки», присоединяется ко всем ее акциям (в защиту Олега Сенцова и Кирилла Серебренникова, в поддержку «Новой газеты», в знак солидарности с большинством либеральных инициатив в сфере культуры и политики). Тем не менее, общественно-антропологическую ситуацию в современной России он видит лучше всех. На первый взгляд это парадокс, но в истории культуры — отнюдь не новость. Достаточно упомянуть Льва Толстого, учение которого «безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и глубоком значении этого слова» [Ленин В.И., 1973, с. 103], но который, по выражению В.И. Ленина, оказался «зеркалом русской революции». Ленин писал об этом так: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой —

помещик, юродствующий во Христе» [Ленин В.А., 1968, с. 209].

Можно вспомнить и О. Бальзака, который, выступая в политике как сторонник земледельческой аристократии, то есть фактически как защитник феодализма, тем не менее удостоился высочайшей похвалы со стороны основателей марксизма за бескомпромиссную критику капитализма. «Человеческая комедия», — пишет в этой связи Энгельс, — это «его великое произведение — нескончаемая элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; все его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание» [Энгельс Ф., 1965, с. 36], но вместе с тем «единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, — это его самые ярые политические противники, республиканцы <...> Бальзак таким образом вынужден был идти против собственных классовых симпатий и политических предрассудков» [Энгельс Ф., 1965, с. 37].

Противоречие между масштабом творческих достижений и политической ограниченностью — это вообще закономерность культуры периода «предыстории», что подтверждается многочисленными примерами из области литературы и других сфер искусства, из науки и философии: «Это справедливо даже для философских систем: так, две совершенно различные вещи — то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень» [Маркс К., 1964, с. 287]. То же самое относится и к Звягинцеву: парадоксальность его творческой личности объясняется не столько субъективными, сугубо человеческими качествами, сколько недостаточной проявленностью тех объективных противоречий, взаимодействие которых определяет тенденции в социальной и политической жизни современной России и которые по мере сил отражает режиссер.

Во всех его фильмах самому жесткому анализу и суду подвергается мироотношение различных представителей доминирующего ныне человеческого типа — человека-потребителя, глубоко недовольного своим существованием, но неспособного не только к практическому противодействию, но и к более-менее адекватному осознанию своего положения и причин

сложившейся ситуации. Художественными средствами Звягинцев последовательно развенчивает все те формы пассивной оппозиционности, которые посредством теоретического дискурса были выявлены социологами. В «Елене» предметом критики является ставка на «социальные низы» как на контингент, якобы сохраняющий в себе лучшие человеческие качества, задавленные веками классового господства. «Левиафан» — беспощадное разоблачение союза наглой олигархии с официальным православием, острая сатира по поводу либеральных упований на трансформацию России в духе «демократии» и «прав человека», но главное — демонстрация беспочвенности всех расчетов на спасительную силу незамутненных традиционных начал, якобы живущих в глубинах души русского народа. «Нелюбовь» — приговор российскому среднему классу, само существование которого означает отрицание жизни во всех ее проявлениях. Диагноз, поставленный Звягинцевым в первых двух фильмах, к сегодняшнему дню вполне подтвердился и фактически принят общественным сознанием. Вывод, сделанный в третьем фильме, еще ждет своих доказательств. Поэтому предметом подробного, типологически ориентированного разбора станут пока «Елена» и «Левиафан»; «Нелюбовь» целесообразно подвергнуть аналитическому рассмотрению с точки зрения определенной исторической дистанции, то есть в ближайшем будущем.

«Елена»: «И последние станут первыми...»

В официальной культуре советского периода всегда поддерживалась вера в «народ», точнее, в ее представителя — «простого человека», который, как утверждалось, будучи бедным и угнетенным, неизменно являлся воплощением лучших человеческих качеств и в конечном счете оставался основным носителем идеи социальной справедливости. Классическая литература XIX в. исчерпывающе изобразила этот человеческий тип: Акакий Акакиевич из гоголевской «Шинели», «Униженные и оскорбленные» Достоевского, крестьяне Некрасова, детские персонажи Диккенса и т.д. Правда, некоторый диссонанс в эту благодетную картину вносили образы негодяев и вырожденцев, имеющих простонародное происхождение: например, Смердяков из «Братьев Карамазовых» или Шариков из булгаковского «Собачьего сердца».

ца». Но как бы то ни было, решение конфликта между «верхами и низами», вытекавшее из устоявшихся представлений, выглядело весьма просто: достаточно устранить власть эксплуататоров, передать все богатства в общественное достояние, и тогда простой человек незамедлительно проявит все лучшие свои черты, которые были подавлены в нем из-за многовекового угнетения.

Однако распад СССР и последующее почти тридцатилетнее «строительство капитализма в России» заставили кардинальным образом пересмотреть эти упрощенные представления, одновременно переведя вопрос о «простом человеке» в разряд проблем, требующих неотложного решения. Это и осуществил Звягинцев в фильме «Елена». Проследим движение авторской мысли. Для начала кратко рассмотрим действующих лиц и связанные с ними сюжетные события.

Сюжет

Начальные кадры: на мертвом дереве сидит ворона и резко, отрывисто каркает. Потом к ней подлетает еще одна. Намек ясен: в фильме речь пойдет о «воронье», то есть о жадных, хитрых, но в сущности примитивных существах.

Камера перемещается в квартиру «элитного» дома. Там живут два человека: престарелый «олигарх» Владимир и его спутница жизни, женщина лет за пятьдесят. Это и есть Елена. Она просыпается, включает телевизор, делает уборку, готовит завтрак. И все — одна, вокруг долго никого нет. Только потом в кадре появляется ее муж, и Елена дает ему лекарства.

Мы узнаем, что Владимир и Елена прожили восемь лет в гражданском браке, а два года назад официально оформили свои отношения: Елена — жена Владимира. Хотя если бы не было словесного пояснения, то статус Елены угадать было бы непросто: в отношениях героев все время видна ярко выраженная холодность и отчужденность, а сама Елена по отношению к Владимиру ведет себя скорее как прислуга.

Как у Елены, так и у Владимира есть дети от первого брака: у Владимира — дочь, у Елены — сын и его семья. И основной сюжетный конфликт разгорается как раз на «семейной почве»: внук Елены достиг призывного возраста, и она стремится избавить его от воин-

ской службы, устроив на платное отделение вуза, и с этой целью просит денег у мужа.

Богач и без того весьма презрительно относится к ее сыну, называет его тунеядцем и бездельником, которому «лень оторвать задницу от дивана и что-нибудь сделать для своей семьи», но после длительных уговоров со стороны Елены наконец соглашается рассмотреть ее просьбу в недельный срок: ни дать ни взять банкир, дающий официальный ответ неплатежеспособному должнику.

Вскоре после этого с Владимиром случается инфаркт: как выясняется, не слишком тяжелый, но заставляющий его задуматься о преклонном возрасте и о возможности смерти. По возвращении домой он думает, как распорядиться своим богатством, справедливо учитывая, как он полагает, интересы и Елены, и своей дочери Екатерины. Олигарх решает выделить Елене, прожившей с ней десять лет, «пожизненную ренту» (так он называет пенсию), а основное свое состояние, надо полагать, немалое, оставить дочери. И в конце концов он решительно отказывает Елене в просьбе устроить ее внука в вуз.

Елена расстроена и оскорблена, пытается возражать, но на все ее возражения Владимир только презрительно отмахивается. Тогда сразу после разговора, поразмыслив всего минуту, она решает убить своего мужа. Пользуясь своими знаниями о лекарствах, под видом обычного лечебного средства она дает супругу «Виагру», смертельно опасную в его постинфарктном состоянии. Владимир умирает. Елена сжигает написанное им завещание, а затем извлекает деньги, запертые в домашнем сейфе, чтобы передать их своему семейству. Прочее наследство делится между вдовой-убийцей и Екатериной. Семья Елены вселяется в квартиру богача. Внук теперь совершенно точно сможет поступить в университет и избежать службы в армии.

Такова сюжетная линия. Теперь подробно остановимся на каждом персонаже. Это необходимо сделать, так как герои «Елены» очень типичны, и их типажи — те самые «простые люди», основная масса населения нашей страны, о которых говорилось вначале. Начнем со второстепенных действующих лиц.

Екатерина, дочь олигарха

В самом начале фильма отец характеризует свою дочь как «гедонистку», пренебрежительно объясняя Елене, не знающей этого слова, что это значит «эгоистка». «Я, — говорит он, — делал все, что мог, но она пошла в мою бывшую». Екатерина умна и образованна, догадлива и проницательна, по уровню культуры, безусловно, превосходит Елену. Например, еще задолго до конфликта между Еленой и Владимиром, когда Елена, обиженная инвективами в свой адрес, говорит: «Зачем Вы так, я же люблю Вашего отца!», Екатерина откликается фразой: «Ну да, до смерти!» Но ничем конкретным в жизни она не занята и, будучи полностью материально обеспеченной, ведет беспорядочный и разрушительный образ жизни: «Алкоголь и наркотики — по выходным, я не могу упорядочить только еду и секс». Важное замечание о ней делает Елена: «Она, кроме того, еще и бесплодна».

Екатерина относится к своему отцу неоднозначно, она, очевидно, не может простить ему разрыв с матерью, а также склонности уделять внимание всем встречным и поперечным женщинам, о чем заявляет Владимиру тогда, когда делать этого не стоило бы: в больнице, сразу после инфаркта. Но она по-настоящему любит своего отца, что продемонстрировано в трех сценах: в больнице, на похоронах в крематории и после похорон, когда видно, что ее горе неподдельно.

Семья Елены

Это ее сын, жена сына и двое их детей: великовозрастный внук (ему семнадцать лет) и годовалый младенец. Кроме того, как мы узнаем ближе к концу фильма, жена Сергея случайно забеременела — «залетела» — вновь.

Сыну Сергею за сорок. Впервые мы видим его на балконе собственной квартиры, которая находится где-то на окраине Москвы. Взгляд у него — тупой и сонный, ничего иного в нем не прочитывается. Он долго смотрит на бесчисленные панельные многоэтажки вокруг, потом осторожно плюет вниз. Когда к супругам приходит Елена, жене Сергея приходится несколько раз требовать от мужа, чтобы он пошевелился и открыл дверь своей же матери, которая принесла им продукты и деньги — судя по всему, единственный доход их семьи. К матери он

совершенно равнодушен, поэтому вяло пытается соблности хоть какие-то приличия.

Примерно таково же отношение у внука к своей бабушке: как только она приходит, тот стремится улизнуть куда-нибудь, «чтобы не сидеть, как дурак». Его отлавливают и заставляют изображать видимость участия. А самой Елене, чтобы избежать в общем-то никому не нужного общения с ней, суют внука-младенца, параллельно выпрашивая у нее деньги, чтобы освободить старшего внука от службы в армии.

Еще одна показательная сцена: в конце фильма, когда деньги на «учебу» получены, будущий студент отпрашивается у отца «посидеть с друзьями». Потом мы видим его в компании четырех таких же недорослей, пьющих пиво у подъезда. Затем они идут куда-то и находят себе развлечение: устраивают жестокую, тупую и совершенно бессмысленную драку с тремя подобными же придурками. Его жестоко избивают, он долгое время лежит неподвижно, создается впечатление, что убит, но нет: он начинает шевелиться, пытается встать...

Затем семейству выпадает неожиданное счастье: они переезжают в центр Москвы, в квартиру покойного богача. И отец семейства так же осторожно плюет с балкона, а непутевый отпрыск гоняет во дворе элитного дома мяч, но уже в другой компании...

Олигарх

Муж Елены показан в фильме человеком, который на первый взгляд кажется воспитанным, вполне благопристойным и неглупым: не позволяет себе излишеств, дает окружающим верные характеристики («семья тунеядцев», «гедонистка» и пр.), достаточно адекватно оценивает и самого себя. В его обширной квартире есть книги, в том числе и альбомы по искусству, и медицинские справочники (по одному из них Елена уточняет действие смертельного лекарства). В то же время по отношению к окружающим он ведет себя высокомерно и презрительно, как повелитель или полубог. Он всегда занят только собой и по отношению к Елене, как выясняется, оказывается не способен поступать по-человечески. Простых людей, таких, как Елена и члены ее семьи, он не только презирает, но и просто не считает их людьми, будучи твердо уверен в своем праве

поступать с ними, как ему заблагорассудится. Это он прямо высказывает в споре с Еленой.

Елена

В прошлом — медицинский работник, видимо, медсестра. Она привязана к своему мужу и убеждена, что его любит. Ведет себя всегда сдержанно и скромно, всячески заботится о муже, о своем сыне и его семье. Вроде бы по всем статьям — любящая жена, мать и бабушка, доброжелательная мачеха по отношению к Екатерине.

Но это только на первый, причем ее собственный, субъективный взгляд. «Вроде бы» кроется в неадекватности восприятия Еленой ситуации. Скажем, она считает себя любящей женой, но окружающие, включая мужа, смотрят на нее как на содержанку. Переоценивает она и свои чувства к Владимиру, и это понимают окружающие, особенно Екатерина, которая прямо заявляет ей, что она не тот человек, за которого себя выдает. И завершается все соответственно: Елена без колебаний убивает мужа, которого якобы любила.

Неправильно оценивает она себя и относительно сына и его семьи: она оказалась неспособна научить своего отпрыска элементарному человеческому поведению, хотя бы умению трудиться, и он стал банальным паразитом, живущим за ее счет. Паразитами оказываются и все члены его семьи, которые, согласно установкам классической культуры, включая стандарты «социалистического реализма», являются людьми «бедными и простыми», а значит, «хорошими и добрыми».

Таковы основные персонажи фильма. Герои этого фильма узнаваемы, до предела типичны. Таких особей без особого труда и в достаточном количестве можно найти в жизни. И, вне всякого сомнения, они являют собой наиболее узнаваемые типы нашего общества. Нельзя, конечно, сказать, что в России больше никого нет: другие типы не столь заметны, но они все же есть, и об этом ниже.

Попробуем проанализировать, каковы подлинные противоречия, скрывающиеся за видимой простотой конфликта «верхи — низы», «богатые — бедные», «избранные — простые».

Противоречия и их взаимообусловленность

Для начала зададимся вопросом: насколько эти противоположности отличаются друг от друга и противостоят друг другу. Прежде всего, противостояние богатых и бедных в фильме происходит исключительно по линии «деньги — власть». Собственно, большая часть сюжета обусловлена этим мотивом: Елена пытается получить некую сумму денег — Владимир уклоняется, распределяя деньги по-своему, — Елена его убивает, семья сына непрерывно требует с Елены денег — Елена и Екатерина спорят по поводу наследства и т.д. Все остальное — частные проявления этой общей фабулы.

Какова причина сложившейся ситуации? Она заключается в том, что семья Елены превратилась в паразитов, лишенных какого-либо интереса и доступа к культуре. В этом вина, конечно, не только Елены, но и, как мы все прекрасно знаем, ее мужа и ему подобных: разного калибра «олигархов», разворовавших постсоветское общественное достояние, обескровивших общество и оставивших большинству людей единственный, притом «отравленный», канал связи с культурой — телевизор. Телевизор неоднократно попадает в кадр, но все время по нему передают какую-то чепуху: то светские новости, то тупые шоу, то рассказы о свойствах колбасы и майонеза. Заметим, что телевизор как источник разрушительной информации неизменно присутствует во всех трех последних фильмах Звягинцева.

Однако так ли далеки олигархи от «простых людей»? Если судить по фильму, то не только не далеки, но и образуют единое целое, обуславливают друг друга, как две стороны одной медали. Елена, цитируя Библию, прямо заявляет Владимиру в ответ на его презрительные высказывания о «простых людях»: «И последние станут первыми!» Владимир не прислушивается, но именно так и происходит: в его квартиру въезжает семья Елены; на постели, где он умер, засыпает младенец; сынок Елены так же, как в самом начале, плюет с балкона квартиры, только квартира теперь «элитная»; внучок гоняет в футбол с новыми дворовыми приятелями в хороших спортивных костюмах. Последние стали первыми — и что? По сути, ничего не изменилось: простые люди повторяют образ жизни богачей.

Выходит, что разницы между нынешними верхами, мнящими себя «солью земли», и низами, живущими простой жизнью, в сущности, нет никакой. И когда *эти последние* окажутся на месте первых, все останется по-прежнему. И ведь если вдуматься: отечественные олигархи, кто они, откуда? Тоже ведь почти сплошь из «массы», из «народа»: работники правоохранительных органов, научные сотрудники, воспитанники детских домов. И даже если они сами — бывшие работники обкомов и директора заводов, то их родители — простые рабочие и крестьяне, а если и интеллигенты, то тоже из числа «народной интеллигенции». Эти вчерашние «советские люди» сумели выработать способность виртуозно подделываться подо что угодно, в том числе и под человека как такового.

Что дальше?

Развития человеческих качеств у персонажей фильма нет и не предвидится. Олигарх умер, не оставив никакого продолжения в мире. Деньги его — мертвый груз, они послужили своему владельцу в его, в общем-то, весьма ничтожных, делах, направленных исключительно на собственную личность, а потом стали причиной его гибели. Дочь его опустошена духовно и бесплодна физически. Елена совершает преступление, и теперь с нею до конца жизни — Апокалипсис, она обречена носить ад в душе: об этом недвусмысленно свидетельствует ее немотивированная пугливость после убийства Владимира.

Семья Елены как будто расцветает: богатство привалило, да еще ожидается третий ребенок. Но это — дармовая и потому ненадежная удача. Эта семья — в полном смысле слова паразиты, способные жить только чужим трудом, поедая и проедая не свое и воспроизводя себе подобных.

В общем, обе стороны — бедные и богатые, «последние и первые» — нашли компромисс на почве потребительского отношения к жизни. В качестве источника потребления они используют советское наследство, которое растаскивают в меру сил и способностей. И тут между ними присутствует полное единодушие и завидное единство. А все их противоречия — всего лишь желание оттереть другого от кормушки да отхватить кусок побольше.

В том, что подобный человеческий тип расплодился в условиях «развитого социализма», как раз и заключается главная причина его краха. Выходит, воплощению общественного идеала в жизнь могут препятствовать не только внешние обстоятельства (скажем, военная агрессия, терроризм, национализм), но и сами «бывшие угнетенные» в силу отсутствия личностного развития у их представителей, сохранения примитивности их интересов и ограниченности жизненных потребностей: «Тот известный факт, что у низших классов острее происходит разложение старых порядков, например, распад семьи, заброшенность индивида и т.п. <...> Коллективная солидарность у рабочих сильнее, чем в купеческом сословии, но купеческая семья крепче, крепче держится за семейность, как бы ни бушевали страсти. Если рабочего оторвать от источника классово-солидарности — от производства и противоречия к хозяевам, он может быть страшен» [Лифшиц М., 2013, с. 56].

Но тогда возникает вопрос: просматривается ли в картине какое-либо позитивное разрешение нынешних социальных противоречий или хотя бы намеки на него?

Перспективы решения

Как ни типичны Елена, Владимир, Сергей и иные представленные в фильме человекоподобные персонажи, панорама российской жизни, столь блистательно обрисованная режиссером, обнаруживает, хотя и мельком, проявления иных, более здоровых начал. Например, в начале фильма есть эпизод: в вагон электрички входит женщина интеллигентного вида, продающая журналы. Судя по ее речи и манерам, вряд ли она намеревалась вести жизнь наемной торговки.

Есть и более показательные фрагменты. Вот сцена в больнице: после того как Владимира выписывают и он покидает палату, медицинская сестра быстро наводит порядок: свертывает постель, убирает посуду, сдвигает койку, проветривает помещение. После этого камера долго фиксирует медицинский интерьер. Можно прочесть это как комментарий: не надо богатым так заноситься над бедными и простыми, ведь перед болезнью и смертью все равны; есть люди — медики, которые могут этим несчастьям противостоять и дело кото-

рых невозможно целиком оценить деньгами. Таким образом, есть нечто, что выпадает из связки «деньги – власть – подчинение», и есть иная сила, олицетворяемая людьми, умеющими делать нечто конкретное и важное для всех — работать с человеком. Или другая сцена: врач скорой помощи отчитывает Елену за то, что она недосмотрела, в результате чего перенесший инфаркт Владимир принял категорически противопоказанную ему «Виагру».

Таких эпизодов в фильме пять или шесть, и они демонстрируют, что в современном обществе существуют люди, по самой специфике своей деятельности не включенные (или не полностью включенные) в «пищевую цепь» современного капитализма.

Выводы

Фильм «Елена» дает объемную картину современной российской жизни и сопутствующих ей противоречий. Основная масса россиян занята решением своих материальных проблем и не гнушается любых способов, которые служат главной для них цели — потреблению как вещей, так и людей. Тем самым они способствуют формированию социального симбиоза, подобного взаимному симбиозу главных героев фильма: Елены, которую Владимир использовал, превратив в прислугу, и Владимира, из коего Елена сделала дойную корову и которого в конце концов убила. Эти отношения, построенные по принципу нечеловеческого обобщения *использования*, плодят тунеядцев, мерзавцев, наркоманов и убийц. Но существует круг людей, которые не следуют правилам этого противоестественного сожития. Это люди, работающие с человеком, способствующие его развитию и охраняющие его (в фильме они представлены в основном врачами, но в их круг входят и работники образования, социальной сферы, военные, представители органов правопорядка), то есть действующие в рамках более высокого, нежели денежно-потребительский, общественного уровня.

Тем не менее последнее умозаключение представляет собой в лучшем случае гипотезу. Сам Звягинцев формулирует и образными средствами доказывает, в сущности, единственную идею: в современных условиях никакое социальное происхождение или положение отнюдь не является гарантией верной

классовой позиции, следовательно, общественное «добро» нельзя более считать достоинством одних низших слоев общества, как об этом твердила казенная идеология «реального социализма». Значение теперь имеет жизненный выбор самого конкретного человека.

Итак, для Звягинцева как художника нет табу. Но для него священной коровой не является не только либеральная доктрина, но и пресловутая триада православия, самодержавия и народности, которая тоже становится в его творчестве предметом анализа и решительного разоблачения. Это и демонстрирует второй его фильм на отечественном материале — «Левиафан».

«Левиафан»: Народ-богоносец и Государство

Острые споры по поводу «Левиафана» уже отшумели. Однако высказанные в момент выхода фильма суждения остаются актуальными и по сей день.

Сразу после премьеры апологеты либерализма подняли фильм на щит, узрев в нем картину ужасов российского мироустройства — «правды жизни» в их понимании, «мерзостей российской действительности», «беспредела государства» и пр. В то же время представители консервативно-охранительного лагеря буквально впали в истерику, расценив «Левиафан» как «нагнетание мерзости», издевательство над русским народом и низкопоклонство перед окаянными Западом. Не правы оказались и те, и другие.

Для опровержения охранителей, заявлявших, что произвол, творимый в фильме мэром Прибрежного, есть «сплошная ложь», ибо таких мерзких градоначальников, столь цинично обделяющих свои делишки совместно с представителями церкви, просто не существует в природе, сошлемся на пример Челябинской области. Ее губернатор М. Юревич за свою, мягко выражаясь, противоправную деятельность приказом Президента РФ был в конце 2014 г. был отправлен в отставку, а ныне, будучи объявленным в международный розыск за многомиллиардные хищения, отсиживается в Лондоне. Буквально через несколько дней после этой отставки от своей должности был отстранен и местный митрополит Феофан, тесно сотрудничавший с бывшим губернатором. Удивительно, насколько изображенный

на экране гротескный союз бюрократа и священника напоминает реальный симбиоз этих деятелей, вершивших власть в значительном регионе России.

С другой стороны, доверять заявлениям про якобы присущие фильму «глубокий реализм», «правду жизни», «обжигающую звягинцевскую достоверность», которые выдвигала либеральная пресса, нельзя хотя бы по той причине, что фильм перенасыщен религиозными аллюзиями, символикой, иносказаниями. Автор, который ясно видит ситуацию и понимает источники ее неблагополучия, не прибегает к столь туманному метафорическому языку. К тому же и христианство у Звягинцева скорее ветхозаветное: с жестоким воздаянием в духе триеровского «Догвиля». Но об этом ниже.

Действующие лица и исполнители

И тем не менее Звягинцев — талантливый художник, и присущий ему талант в сочетании с высочайшим профессиональным мастерством позволяет ему приоткрыть покров над сутью того, что нынче происходит с российским обществом. Он делает это одновременно по трем направлениям: выявляя главный конфликт нашего общества, обосновывая его через *человека*, а затем обрисовывая дальнейшие *перспективы* отечественного социума. Проследим эти линии.

Чтобы понять смысл базисного социального конфликта, рассмотрим основные задействованные в сюжете субъективные начала. Они таковы — народ, власть и церковь. Прежде всего, отметим, что все их представители — ведомые персонажи, марионетки, пребывающие в поле тяготения некоей чудовищной внешней силы — Левиафана.

Народ — это, прежде всего, главный герой фильма Николай Сергеев, владелец большого дома, хозяин автомастерской и земельного участка на берегу моря, это его сын, жена Лилия, а также ряд персонажей второго плана: друзья Николая. Все они — типичные обыватели современной России: так же ездят на шашлыки, столь же безобразно пьют (кажется, это главное их развлечение), стандартно ругают власть. И их психология, где почти поровну перемешаны и добро, и зло, типично русская: супружеская измена не поощряется — за это бьют морду; когда вспоминают, что Николай

грозился убить жену, сообщают в полицию (кто знает, что он невиновен); сына Романа, оставшегося сиротой при живом отце, не позволяют отдать в детский дом, забирают к себе (вопрос денег у них не на первом месте). В целом культурный уровень их крайне низок, хотя и есть один эпизод, позволяющий смотреть на ситуацию с некоторым оптимизмом: местная молодежь собирается в разрушенной церкви около костра; однажды там оказывается и Николай, он наблюдает, как искры огня, подхваченные воздушным потоком улетают в ночное небо... Возможно, что при всей примитивности героев, в них живет запрос на нечто более высокое, чем потребность в элементарном жизнеобеспечении и склонность к диким забавам типа стрельбы по портретам бывших вождей.

И все же это только эпизод. Какие-то дьявольские силы выдернули главное звено жизни, и она обернулась бессмыслицей: нет уважения к труду, нет традиций, нет денег, нет культуры — ничего нет. В людях подавлено нечто самое важное, центральное; им оставлена только сама жизнь, ставшая бессмысленным и тупым существованием. Эту мысль подтверждают руины, на фоне которых протекает действие: гниющие в воде развалившиеся лодки, какие-то ямы в центре города, хмурые дома, скверные дороги, разрушенная церковь. В фильме показаны руины местообитания и руины человеческих отношений. Словом, злые силы здесь поработали на славу.

Власть, с которой вступает в конфликт Николай, представлена в фильме продажным и циничным мэром с его подельниками — местными чиновниками, а церковь — архиереем (который благословляет мэра на беззаконие и злодейство, утверждая, что всякая власть — от Бога и, следовательно, любое ее деяние — благо) и отцом Василием. Власть несправедлива, но и не самостоятельна: мэр непрерывно оправдывается перед кем-то вышестоящим, боится подстав, опасается грядущих выборов, в общем, живет в постоянном страхе. Церковь же — скорее воспоминание о ее лучших временах, а на деле ее содержит мэр, которому она нужна для сугубо практических целей — в качестве способа вложения капитала и орудия пиара. Простыми людьми она не воспринимается: «Я с тобой по-человечески, а ты мне сказки рассказываешь».

ваешь», — говорит Николай отцу Василию, когда тот излагает ему притчу о Левиафане.

Старое и новое

Что же такое Левиафан? Если соединить его воплощение в фильме с двумя основными устоявшимися образцами его понимания (как непреодолимой, враждебной человеку силы из Ветхого Завета и в качестве введенной английским философом Томасом Гоббсом метафоры государства, надстроенного над людьми, дабы они в конкурентной борьбе не истребили друг друга), то выходит, что Левиафан — это воплощение такого порядка жизни, где человек выступает как жертва или хищник, как добыча или захватчик, как раб или господин (который, однако, — это самое важное — всегда остается рабом вышестоящего). Старый Левиафан — система, в которой подавление человека осуществлялось открыто, путем прямого насилия; она уже отработала свое, ее скелет мы видим на берегу. А новый Левиафан (уже не основой, а бутафорским прикрытием которого выступают чиновники и церковь) живет и действует. Он появляется в фильме только один раз, когда перед смертью Лиля видит его в волнах, но под его дудку пляшут все действующие лица.

Новый Левиафан не гнушается насилием, но использует его только в крайнем случае; его главное орудие иного рода: оно связано скорее с психологическим (или, точнее, идеологическим) воздействием и предназначено для того, чтобы внушить людям убеждение в том, что «человек человеку волк», что все продается и покупается, что свобода заключается в материальном богатстве, что в борьбе даже за малый кусок этого богатства дозволено топтать ближнего и хватать его за горло (желательно в узаконенных рамках «прав человека»). Название подобного порядка — *тотально рыночная организация жизни*, попросту говоря, капитализм. Но все дело в том, что подобное жизнеустройство закрепляется только тогда, когда в его основу закладывается определенный человеческий тип — человек-обыватель, кругозор которого ограничен удовлетворением преимущественно потребительских запросов, а смысл жизни сведен к обеспечению комфорта, к выстраиванию узкого мирка, основанного исключительно на материальном интересе. При этом, дабы убедить человека не покидать

этот круг, в качестве подсобных средств используются приемы, призванные и уверить его в собственной ничтожности перед лицом мироздания (от этой веры, похоже, не свободен и сам режиссер), и внушить ему покорность как власть имущим, так и сложившимся обстоятельствам (эту функцию в фильме выполняют служители культа).

Кто виноват?

Теперь о человеке. Главный герой, которого режиссер упорно пытается уподобить невинно страдающему библейскому Иову, постоянно задает себе вопрос: за что? За что он лишен любимой жены, имущества, свободы, общения с сыном и близкими? На первый взгляд все несчастья поражают Николая Сергеева совершенно незаслуженно: в самом деле, он отнюдь не самый плохой человек на этом свете. Но если взглянуть на ситуацию не с точки зрения текущего момента, а с позиции некоторой временной дистанции, так сказать, в аспекте исторической ретроспективы, то на вопрос «За что?» можно ответить и так: да за то, что в перестройку повелся на рыночные прелести, четверть века назад сдал страну в обмен на право поучаствовать в разграблении общенародного богатства, урвать в меру сил его кусок! Если не так, то откуда тогда его бизнес, участок земли — настолько приличный, что на него зарится продажный мэр (как антипод главного героя), — и относительный материальный достаток? Принимая тогда, четверть века назад, правила рыночной игры, герой делал долги — теперь пришла пора платить по счетам.

Подобное обывательско-рваческое мировоззрение (в советское время было принято говорить «мелкобуржуазное») тоже не с неба свалилось, а имеет свою историю. «Я никому ничего не должен, передо мной все виноваты, значит я имею право на все!» — такое маргинальное мировоззрение начали формировать еще некоторые деятели советской культуры, затем в пору перестройки они и их последователи довели его до формата лозунгов, а уже потом проводили в жизнь олигархи и «эффективные менеджеры». Такой способ мышления усвоил в ту пору и Николай, и теперь он не может понять, кто виноват в его бедах. Ответ — как у следователя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания», когда Рас-

кольников спрашивает его о том, кто убил старуху-процентщицу: «Да как же, вы же и убили-с, Родион Романович, вы убивец и есть!»

Обыватель вообще не способен видеть дальше собственного носа, его ответственность и заботы не выходят за грань краткой перспективы (своего ремесла), узкого круга ближних (жены, сына, приятелей), ближайших забот (сугубо материального плана), как у Николая Сергеева, отлично сыгранного А. Серебряковым (не по причине ли типологической близости к изображаемому персонажу?). Потому-то он всегда удивляется, когда на своей шкуре испытывает прилетающие бумерангом последствия собственных действий, и соображать начинает только тогда, когда его ставят к стенке, как уже неоднократно бывало в истории.

Новый Левиафан: перезагрузка

И наконец, о перспективах. Наглядным выражением либерально-рыночной идеи выступает в фильме адвокат Дмитрий, друг Николая, приехавший ему на помощь и возомнивший себя «слугой закона» и «носителем справедливости» наподобие персонажей из итальянских фильмов про борьбу с мафией. Но все его попытки действовать на западный манер в России заканчиваются плачевно: Николай оказывается за решеткой, его жена гибнет, сын едва не попадает в детдом, а сам «защитник прав человека» (кстати, удивительно напоминающий Алексея Навального) спешно отъезжает в Москву, увозя в качестве трофеев только синяки на лице. Причем, по физиономии он получает дважды: и от народа (от Николая), и от власти (от мэра и его службы).

На этот раз все, как в жизни. Население России, сообразив наконец, что такое либерализм на деле и с чем его едят, определило и свое отношение к его носителям — это отторжение, спектр которого распространяется от безразличия до презрения и ненависти. Либерализм с его апологетикой рынка, который «все регулирует», опознан как капитализм, кредит доверия к нему исчерпан. Поэтому на смену увядшему фантому «управляемой демократии», «гражданского общества» и «правового государства» срочно воздвигается новый фетиш — уже в образе консервативно-охранительного проекта. Его воплощает в фильме красавица церковь, где проповедует архиерей. Церковь

воздвигнута на месте разрушенного дома Николая, на отнятом у него участке земли, но главное, она стоит на берегу моря, в котором плещется Левиафан. А купол ее наглухо законопачен заглушкой, и, в отличие от церкви разрушенной, из нее не видно неба.

Вывод, или Что делать?

Таковы, на взгляд автора, идеи, скрытые в «Левиафане» за обилием привлеченных режиссером эстетических и общекультурных ассоциаций. Можно ли сделать из всего сказанного какие-либо конструктивные выводы? Думается, да. Прежде всего, Левиафан не всесилен, ибо, как подчеркивает Звягинцев, силен он не своей мощью, а слабостью человеческой, которая на самом деле представляет собой не фатальное свойство человеческой природы, а следствие навязывания ложных ценностей, результат массивного идеологического воздействия, целенаправленной выработки у людей узких интересов и потребительских запросов к жизни, продукт внушения со стороны прислужников Левиафана. То есть человеческое несовершенство является свойством, в принципе исправимым. Если так, то в господстве несправедливой власти и напыщенной лжи нет никакой предопределенности и потому не стоит расписываться в бессилии перед ними. Как, впрочем, нет смысла и рассчитывать на какую-то спасительную помощь со стороны, скажем, в образе Ланцелота — борца с Драконом — из одноименной пьесы Евгения Шварца. Человеку в деле преодоления собственной слабости и ограниченности (которые, как выяснилось, коренятся в узко-потребительском мироотношении) остается одно — опора на себя, на собственные силы. Иными словами, «Встань и иди!», если воспользоваться языком Священного Писания. Но это уже за кадром.

Правда, и этот ответ, как мы попытались показать, тоже далеко не полон, но в этом вина не только режиссера, социально-политические установки и симпатии которого ограничены, но и неразвитости, нечеткости объективной общественной ситуации, в которой пребывает страна. Поэтому Звягинцев и не говорит, «как надо», но зато он уверенно утверждает, «как не надо». Его заслуга заключается в том, что системой выстроенного им художественно-философского видения он «отсекает» тупиковые, опирающиеся на негодный человеческий

тип варианты решений и тем самым расчищает пространство для более продуктивных, более оптимистичных в типологическом отношении подходов к человеку. Звягинцев не судья и не пророк, он аналитик, «знаток человеческих душ», причем душ русских — душ людей, живущих вместе с нами на переломе XX–XXI вв. Знание этого рода содержит в себе ключ к видению перспектив дальнейшего развития современной России.

Одно из важнейших назначений искусства состоит в том, чтобы за совершающимися от причины к следствию и носящими вполне объективный характер событиями отыскать их человеческий исток, раскрыть их как результат межчеловеческих взаимодействий и индивидуальных поступков. Причем сделать это надо на двух уровнях: не только зафиксировав сам человеческий генезис всего происходящего на свете, но и проследив, насколько возможно, возникающие при этом перспективы — «за движениями вещей увидеть людей, человеческие отношения, а за отчужденными человеческими отношениями увидеть истинные человеческие отношения» [Мареев С.Н., 2008, с. 106]. Звягинцев лучше, чем кто-либо другой, освоил первый уровень; удастся ли ему выйти на второй, покажет время.

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 308 с.
- Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 390 с.
- Ленин В.И. Л.Н. Толстой и его эпоха // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 20. М.: Политиздат, 1973. С. 100–104.
- Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 17. М.: Политиздат, 1968. С. 206–213.
- Лифшиц М. Проблема Достоевского (Разговор с чертом). М.: Академ. проект; Культура, 2013. 267 с.
- Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков. М.: Культурная революция, 2008. 448 с.
- Маркс К. Письмо М.М. Ковалевскому // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1964. С. 286–287.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41–174.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.

Машевская И. Теорема Звягинцева // Дыхание камня: Мир фильмов Андрея Звягинцева. М: НЛЮ, 2014. С. 105–126.

Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М.: Наука, 1977. 280 с.

Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 823 с.

Шпрангер Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности. М.: Канон+, 2015. 400 с.

Энгельс Ф. Письмо Маргарет Гаркнесс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1965. С. 35–37.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. 336 с.

Получено 18.03.2019

References

- Berger, P. and Luckmann, T. (1995). *Sotsal'noe konstruirovaniye real'nosti* [The social construction of reality]. Moscow: Medium Publ., 308 p.
- Byzov, L.G. (2013). *Kontury novorusskoy transformatsii. Sotsiokul'turnye aspekty formirovaniya sovremennoy rossiyskoy natsii i evolutsiya sotsial'no-politicheskoy sistemy* [Contours of a new Russian transformation. Socio-cultural aspects of the formation of the modern Russian nation and the evolution of socio-political system]. Moscow: ROSSPEN Publ., 390 p.
- Engels, F. (1965). *Pis'mo Margaret Harkness* [Letter to Margaret Harkness]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 35–37.
- Jung, K.G. (1994). *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of soul of our time]. Moscow: Progress Publ., 336 p.
- Kemerov, V.E and Kerimov, T. Kh. (eds.) (2015). *Sovremennyy filosofskiy slovar'* [Modern philosophical dictionary]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publ., 823 p.
- Lenin, V.I. (1976). *L.N. Tolstoy i ego epokha* [L.N. Tolstoy and his epoch]. *Polnoe sobranie so-*

chineniy: v 55 t. [Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 20, pp. 100–104.

Lenin, V.I. (1968). *Lev Tolstoy, kak zerkalo russkoy revolyutsii* [Leo Tolstoy as the mirror of the Russian revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Complete works: in 55 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 17, pp. 206–213.

Lifshitz, M.A. (2013). *Problema Dostoevskogo (Razgovor s chertom)* [The problem of Dostoevsky (The conversation with the devil)]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., Kul'tura Publ., 267 p.

Mareev, S.N. (2008). *Iz istorii sovetskoy filosofii: Lukacs – Vygotsky – Il'entov* [From the history of Soviet philosophy: Lukacs – Vygotsky – Ilyenkov]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 448 p.

Marx, K. (1974). *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Marx, K. (1964). *Pis'mo M.M. Kovalevskomu* [Letter to M.M. Kovalevsky]. *Marx K., Engels F. So-*

chineniya: v 50 t. [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 34, pp. 286–287.

Marx, K. and Engels, F. (1955). *Nemetskaya ideologiya* [The German ideology]. *Marx K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Mashevskaya, I. (2014). *Teorema Zvyagintseva [Zvyagintsev's theorem]. Dykhanie kamnya: Mir fil'mov Andrey Zvyagintseva* [The Breath of the Stone: The Myth of Andrei Zviagintsev's Films]. Moscow: NLO Publ., pp. 105–126.

Osipova, E.V. (1977). *Sotsiologiya Emilya Durkgeima* [Sociology of Emile Durkheim]. Moscow: Nauka Publ., 280 p.

Shpranger, E. (2015). *Formy zhizni: Gumanitarnaya psikhologiya i etika lichnosti* [Forms of life: Humanitarian psychology and ethics of personality]. Moscow: Kanon+ Publ., 400 p.

Received 18.03.2019

Об авторе

Рыбин Владимир Александрович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3343-1048>

About the author

Vladimir A. Rybin

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3343-1048>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рыбин В.А. Смысл творчества Андрея Звягинцева: опыт типологического исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 305–319.

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-305-319

For citation:

Rybin V.A. The meaning of Andrey Zvyagintsev's works: experience of typological research // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3 P. 305–319. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-305-319

УДК 101.1:323

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330

БИОПОЛИТИКА И БИОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТОВ

Желнин Антон Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена феномену биополитики. Реализуется попытка прояснить производственно-экономические основания биополитики (в частности вводится и исследуется концепт «биополитической экономики»). С другой стороны, проводится разграничение между биополитикой и биовластью. Биовласть — относительно новый вид власти, распространяющийся на витальные основы жизни человека и общества. Биовласть является яркой разновидностью «мягкой власти», не предполагающей прямой контроль и эксплуатацию, а действующей опосредованно: например, через искусственное конструирование и навязывание новых потребностей, продвижение новых видов товаров и услуг. Одним из косвенных агентов биовласти выступает медицина, которая в результате процесса интенсивной медиализации общества стала включать в поле своей юрисдикции все большее количество жизненных ситуаций и проблем. Несмотря на свою «мягкость», биовласть не перестает быть властью, так как сохраняется асимметрия между ее субъектами и объектами. Политэкономический подход является перспективным в анализе биовласти, так как последняя имеет экономические корни и, по сути, возникает как расширение власти капитала, следствие его экспансии на новые сферы с целью поиска источников извлечения прибыли. Так, некоторые теоретики пишут о «биокапитале» как о новой форме последнего. Вместе с тем в современном обществе заметна новая глобальная тенденция, связанная со все более масштабным обращением к горизонтальным способам социального взаимодействия. Многие из них основываются на сетевом принципе и предполагают широкую автономию, коммуникативное и кооперативное равноправие ее субъектов. Вследствие такой трансформации властная асимметрия постепенно «сглаживается». В данном контексте перспективно рассматривать биополитику не как простое выражение биовласти, а как потенциально качественно новый способ взаимодействия между людьми, общественными группами и институтами по поводу биологических аспектов своего существования вплоть до возможности разумного управления ими. Последнее должно быть понято не как прямой контроль, а как прогнозирование и планирование с целью наиболее оптимального функционирования и развития биологии человека.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, биополитическая экономика, биоэкономика, биокапитал, биокапитализм, мягкая власть, медицина, медиализация, управление, планирование.

BIOPOLITICS AND BIOPOLITICAL ECONOMY: ESSENCE OF CONCEPTS

Anton I. Zhelnin

Perm State University

The article is devoted to the concept of biopolitics. An attempt to clarify the productive and economic basis of biopolitics is made (for instance the concept of «biopolitical economy» is formulated and analyzed). On the other hand, a conceptual distinction between biopolitics and biopower is shown. Biopower is a relatively new kind of power, spreading to the vital foundations of human and social life. Biopower is a bright representative of so-called «soft power», which does not imply direct control and exploitation, but acts indirectly, for example, through the artificial design and imposition of new needs, the promotion of

new types of goods and services. Medicine became in this sense one of the indirect agents of biopower, which through processes of intensive medicalization begins to include more life situations and problems into field of its jurisdiction. Despite its «softness», biopower doesn't cease to be power, since the asymmetry between its subjects and objects remains. Politeconomical approach is promising in analysis of biopower because the latter has economic roots and, in fact, arises as extension of power capital and consequence of its expansion into new spheres in search of sources for profit making. Several authors write about «biocapital» as a new form of it. At the same time, in modern society a global transformation is noticeable, which is associated with an increasingly large-scale transit to horizontal modes of interaction based on the network principle and involving broad autonomy, communicative and cooperative equality of its subjects. Power asymmetry is gradually «smoothed out». In this context, it is promising to consider biopolitics not as a simple consequence or expression of biopower, but as a potential qualitatively new way of interaction between people, public groups and institutions about the biological aspects of their life, directly up to the possibility of reasonable management of them. This management should be understood not as direct control but as foresight and planning with the aim of optimization of functioning and development of human biology.

Keywords: biopolitics, biopower, biopolitical economy, bioeconomics, biocapital, biocapitalism, soft power, medicine, medicalization, management, planning.

Введение

Биополитика является чрезвычайно популярным современным концептом [Lemke T. et al., 2011]. Несмотря на различия в его интерпретациях [Самовольнова О.В., 2017], теоретики так или иначе отмечают, что данный феномен связан с распространением, экспансией властных механизмов на витальные стороны жизнедеятельности людей. Вместе с тем феноменологический факт расширения поля власти может иметь совершенно разное теоретическое объяснение в рамках той или иной парадигмы, что во многом связано с различием в понимании природы власти и сферы политики как таковых. Думается, перспективным для понимания сущности феномена биополитики может явиться политэкономический подход, который может вскрыть ее основания в соответствии не только с известным принципом «политика — концентрированное выражение экономики», но и с фундаментальным подходом, который в конечном счете связывает суть того или иного социального феномена с особенностями способа производства и его изменениями. Способ производства может быть понят с точки зрения не только экономики, но и антропологии — как конкретно-исторический модус производства человеком самого себя. Актуальность этой связи заключается еще и в том, что природа человека имеет иерархический характер и включает в себя, наряду с чисто социальными феноменами, биологическую сторону. Соответственно, процесс производства неотъемлемо обладает

собственным биологическим фундаментом; в свою очередь, человеческая биология требует регулярного воспроизводства, которое реализуется во многом посредством потребления произведенного. Повторное признание наличия у человека, помимо «неорганического тела» (природы как всеобщего предмета труда), собственного «органического тела» с особой внутренней логикой, заставляет некоторых теоретиков современного марксизма все чаще прибавлять к термину «органический» приставку «био» [Рыбин В.А., 2018].

Начало применения политэкономического подхода по отношению к биополитике было положено М. Хардтом и А. Негри, которые во многом опирались на концепции М. Фуко, Дж. Агамбена, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, критически пересмотрев их теории в русле производственной парадигмы. По их мнению, биополитическая власть — это власть, распространяющаяся на абсолютно все стороны и аспекты человеческой жизнедеятельности: «Наивысшая функция этой власти — охватить все сферы жизни, а ее важнейшая задача — управление жизнью. Таким образом, биовласть обращается к ситуации, в которой ставка делается непосредственно на производство и воспроизводство самой жизни... Когда власть становится биополитической, социальное тело целиком поглощается машиной власти и развивается в ее виртуальности. Таким образом, власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно

распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» [Хардт М., Негри А., 2004, с. 36–37]. *Хардт и Негри доказывают, что субъектом биовласти является глобальный капитал, ищущий все новые пути извлечения прибыли и далеко не всегда имеющий политическое (государственное или надгосударственное) «лицо». Биовласть — это по своей природе экономическая власть, целью которой является явная или скрытая эксплуатация в рамках производства, понимаемого предельно широко как производство жизни, «жизненного мира» в его целокупности.* Вместе с тем их подход создал некоторые препятствия для дальнейшего концептуального анализа. Прежде всего, это чисто терминологическая неопределенность в соотношении понятий «биополитика» и «биовласть»: иногда они отождествляются, но чаще биополитика рассматривается как простое приложение к биовласти или ее выражение [Барбарук Ю.В., Барбарук А.В., 2018]. Второе ограничение — идеологическое: оно связано с сугубо негативным отношением к биополитике, вызванным критикой системы неolibерализма, порождением которой она считается. *Цель статьи — показать, что эти ограничения взаимосвязаны, и наметить пути их успешного преодоления при использовании и концептуальном углублении содержания политэкономического подхода.*

Биокапитал

Действительно, современные феномены массового «внедрения» капиталистической логики в область человеческой биологии совершенно закономерно вызывают критику. Все чаще в разных ракурсах говорится о *биокапитализме* как качественно новой стадии «позднего» глобального капитализма [Peters M.A., Venkatesan P., 2010]. С этой же позиции критики трактуется и биовласть, которая, повторимся, понимается как власть капитала, диффузно проникающая во все новые сферы существования вплоть до бытовой повседневности. Стоит согласиться с тем, что в случае биовласти ее объектом выступает психосоматическое бытие человека во всей его целостности [Чешко В.Ф., Глазко В.И., 2009]. М.Н. Nadesan отмечает, что биовласть является предпочтительной для современной неolibеральной системы: создавая иллюзию максимальной эффективности и «всеобщего

процветания» при сохранении формальной свободы субъектов через принцип *laissez-faire*, распространенный на все стороны жизни (в том числе витальные), она де-факто «может также служить интересам накопления капитала и рыночных сил путем выявления и оптимизации жизненных сил населения, максимизируя их потенциал как людских ресурсов и их полезность для рыночной капитализации. Таким образом, биовласть может дополнять и расширять власть капитала для экспроприации ценных ресурсов из производственных отношений» [Nadesan M.H., 2008, p. 3]. Вместе с тем некоторые ученые оспаривают идею того, что биовласть — это достояние сугубо современной эпохи. Авторы сборника с говорящим названием «Построение нового биокультурального синтеза: политэкономические перспективы человеческой биологии» пытаются проследить конкретно-исторические изменения формата взаимоотношений между производственно-экономической сферой и биологией человека. Одним из перспективных «мостов» для этого является адаптация, выступающая инвариантным механизмом существования живого, в том числе и человека. Меж тем они также занимают позицию критики, указывая на то, что в антагонистических обществах речь идет скорее о дезадаптации, чем об успешной адаптации: «Адаптационная перспектива оценивает, как люди отвечают на неблагоприятные условия, их потенциал для восстановления, когда их принципиальные ответы подорваны. Люди, пойманные в сети эксплуатации, пытаются приспособиться к ограничениям, наложенным на них» [Building a new biocultural synthesis..., 2010, p. 66–67]. N. Rose констатирует, что можно говорить не столько о биополитике, сколько о биоэкономике: «Переформатирование человеческих существ протекает внутри новой политической экономии жизни, в которой, по крайней мере частично, биополитика превратилась в биоэкономику» [Rose N., 2007, p. 17]. Последняя представляет собой продолжение рыночной системы со всеми ее составляющими: «Биоэкономика и ее составляющая (биокапитал) репрезентированы через показатели темпов роста инвестиций, числа компаний, доходности капитала, количества продуктов, поступивших на рынок, которые делятся на сектор, страну, регион и рассчитываются на годы вперед для демон-

страции их роста или снижения» [Rose N., 2007, p. 18]. Биокапитал является здесь центральным понятием, однако его не следует мистифицировать. Справедливо отмечается, что политэкономический анализ должен избегать «фетишизации всего “био”», помня, что такие феномены порождены приложением старых рыночных механизмов к новым источникам прибыли, например, капитализацией новейших биомедицинских технологий [Birch K., Tyfield D., 2013]. *Биокапитал является только этапом экспансии капитала, его несубстанциальным «зеркалом» на витальном уровне общественной жизни.*

Биовласть

Вместе с тем когда речь идет об эффектах контроля и эксплуатации капиталом биологических сторон жизни, более релевантно говорить именно о биовласти. Понятие «власть» генеалогически выражает иерархические отношения господства – подчинения. Даже предельно общие трактовки власти сохраняют эту асимметрию, понимая под ней способность субъекта системно оказывать влияние на объект [Ледяев В.Г., 2000]. Власть необходимо отличать от принуждения и чистого насилия: «Власть поэтому следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию. У того, кто подвергается принуждению, возможности выбора сводятся к нулю... Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера... Каузальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе необязательно в ее сломе» [Луман Н., 2001, с. 18–19, 23]. Близкой позиции придерживается и Дж. Агамбен, полагая, что атрибутом власти является способность повелевать (т.е. управлять волей): «Власть перестает существовать не тогда, когда ей не повинуются более или менее в полной мере, но тогда, когда она перестает отдавать приказы» [Агамбен Дж., 2013, с. 30]. Современная неolibеральная система действует на свои объекты по большей части косвенно и ненавязчиво, что позволяет ввести понятие «мягкая власть» [Nye J.S. Jr, 2004]. *Биовласть является ярким примером такого типа власти; она диффузно проникает в разные сферы жизни, избегая при этом прямого контроля и принуждения:* «Биовласть — власть “невидимая” и именно поэтому эффек-

тивная... Биовласть работает таким образом, что объект, подчиненный властному воздействию, просто перестает ощущать какое-либо давление, осознавая нечто происходящее как нечто, что свойственно ему» [Аласания К.Ю., 2018, с. 74–75]. Однако скрытый императив не перестает быть императивом. Еще Г. Маркузе отмечал, что одним из способов функционирования развитого капитала является манипулятивная «игра» с потребностями человека посредством управления уже имеющимися, конструирования и навязывания новых с целью искусственного повышения потребительского спроса [Маркузе Г., 2003]. Такая консьюмеризация является магистралью и для биовласти. Интересно предположение о том, что если бы с помощью биотехнологий можно было «отменить» старение и смерть, то это стало бы, по сути, потенциально бесконечным источником для извлечения капиталом прибыли и главным механизмом поддержания его дальнейшего существования [Harari Y.N., 2016]. Но даже в отсутствие «эликсира вечной молодости» новейшие биомедицинские открытия успешно коммерциализируются и продвигаются на рынок, так что можно констатировать «широкомасштабную капитализацию бионауки и мобилизацию ее элементов внутри новых отношений обмена» [Rainbow P., 2006, p. 203]. *Наконец, можно констатировать наличие тенденции медиализации, когда все большее количество проблем рассматриваются лежащими в сфере влияния медицины.* Ее, однако, не стоит понимать как просто линейную тенденцию экстенсивного расширения поля ее господства — процесс является обоюдным: медиализация и демедиализация могут протекать синхронно, но меж тем ведущей все-таки признается тенденция к «экспансии медицинской юрисдикции» [Conrad P., 2007, p. 7]. Это также дает дополнительные возможности для диссеминированного влияния биокапитала на жизнь в ее целокупности.

Оккупация капиталом сферы человеческой биологии представляет собой своего рода завершение круга, так как идеи «саморегуляции», «естественности» и «невмешательства», лежащие в основе рыночной системы, исторически имели в самом начале телесно-натуралистические коннотации. Установление биовласти со способностью контроля сознаний и потребностей людей позволяет говорить уже не о теоре-

тическом редукционизме, а о вполне реальной биологизации жизни массы людей. Так, высказывается мнение о том, что «историческому насилию биовласти» начинает противостоять «новое технологизированное тело бедных» [Cocco G., Cava B., 2018, р. XVIII]. Речь в первую очередь идет о населении периферийных, бедных и одновременно бурно индустриализирующихся стран, в которых рынок ориентирован на удовлетворение их первичных, витальных потребностей. Но и в высокоразвитых постиндустриальных странах также можно говорить о подобной биологизации, только другого уровня: качество жизни в этих странах все больше оценивается с точки зрения биологии и медицины, доступ к тем или иным биомедицинским технологиям, облеченным в форму товаров и услуг, оказывается символом достатка и престижа. Причем речь идет не только о «привилегированных» методах терапевтического лечения, но и способах определенного «улучшения» тех или иных своих биологических характеристик, которые обобщенно получили наименование «human enhancement» [Human enhancement, 2010]. Границы последнего активно обсуждаются не только ввиду порождаемых им угроз морального плана, но и ввиду того, что их массовая коммерциализация потенциально способна привести к новому виду неравенства, который может иметь не внутривидовой, а межвидовой (люди vs. сверх/постлюди) характер. *В целом очевидно, что во всех случаях капиталистическая форма биовласти активно формирует новый вид фетишизма, когда человеческая личность не только отделяется от своей деятельности, противостоящей ей в виде отчужденного и одновременно навязываемого многообразия товаров и услуг, но и все больше «заслоняется» существенно объективированной жизнью собственного тела, рассматриваемого как один из приоритетных источников потребления.*

Биополитика

Вместе с тем некоторые тенденции позволяют видеть перспективы эволюции данных феноменов. *Биополитика, как политика sui generis, по определению предполагает наличие субъектности, то есть активной позиции в реализации соответствующей деятельности. Именно это, по нашему мнению, отличает биополитику от*

биовласти, построенной (как и любая власть) преимущественно на «вертикальных» отношениях иерархии и субординации. А.В. Олескин полагает, что в современной биополитике начинают постепенно выделяться «горизонтальные (сетевые) структуры, отличающиеся отсутствием единого водителя ритма. Здесь сосуществуют, конкурируют, сложным образом взаимодействуют множество центров активности — частичных лидеров» [Олескин А.В., 2007, с. 1084–1085]. Это является специфическим отголоском более общей тенденции к децентрализации современной жизни, переходу к «мягким» формам власти и росту коммуникативно ориентированной самоорганизации. М. Кастельс, провозгласивший грядущее сетевое общество, в другой своей книге «Коммуникативная власть» отмечает, что «вертикальная форма коммуникации оказывается сломана в мире, характеризуемым превалированием горизонтальных сетей мультимодальной коммуникации», и что «диффузия горизонтальных коммуникационных сетей глубоко модифицирует практику власти в ряде социальных и институциональных измерений» [Castels M., 2013, р. XXII, XXIV]. Данная глобальная тенденция с далеко идущими последствиями может сигнализировать и о возможности смены формата «коммуникации» человека со своей биологией. Ее по-своему уловил Дж. Агамбен, отметивший, что «единственной сколько-нибудь серьезной задачей остается забота о биологической жизни и “интегральное управление” ею» и что «сама естественная жизнь и ее благосостояние как бы становятся последней исторической задачей человечества» [Агамбен Дж., 2012, с. 93]. Если абстрагироваться от итоговой идеи «конца истории», то можно вычленив указание на то, что *человечество может перейти к формату разумного управления своей биологией.*

Несколько конкретных трендов явно или косвенно указывают на рационализацию биополитического поля. Один из них — это революционные изменения в современной медицине, в частности, переход к ее превентивным и персонализированным формам (4-P медицина), что предполагает приоритет профилактики, раннюю диагностику заболеваний (или predisposedness к ним) через обнаружение их биомаркеров и предикторов, все более полный учет индивидуальных особенностей организма

пациента вплоть до генетического уровня, создание таргетных препаратов, широкую работу по сопутствующей лечению коррекции образа жизни, усиление экологической составляющей в медицине и т.д. Однако было бы неверным ограничивать данные трансформации только чисто медицинской сферой. Те же бурные процессы медиализации осложняют проведение границы между медициной и не-медициной в жизни человека и общества: еще М. Фуко писал, что «дьявольское в настоящей ситуации то, что каждый раз, когда мы хотим обратиться к области вне медицины, мы обнаруживаем, что она уже медиализована» [Foucault M., 2004, p. 14]. Несмотря на описанные выше негативные следствия медиализации, по нашему мнению, не стоит поддаваться алармистским настроениям и рассматривать ее только в inferнальном свете. Она не является полностью результатом манипулирования, но косвенно свидетельствует и о все более возрастающем внимании человека к витальным аспектам своего бытия, о желании сознательно их улучшить. *Медиализация сама способствует автономизации пациента, переносу центра тяжести с лечения болезни на ее предупреждение или раннее обнаружение, а также мотивации улучшить параметры своего здоровья даже в отсутствие болезни, что предполагает повышение уровня рациональности по отношению к нему.* Вместе с тем в данном случае речь идет о сфере индивидуального выбора личной жизненной стратегии. Возникает несправедливый вопрос: можно ли говорить в потенции о биополитике на надындивидуальном, общественном уровне?

Когда речь заходит о возможности социального управления биологией людей, то на ум приходят известные антиутопии, причем сценарий О. Хаксли ввиду популярности механизмов мягкой власти является в значительной степени более реалистичным, чем сценарий того же Оруэлла: «Почти полного контроля над обществом власть достигает путем систематического поощрения желательного поведения с помощью множества видов практически ненасильственного манипулирования — физического и психологического» [Хаксли О., 2018, с. 10]. Также всплывает призрак евгеники, который заставлял таких теоретиков, как Ф. Фукуяма и Ю. Хабермас, видеть в биотехно-

логическом прогрессе опасную угрозу человеческой природе. Вместе с тем Хаксли опасался в первую очередь жесткого централизованного управления, когда социальное целое доминирует над индивидами, стремясь подчинить себе их индивидуальные биологии, стандартизировать последние: «Социальная общность, чьи ценности ставятся выше ценностей составляющих его частей, не является организмом в смысле муравейника или термитника. Это всего лишь организация, часть социального механизма. Организация не является осознающим себя живым существом. Предоставить организации примат над личностью — значит подчинить цель средствам» [Хаксли О., 2018, с. 45]. Ю. Хабермас уже видел угрозу в более децентрализованных, «интерсубъективных» попытках инструментализации и программирования биологии одного человека (например, ребенка) другим (например, родителем). Данный феномен был назван либеральной евгеникой, «не признающей разницы между терапевтическим и улучшающим вмешательством... и отдающей выбор целей для вмешательств на откуп индивидуальным предпочтениям участников рынка» [Хабермас Ю., 2002, с. 30]. Кажется, что ее перспектива снова указывает на то, что, в соответствии с неолиберальной логикой, есть смысл говорить об управлении биологическими основами жизни только на сугубо приватном уровне, сопряженном как с личным выбором, так и с личным же доступом к возможностям его реализации. Последнее в условиях интенсивной коммерциализации новейших технологий детерминируется экономическим статусом субъекта и порождает новую форму неравенства. Медицина во многом остается «агентом» капитала, поэтому специально указывается на то, что необходим своего рода «социальный контракт» между ней и обществом [Hogne R. et al., 2015], чтобы доступ к ее инновациям не стал новой формой эксклюзивной привилегии элит, а был бы более или менее справедливо распределен среди населения. Однако разработка такого «контракта» уже де-факто была бы вариантом общественного управления.

Биополитическая экономия как теоретическая основа биополитики

Управление биологическими основами возможно на общественно-коллективном уровне, если

понимать под управлением не контроль (тем более тотальный) и прямое вмешательство, а регулирование, прогнозирование и планирование в широком смысле. *Примером такого умеренного подхода может быть не буквальная трансформация человеческой биологии, а установление и реализация оптимальных условий для более гармоничной реализации человека в биологическом аспекте, для установления наиболее подходящего типа нагрузок на его организм.* Вместе с тем об управлении биологическим в настоящее время чаще всего говорят применительно к внешней, окружающей человека природе, что обусловлено экологическим кризисом. Так, в недрах менеджмента, во многом претендующего на общую теорию управления, сформировался раздел эко- (или инвайронмент-) менеджмента, направленный на установление и поддержание устойчивой коэволюции общества со средой обитания [Schaltegger S. et al., 2017]. Все более широкую популярность приобретает и концепт «управляемой эволюции», который пока также в основном применяется для характеристики воздействия человека на биосферу, а не на собственную биологию [Яблоков А.В. и др., 2017]. Вместе с тем возможность последнего также имела бы эволюционный фундамент и коренилась бы в такой общей для всего живого тенденции, как аутопоэзис, что буквально означает «самоконструирование», «самотворение» [Mingers J., 2013]: человек, перейдя к разумному управлению своей жизнью в целом и биологической жизнью в частности, по сути логически завершил бы данный тренд, полностью его реализовав.

Вместе с тем возможность такой позитивно истолкованной биополитики встречает ряд препятствий, как специфических, так и имеющих сходства с другими формами управления. Первые связаны со сложностью объекта управления, недостаточным пониманием фундаментальных механизмов функционирования биологии человека. Ко вторым главным образом относится возможность эксплуатации данного регулирования в частных интересах (в данном случае биополитика останется биовластью) и преимущественная стихийность общественной жизни, порожденная рыночными механизмами. *Неолиберальная система, основанная на принципах самоорганизации, конкуренции и невмешательства, по нашему мнению чужда идее*

управления в принципе. Д.И. Дубровский также отмечает в этой связи более общую антропологическую асимметрию в векторах деятельности человека, когда подавляющая часть активности направлена вовне, а не на себя самого: «Впрочем, дефицит самопознания был характерен для всех этапов истории человечества. Бросается в глаза разрыв, вопиющая несоразмерность деятельности познавательной и преобразующей, направленной во внешний мир, с одной стороны, и самопознания и самопреобразования — с другой» [Дубровский Д.И., 2012, с. 52]. *Современная система глобального капитализма функционирует в этом смысле в условиях существенного «дефицита разумности», при отсутствии должной рефлексии своей деятельности, глубокого понимания ее причин и следствий, что вкупе с экспансией логики извлечения прибыли существенно тормозит рационализацию общественной жизни, в том числе с помощью наиболее оптимального применения передовых технологий, все более значимая часть которых представлена биомедицинскими технологиями.*

Для разумного управления необходим прочный научный фундамент. В нашем случае речь должна идти о теории, которая бы успешно выявляла и подвергала критике механизмы современного биокапитализма, одновременно с этим намечая пути выхода из порожденного им кризиса к более оптимальному формату существования человека в биологическом плане, строя целостную стратегию последнего. Полагаем, такая теория заслуживает право именоваться *биополитической экономией*, поскольку она могла бы быть органичным продолжением политической экономии, осуществляя деятельность по выявлению противоречий, лежащих в основе капитализма на уровне не только экономики, но и самой человеческой сущности. В этом ключе «био» не является простым довеском: социальная сущность человека имеет свою неотчуждаемую витальную основу, так что все общественные противоречия и антагонизмы проецируются на нее, с неизбежностью порождая патологические в биологическом смысле следствия.

Заключение

Ввиду сущностной связи биовласти с современной социально-экономической системой и

ее ограничениями реализация биополитики как стратегии целенаправленного управления общества своими биологическими основами возможна только в рамках более масштабного перехода цивилизации к качественно новому, более разумному формату своего существования. Многие теоретики указывали на данную потребность. Так, Н. Винер, отталкиваясь от понятия «гомеостаз» в качестве ключевого феномена по поддержанию стабильного баланса, отмечает недостаточность гомеостатических механизмов не только на индивидуальном, но и на общественном уровне: «Можно констатировать, что обычный организм не обладает гомеостазисом, соответствующим всем его нуждам. То же самое не в меньшей степени относится и к политическому организму — государству» [Винер Н., 1994, с. 129]. С. Лем, также предполагая закономерный переход от цивилизации к жизни на основе разумного регулятора (общественного гомеостата), отмечал, что «если формация — как, в частности, капиталистическая формация — склонна к самовозбуждающимся колебаниям (бумы и кризисы), то регулятор может счесть необходимым применить для устранения этих колебаний такие меры, которые вызовут бешеный протест» [Лем С., 2002, с. 172]. Другими словами, так как капитализм, несмотря на его «поздние» (постиндустриальные, информационные) вариации, продолжает функционировать в рамках преимущественно стихийных, в каком-то смысле «бессознательных» механизмов, то очевидно, что переход к подлинно разумному управлению предполагал бы фундаментальные изменения в экономической сфере и в самом способе производства, понятом, повторимся, не только как производство материальных благ, но и как создание человеком самого себя. Основными целями такого управления в идеале должны быть гармоничное развитие человека и максимально полная реализация его антропологического потенциала. Ответ на вопросы о том, какое место в этом будет играть биологическая сторона его сущности, какие ее аспекты и параметры нуждаются в «доразвитии» и какие траектории последнего являются оптимальными для дальнейшего социального прогресса, и должна дать такая новая, существующая пока в виде эскиза область научного исследования как биополитическая экономия.

Список литературы

- Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. М.: РГГУ, 2012. 112 с.
- Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Грюндриссе, 2013. 72 с.
- Аласания К.Ю.. Философская концепция био-власти: истоки и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2018. № 4. С. 70–77.
- Барбарук Ю.В., Барбарук А.В. Биополитика как форма власти в современном обществе риска // Социология и право. 2018. № 3(41). С. 35–44.
- Винер Н. Индивидуальный и общественный гомеостазис // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 127–130.
- Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 51–54.
- Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 97–107.
- Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. 668 с.
- Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 526 с.
- Олескин А.В. Сетевые структуры как биополитический проект // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77, № 12. С. 1084–1088.
- Рыбин В.А. Биомарксизм: опыт новейшей реконструкции учения Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-179-190>
- Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4–2(10). С. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М.: Весь мир, 2002. 144 с.
- Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М.: АСТ, 2018. 192 с.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Nume (био-власть и биополитика в обществе риска). М.: РГАУ–МСХА им. К.А. Тимирязева, 2009. 320 с.
- Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» //

Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2017-2-004-008>

Birch K., Tyfield D. Theorizing the Bioeconomy: Biovalue, Biocapital, Bioeconomics or... What? // Science, Technology, & Human Values. 2013. Vol. 38, no. 3. P. 299–327. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243912442398>

Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology / ed. by A.H. Goodman, T.L. Leatherman. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2010. 512 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10398>

Castels M. Communication power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 574 p.

Cocco G., Cava B. New Neoliberalism and the Other: Biopower, Anthropophagy, and Living Money. Lanham, MD: Lexington Books, 2018. 254 p.

Conrad P. The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders. Baltimore, MD: JHU Press, 2007. 224 p.

Foucault M. The crisis of medicine or the crisis of antimedicine? // Foucault Studies. 2004. No. 1. P. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i1.562>

Harari Y.N. Homo Deus: A brief history of tomorrow. N.Y.: Random House, 2016. 528 p.

Horne R. et al. A new social contract for medical innovation // The Lancet. 2015. Vol. 385, no. 9974. P. 1153–1154. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)60607-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)60607-9)

Human enhancement / ed. by J. Savulescu, N. Bostrom. Oxford: Oxford University Press, 2010. 432 p.

Lemke T., Casper M.J., Moore L.J. Biopolitics: An advanced introduction. N.Y.: NYU Press, 2011. 158 p. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i14.3906>

Mingers J. Self-producing systems: Implications and applications of autopoiesis. N.Y.: Springer Science & Business Media, 2013. 246 p.

Nadesan M.H. Governmentality, biopower, and everyday life. N.Y.: Routledge, 2008. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>

Nye J.S. Jr. Soft power: The means to success in world politics. N.Y.: Public affairs, 2004. 191 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/20033985>

Peters M.A., Venkatesan P. Biocapitalism and the politics of life // Geopolitics, History, and International Relations. 2010. Vol. 2, no. 2. P. 100–123.

Rabinow P. Biopower today // BioSocieties. 2006. Vol. 1, no. 2. P. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1745855206040014>

Rose N. Molecular biopolitics, somatic ethics and the spirit of biocapital // Social Theory & Health. 2007. Vol. 5, no. 1. P. 3–29.

Schaltegger S., Burritt R., Petersen H. An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability. N.Y.: Routledge, 2017. 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351281447>

Получено 28.06.2019

References

Agamben, G. (2012). *Otkrytoe. Chelovek i zhivotnoe* [The open: Man and animal]. Moscow: RSUH Publ., 112 p.

Agamben, G. (2013). *Chto takoe povelevat'?* [What is a commandment?]. Moscow: Grundrisse Publ., 72 p.

Alasaniya, K.Yu. (2018). *Filosofskaya kontseptsiya biovlasti: istoki i perspektivy* [Philosophical conception of biopower: sources and prospects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 4, pp. 70–77.

Barbaruk, Yu.V. and Barbaruk, A.V. (2018). *Biopolitika kak forma vlasti v sovremennom obschestve riska* [Biopolitics as form of power in modern risk society]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law]. No. 3(41), pp. 35–44.

Birch K., Tyfield D. (2013). *Theorizing the bioeconomy: biovalue, biocapital, bioeconomics or... What?* Science, Technology, & Human Values. Vol. 38, no. 3, pp. 299–327. DOI: <https://doi.org/10.1177/0162243912442398>

Castells, M. (2013). *Communication power*. Oxford: Oxford University Press, 574 p.

Cheshko, V.F. and Glazko, V.I. (2009). *High Hume (biovlast' i biopolitika v obschestve riska)* [High Hume (biopower and biopolitics in a risk society)]. Moscow: RSAU-MTAA Publ., 320 p.

Cocco, G. and Cava, B. (2018). *New neoliberalism and the other: biopower, anthropophagy, and living money*. Lanham, MD: Lexington Books Publ., 254 p.

Conrad, P. (2007). *The medicalization of society: On the transformation of human conditions into treatable disorders*. Baltimore, MD: JHU Press, 224 p.

Goodman, A.H. and Leatherman, T.L. (eds.) (2010). *Building a new biocultural synthesis: Political-economic perspectives on human biology*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 512 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.10398>

Dubrovskiy, D.I. (2012). *Biologicheskie korni antropologicheskogo krizisa. Chto dal'she?* [Biological roots of anthropological crisis. What's next?]. *Chelovek* [Human]. No. 6, pp. 51–54.

- Foucault, M. (2004). The crisis of medicine or the crisis of antimedicine? *Foucault Studies*. No. 1, pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i1.562>
- Habermas, J. (2002). *Buduschee chelovecheskoy prirody. Na puti k liberal'noy evgenike?* [Future of human nature. On the way to liberal eugenics?]. Moscow: Ves' Mir Publ., 144 p.
- Harari, Y.N. (2016). *Homo Deus: A brief history of tomorrow*. New York: Random House, 528 p.
- Horne, R., Bell, J., Montgomery, J.R., Ravn, M.O. and Tooke, J.E. (2015). A new social contract for medical innovation. *The Lancet*. Vol. 385, no. 9974, pp. 1153–1154. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(15\)60607-9](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(15)60607-9)
- Huxley, A. (2018). *Vozvraschenie v divnyy novyy mir* [Brave new world revisited]. Moscow: AST Publ., 192 p.
- Khardt, M. and Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis Publ., 440 p.
- Ledyayev, V.G. (2000). *Vlast': kontseptual'nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1, pp. 97–107.
- Lem, S. (2002). *Summa tekhnologii* [Summa of technologies]. Moscow: AST Publ., 668 p.
- Lemke, T., Casper, M.J. and Moore, L.J. (2011). *Biopolitics: An advanced introduction*. New York: NYU Press, 158 p. DOI: <https://doi.org/10.22439/fs.v0i14.3906>
- Luman, N. (2001). *Vlast'* [Power]. Moscow: Praxis Publ., 256 p.
- Marcuse, H. (2003). *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyy chelovek* [Eros and civilization. One-dimensional man]. Moscow: AST Publ., 526 p.
- Mingers, J. (2013). *Self-producing systems: Implications and applications of autopoiesis*. New York: Springer Science & Business Media, 246 p.
- Nadesan, M.H. (2008). *Governmentality, biopower, and everyday life*. New York: Routledge, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203894620>
- Nye, J.S. Jr. (2004). Soft power: The means to success in world politics. *Public affairs*. 191 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/20033985>
- Oleskin, A.V. (2007). *Setevye struktury kak biopoliticheskiy proekt* [Net structures as biopolitical project]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 77, no. 12, pp. 1084–1088.
- Peters, M.A. and Venkatesan, P. (2010). Biocapitalism and the politics of life. *Geopolitics, History, and International Relations*. Vol. 2, no. 2, pp. 100–123.
- Rabinow, P. (2006). *Biopower today*. *BioSocieties*. Vol. 1, no. 2, pp. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1745855206040014>
- Rose, N. (2007). Molecular biopolitics, somatic ethics and the spirit of biocapital. *Social Theory & Health*. Vol. 5, no. 1, pp. 3–29.
- Rybin, V.A. (2018). *Biomarksizm: opyt noveyshey rekonstruktsii ucheniya Marksa* [Biomarxism as the experience of modern reconstruction of Marx's theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 2, pp. 179–190. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2018-2-179-190>
- Samovol'nova, O.V. (2017). *Sotsial'no-filosofskiy analiz osnovnykh kontseptsiy biopolitiki: M. Fuko, G. Agamben, A. Negri* [Socio-philosophical analysis of basic conception of biopolitics: M. Foucault, G. Agamben, A. Negri]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology Studies. Art Studies]. No. 4–2(10), pp. 261–271. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2017-4-261-271>
- Savulescu, J. and Bostrom, N. (eds.) (2010). *Human enhancement*. Oxford: Oxford University Press, 432 p.
- Schaltegger, S., Burritt, R. and Petersen, H. (2017). *An introduction to corporate environmental management: Striving for sustainability*. Routledge, 384 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781351281447>
- Viner, N. (1994). *Individual'nyy i obschestvennyy gomeostazis* [Individual and social homeostasis]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6, pp. 127–130.
- Yablokov, A.V., Levchenko, V.F. and Kerzhentsev, A.S. (2017). *O kontseptsii «upravlyayemoy evolyutsii» kak al'ternativnye kontseptsii «ustoychivogo razvitiya»* [The conception of «controlled evolution» as an alternative to the conception of «sustainable development»]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya* [Theoretical and Applied Ecology]. No. 2, pp. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.25750/1995-4301-2017-2-004-008>

Received 28.06.2019

Об авторе

Желнин Антон Игоревич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>

About the author

Anton I. Zhelnin

Ph.D. in Philosophy, Associate professor
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: antonzhelnin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6368-1363>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Желнин А.И. Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 320–330. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330

For citation:

Zhelnin A.I. Biopolitics and biopolitical economy: essence of concepts // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 320–330. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.937

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-331-344

**СУБЪЕКТНЫЙ И ОБЪЕКТНЫЙ ФОКУС СРАВНЕНИЯ
«Я – ДРУГОЙ» В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ******Балева Милена Валерьевна****Пермский государственный национальный исследовательский университет****Ковалева Галина Викторовна****Пермский государственный институт культуры*

Исследовалось влияние субъектного и объектного перцептивного фокуса на выраженность феномена позитивной предвзятости в пользу Я в условиях сравнения с «хорошим» и «плохим» объектом при разном уровне субъективного осознания сходства с ним. Была выдвинута гипотеза о том, что позитивная предвзятость в пользу Я будет выше в случае субъектного фокуса сравнения, отрицательной валентности объекта и низкого уровня осознаваемого сходства с ним. В исследовании приняли участие 314 студентов в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,23$, $SD = 1,59$), 79 мужчин (25 %) и 235 женщин. На первом этапе участники отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады. На втором этапе им демонстрировалась видеозапись интервью с объектом восприятия, в ходе которого он отвечал на вопросы того же теста. На третьем этапе участникам предлагалось оценить уровень общего субъективного сходства с персонажем интервью, общее отношение к нему, степень выраженности у него определенных позитивных и негативных качеств, а также свое либо его превосходство по этим качествам. Персонажами стимульных интервью выступили 2 студента разного пола, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». В ходе интервью они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады в соответствии с ключом, исполняя роль «хорошего» и «плохого» человека. Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента и двухфакторного дисперсионного ANOVA (метод повторных измерений, смешанный дизайн). Было обнаружено, что перцептивный фокус является ключевым имплицитным фактором усиления и ослабления предвзятости в пользу Я: при субъектном фокусе предвзятость растет, а при объектном — снижается. Положительная поведенческая валентность объекта (образ «хорошего Другого») провоцирует когнитивный конфликт восприятия, который проявляется в констатации равновыраженного превосходства над ним как по отрицательным, так и по положительным качествам. Сознательная констатация сходства с объектом восприятия не приводит к ослаблению позитивной предвзятости в пользу Я, что может рассматриваться как свидетельство в пользу слабого влияния сознательной регуляции на социально-перцептивный процесс.

Ключевые слова: социальная перцепция, фокус восприятия, отношение к Другому, восходящее и нисходящее сравнение, валентность объекта восприятия, сходство с объектом восприятия.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 18-013-00329.

SELF-OTHER COMPARATIVE FOCUS IN SOCIAL PERCEPTION

*Milena V. Baleva**Perm State University**Galina V. Kovaleva**Perm State Institute of Culture*

The research deals with the effects of subject- and object-directed perceptual focus on the severity of Self-positivity bias in comparison with a «good» and «bad» person in conditions of different level of perceivable similarity with him/her. It has been hypothesized that a Self-positivity bias is stronger in the case of the subject-directed comparison focus, object's negative behavioral valency and the low level of perceivable similarity with him/her. The study involved 314 students aged 18 to 30 ($M = 20,23$, $SD = 1,59$), 79 males (25 %) and 235 females. At the first stage, the participants filled in the Short Dark Triad Questionnaire (SD3). At the second stage, they watched a video interview with the object, during which he/she answered the questions of the same questionnaire. At the third stage, the participants were asked to evaluate the level of general similarity with the object, their general attitude towards him/her, the degree of certain positive and negative features in his/her character, as well as their own and his/her superiority in these features. The characters of the interviews were 2 (male and female) students, educated in dramatic acting. During the interview, they answered the SD3 questions in accordance with the key, playing the role of «good» and «bad» person. Statistical analyses included Student's t-test and two-way ANOVA (repeated measurement method, mixed design). It was found that comparison focus was a key implicit factor in strengthening and weakening Self-positivity bias. With subject-directed focus bias increased, and with object-directed focus it decreased. The positive behavioral valency of the object (the image of the «good Other») provoked a cognitive conflict of perception, which was manifested in the statement of equal superiority over him/her both in negative and in positive features. The awareness of high similarity with the object did not weaken the Self-positivity bias, which can be considered as evidence in favor of the weak influence of conscious regulation on the process of social perception.

Keywords: social perception, comparison focus, relation to the Other, upward and downward comparison, object's valency, similarity with the object.

Введение

Проблема социальной перцепции представляет собой поистине неисчерпаемое исследовательское поле. Попытки понять закономерности, определить факторы и предсказать итоги восприятия Другого, с одной стороны, привели к открытию важных социально-психологических законов, а с другой стороны, поставили множество новых вопросов, связанных с пониманием функциональных механизмов открытых феноменов и объяснением специфики их проявления в конкретных ситуациях восприятия.

К числу наиболее исследованных и воспроизводимых перцептивных эффектов можно отнести позитивную предвзятость (предпочтение) в пользу Я и стереотипизацию Другого. Представляя собой разновидность когнитивных искажений, они сопровождают процессы социального восприятия как групповых, так и одиночных объектов в пространстве «Мы (Я) – Они (Другой)». Вплоть до 90-х гг. прошлого

века основной тренд исследования данных феноменов определялся задачей их искоренения или как минимум ослабления. В ряде исследований было показано, что ошибки восприятия составляют основу ксенофобии и враждебного отношения к другому человеку [Панчехина Н.Н., 2010; Чепракова Е.А., 2011; Zelli A. et al., 1999]. Эти выводы породили разработку многочисленных программ, направленных на повышение степени осведомленности о другой культуре и формирование более позитивного отношения к ней как более знакомой и менее чужой. Вместе с тем позитивные сдвиги, обнаруженные в показателях восприятия Другого в результате формирующих воздействий, были признаны не вполне надежными, поскольку, во-первых, оказались недолговечными [Houston M.A. et al., 2007], а во-вторых, содержали значительный вклад социальной желательности, т.е. являлись, по существу, процедурным артефактом [Crosby F. et al., 1980; Devine P.G., Elliot A.J., 1995]. Более того, было получено

нейропсихологическое объяснение слабого влияния межличностного взаимодействия на ослабление стереотипного образа аут-группы. Данные нейропсихологического исследования М. Зарате и коллег [Zárate M.A. et al., 2008] показали функционирование процессов оценки конкретного Другого и стереотипного образа представителей его группы во взаимоисключающем режиме. Являясь функцией непосредственного опыта и подчиняясь законам прайминга, оценка Другого тормозит категоризационные процессы, лежащие в основе стереотипизации. Таким образом, в процессе взаимодействия стереотип не активируется и не подвергается содержательной корректировке.

Развитие когнитивного подхода к процессам восприятия одновременно воодушевило и обескуражило исследователей, поскольку вместе с изобретением точных методов исследования отношения к Другому, обходящих цензуру сознания, оно принесло понимание неискоренимости негативной предвзятости и стереотипизации в процессах социальной перцепции. Такой вывод получил авторитетное концептуальное обоснование, опирающееся на диссоциативную парадигму, предполагающую, что сознание не обладает абсолютной прерогативой инициации поведения и может незаметно для самого субъекта переключаться в режим свидетеля, уступая первенство автоматическим реакциям даже в отношении тех объектов, о которых на сознательном уровне формируются аргументированные суждения каузального типа [Kunda Z. 1990; Nisbett R.E., Wilson T.D., 1977; Zajonc R.B., 1980]. Вместе с тем более поздние работы показывают, что роль сознательного регулирования предвзятого отношения к Другому сопоставима с влиянием бессознательного компонента обработки информации [Conrey F.R. et al., 2005; Ito T.A. et al., 2015; Payne V.K., 2001, 2005].

В настоящее время в исследованиях социальной перцепции превалирует понимание позитивной предвзятости в пользу Я и стереотипизации Другого как базовых феноменов, которые являются целесообразными с точки зрения эволюционного подхода и не нуждаются в глобальном искоренении. В то же время исследование факторов, усиливающих и ослабляющих данные искажения, продолжается. Сегодня целью изучения этих факторов является не столько снижение негативного отношения к Друго-

му, сколько повышение точности управления тем впечатлением, которое оказывает его образ на субъекта восприятия. При этом преимущественный интерес исследователей сосредоточен именно на имплицитных факторах восприятия, поскольку их влияние, во-первых, является более значительным, а во-вторых, менее изученным по сравнению с влиянием осознаваемых атрибутов объекта.

Сравнение в процессе социальной перцепции

Социальное сравнение [Festinger L., 1954] можно определить как процесс обдумывания информации об одном человеке или о нескольких других людях в связи с собой. Социальное сравнение является неизменным спутником процессов социальной перцепции и социальной рефлексии. Воспринимая Другого, мы как осознанно, так и неосознанно соотносим его с собой, а воспринимая себя, формируем Я-концепцию и самооценку с учетом фоновых представлений о других людях. Сравнивающий субъект перманентно ищет сходства или отличия между собой и объектом сравнения по определенным параметрам. Эти параметры могут быть любыми. При этом ожидается, что результат сравнения и самооценка находятся в устойчивой взаимосвязи.

Согласно теории нисходящего сравнения Т. Уилса [Wills T.A., 1981], в ситуации угрозы самооценке люди тяготеют к нисходящим сравнениям, при которых качества Другого характеризуют его как худшего по сравнению с собой. В свою очередь, нисходящие сравнения с другими вызывают положительные эмоции и способствуют повышению самооценки. По данным Р. Коллинз [Collins R.L., 2000], в норме люди формируют свою самооценку по принципу восходящего сравнения, т.е. наделяют себя теми характеристиками, которыми обладают превосходящие их по значимым параметрам объекты сравнения. Теория избирательной доступности [Mussweiler T., 2003; Mussweiler T., Strack F., 2000] предполагает, что отправной точкой сравнения с Другим является гипотеза равноценного сходства. Далее, в зависимости от множества контекстных условий, субъект выделяет согласованную, убедительную для него самого информацию о себе и делает ее временно более доступной. Эта информация с равной вероятностью может подтверждать как

сходство с объектом, так и отличие от него, поскольку содержание Я-концепции обеспечивает большой по объему и разносторонний материал. Если актуализированная информация свидетельствует о сходстве, сравнение с объектом будет осуществляться по принципу ассимиляции, если она свидетельствует об отличиях, сравнение пойдет по пути диссимиляции. Сравнивая себя с другими, люди склонны демонстрировать позитивную предвзятость в пользу Я, т.е. оценивать себя более позитивно (или менее негативно). В случае восходящих сравнений это проявляется в сокращении дистанции с объектом оценки, а в случае нисходящих сравнений — в увеличении такой дистанции. Примечательно, что эффект данного искажения с трудом поддается сознательной коррекции, однако ослабевает в результате действия имплицитных факторов.

Имплицитные факторы позитивной предвзятости в пользу Я

В ряде исследований обнаружено, что эффект позитивной предвзятости в пользу Я наблюдается в случае положительных характеристик (например, «умный», «приятный») более ярко, чем в случае отрицательных характеристик (например, «ленивый», «хвастливый»). По мнению субъектов, положительные черты относятся к ним значительно в большей степени, чем к другим, а отрицательные черты — лишь в незначительной степени меньше, чем к другим. Например: «Я намного добрее, чем другие, но я лишь чуть менее глупый, чем другие» [Alicke M.D. et al., 1995; Hoorens V., 1995]. С. Паль и Р. Эйзер [Pahl S., Eiser J.R., 2005] показали, однако, что обнаруженные различия в выраженности предвзятости в пользу Я, обусловленные положительной и отрицательной валентностью параметров оценивания, нивелируются, если предъявляются разные модусы *одного и того же* качества (например, «ленивый» и «трудолюбивый»), а не характеристики, обладающие принципиально несопоставимым семантическим содержанием (например, «ленивый» и «скромный»). В том же исследовании был обнаружен эффект влияния характеристик на проявления позитивной предвзятости в пользу Я: при оценке с помощью более экспрессивных характеристик (например, «скупой» или «расточительный») данный феномен

проявляется более ярко, чем при оценке с помощью умеренных характеристик («экономный», «щедрый»). В исследованиях В. Хуренс [Hoorens V., 1995] и Р. Эйсера с коллегами [Eiser J.R. et al., 2001] было обнаружено, что смещение фокуса внимания с субъекта на объект и наоборот приводит к изменениям выраженности позитивной предвзятости в пользу Я. Так, при сравнении *себя* с объектом выраженность такой предвзятости растет, а при сравнении *других* с собой — снижается.

Постановка проблемы исследования

Несмотря на достаточно большое число работ, посвященных исследованию имплицитных факторов позитивной предвзятости, в данной области можно выделить, по крайней мере, три нерешенных проблемы. Во-первых, до сих пор не ставился вопрос проявления данных факторов в контексте сравнения субъекта с объективно «плохим» и «хорошим» объектом, т.е. объектом, обладающим очевидными позитивными или негативными характеристиками. На наш взгляд, такой контраст позволяет рассматривать позитивные и негативные характеристики, приписываемые объекту, как истинные, объективно присущие, т.е. отражающие сущность его личности. Кроме этого, особый интерес представляет специфика проявления позитивной предвзятости в пользу Я в ситуации спровоцированного восходящего сравнения с «хорошим» объектом. Во-вторых, в исследованиях такого типа в качестве объекта восприятия выступает, как правило, некий «средний» представитель условных социальных групп (человек того же возраста, пола, рода деятельности и т.д.). При этом задача детализации его образа возлагается на самого испытуемого. Данное обстоятельство предполагает, что субъект сравнивает себя с *любым* объектом, обладающим заданными демографическими характеристиками. Таким образом, фактически в рамках одного и того же исследования респонденты соотносят себя с *разными* Другими. В-третьих, до сих пор вывод о большей подверженности позитивной предвзятости в пользу Я имплицитных факторов, чем сознательной коррекции, формулировался на основании анализа результатов разных исследований. В этой связи представляет интерес изучение прямого влияния эффекта осознания сходства с объектом

(как результат автоматического мышления) на его сравнение с собой по ряду отдельных характеристик.

Целью настоящего исследования является анализ влияния субъектного и объектного перцептивного фокуса на выраженность феномена позитивной предвзятости в пользу Я в условиях сравнения с «хорошим» и «плохим» объектом при разном уровне субъективного осознания сходства с ним.

Гипотезой исследования является предположение о том, что экспериментально заданный субъектный или объектный фокус при сравнении «Я – Другой» является фактором, определяющим выраженность позитивной предвзятости в пользу Я при восприятии конкретного Другого, демонстрирующего контрастную личностную валентность. Позитивная предвзятость в пользу Я будет выше в случае субъектного фокуса сравнения, отрицательной валентности объекта и низкого уровня осознаваемого сходства с ним. Позитивная предвзятость в пользу Я будет ниже в случае объектного фокуса сравнения, положительной валентности объекта и высокого уровня осознаваемого сходства с ним.

Поскольку в исследованиях влияния имплицитных факторов на проявления позитивной предвзятости в пользу Я мы обнаружили данные об отсутствии различий по полу [подробнее см.: Pahl S., Eiser J.R., 2005], мы не выдвигали гипотезу о взаимодействии исследуемых факторов с полом субъекта восприятия. В то же время пол объекта восприятия был включен в исследование как межгрупповой фактор.

Метод

Участники

В исследовании приняли участие 314 студентов в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,23$, $SD = 1,59$), из них 79 мужчин (25 %) и 235 женщин. Участие в исследовании было добровольным. Все испытуемые давали письменное согласие на обработку персональных данных.

Процедура

Исследование проводилось в группах по 15–30 человек. На первом этапе участники отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады. На втором этапе им демонстрировалась видеозапись интервью с объектом восприятия, в

ходе которого он(а) отвечал(а) на вопросы того же теста. На третьем этапе участникам предлагалось оценить (1) уровень общего субъективного сходства с персонажем интервью, (2) общее отношение к нему, (3) степень выраженности у него определенных позитивных и негативных качеств, а также (4) свое либо его (ее) превосходство по этим же качествам. Исследование проводилось в режиме онлайн, участники отвечали на вопросы тестов и просматривали интервью через тестовую платформу «Anketolog».

Стимульный материал

Персонажами стимульных интервью выступили 2 студента разного пола, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». В ходе интервью они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады по заранее написанному сценарию. Каждый студент сыграл две роли, которые были условно названы «плохой» и «хороший». «Плохой» демонстрировал максимальную выраженность макиавеллизма, нарциссизма и психопатии, а «хороший» — их отсутствие (в соответствии с ключом к тесту). Видеозаписи «хорошего» и «плохого» персонажа предъявлялись участникам примерно в равных пропорциях.

Диагностические методы

Короткий опросник Темной триады [Егорова М.С. и др., 2015] представлял собой перечень из 27 утверждений. Участникам предлагалось оценить степень своего согласия / несогласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале. Измеряемые показатели: макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, а также суммарная выраженность темнотриадических черт.

Уровень общего субъективного сходства с персонажем интервью оценивался с помощью 10-балльной шкалы, по которой участникам предлагалось оценить, насколько их характер похож на характер этого персонажа. Корреляции суммарного показателя Темной триады с показателем субъективного сходства с объектом оказались умеренными (от 0,42 до 0,59 для разных сочетаний пола и валентности объекта).

Общее отношение к объекту оценивалось с помощью авторского опросника — Шкалы общего отношения к объекту восприятия [Щебенко С.А. и др., 2007]. Опросник включал 15

вопросов, затрагивающих когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты отношения к объекту. Например: «Этот человек мне не интересен», «Мне понравился этот человек», «Я не стал бы знакомиться с этим человеком» и т.п. Согласие с каждым пунктом опросника оценивалось участниками по 5-балльной шкале. Измеряемый показатель: общее отношение к объекту.

Перечень качеств для оценки сходства с объектом был представлен 22 антонимичными прилагательными. Этот перечень выдавался участникам вместе с двумя разными вариантами инструкции; в одном из вариантов предлагалось сравнить *себя* с объектом (субъектный фокус), а в другом — *объекта* с собой (объектный фокус). Показателем сравнения выступало количество позитивных и негативных прилагательных, по которым субъект превосходит объект восприятия (в случае субъективного фокуса) или объект превосходит субъекта (в случае объектного фокуса). Показатель фокуса выступал в исследовании как межгрупповой фактор, а показатель превосходства — как внутригрупповой фактор (превосходство по положительным, превосходство по отрицательным чертам). Тот же список прилагательных применялся для контроля различий восприятия «хорошего» и «плохого» объектов по положительным и отрицательным характеристикам: участникам предлагалось оценить по 5-балльной шкале, насколько выражено у воспринимаемого объекта каждое качество.

Анализ данных

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась в программе «Statistica 10» с использованием сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента и двухфакторного дисперсионного ANOVA (метод повторных измерений, смешанный дизайн). T-критерий Стьюдента применялся для сравнения общего показателя отношения к «хорошему» и «плохому» объекту, а также выраженности у «хорошего» и «плохого» объектов положительных и отрицательных качеств. Целью данного анализа был контроль соответствия валентности персонажей и их характеристик (как показатель валидности перечня прилагательных для оценки объектов восприятия). Соответственно, в качестве независимой переменной в анализ вклю-

чался показатель валентности объекта («хороший» – «плохой»), а в качестве зависимых переменных — общее отношение к объекту и его оценки по прилагательным. Дисперсионный анализ использовался для изучения эффектов перцептивного фокуса, валентности объекта и осознания субъективного сходства характеров с объектом восприятия на показатели сравнительной оценки субъекта и объекта. В качестве межгрупповых факторов в анализ включались показатели перцептивного фокуса (субъектный, объектный) и валентности объекта («хороший», «плохой»). В качестве зависимой переменной (внутригруппового двухуровневого фактора) рассматривался показатель превосходства субъекта над объектом (или наоборот) по позитивным и негативным характеристикам.

Результаты

Для проверки адекватности восприятия «хорошего» и «плохого» объектов была проведена их сравнительная оценка по набору антонимичных качеств, а также по показателю общего отношения к ним. Результаты приводятся в таблице.

Как видно из таблицы, респонденты характеризовали воспринимаемых персонажей в соответствии с той поведенческой валентностью (позитивной и негативной), которая была экспериментально задана в интервью. «Хорошая» девушка и «хороший» юноша описывались через более высокую выраженность положительных качеств, а «плохая» девушка и «плохой» юноша — через более высокую выраженность отрицательных качеств ($p < 0,001 \div 0,06$). Общая оценка объектов по Шкале общего отношения также характеризовалась высокой степенью контрастности: положительные персонажи оценивались значительно выше, чем отрицательные ($p < 0,001$). Полученные результаты позволяют охарактеризовать стимульные объекты и перечень прилагательных для их описания как тождественные по валентности и, соответственно, валидные. Таким образом, дальнейшее сравнение субъекта и объекта восприятия по списку положительных и отрицательных качеств является корректным и может рассматриваться в терминах восходящего и нисходящего сравнения. Так, если респондент отмечает большую выраженность у себя 5 качеств из списка положительных и 3 качеств из списка отрицательных прилагательных, это

свидетельствует о том, что в условиях субъектного фокуса он оценивает свое преимущество над объектом в 5 баллов (нисходящее сравне-

ние), а преимущество объекта над собой — в 3 балла (восходящее сравнение).

Сравнительный анализ показателей характерологической оценки и общего отношения к «хорошему» и «плохому» объектам восприятия

Оцениваемые показатели	Девушка			Юноша		
	Среднее значение		t	Среднее значение		t
	«хорошая»	«плохая»		«хороший»	«плохой»	
Общее отношение к объекту	3,63	2,66	12,27**	3,48	2,58	11,16**
Воспитанность	4,15	2,50	19,78**	4,15	2,27	24,20**
Доброжелательность	3,84	2,15	17,84**	4,05	2,38	19,39**
Порядочность	4,01	2,45	16,52**	4,06	2,33	20,42**
Самокритичность	3,59	1,83	16,04**	3,64	1,72	16,25**
Добросовестность	3,77	2,38	15,85**	3,91	2,37	17,72**
Чуткость	3,23	2,15	10,61**	3,40	2,11	12,89**
Трудолюбие	3,44	2,65	8,60**	3,37	2,59	8,93**
Честность	3,68	2,88	7,82**	3,89	2,94	9,51**
Аккуратность	3,68	3,09	6,44**	3,22	2,56	7,66**
Высокий интеллект	3,14	2,78	4,16**	3,07	2,75	3,59**
Самовлюбленность	1,61	4,58	-37,57**	1,55	4,41	-33,57**
Цинизм	1,61	3,91	-24,03**	1,70	3,82	-20,59**
Безнравственность	1,56	3,32	-17,96**	1,84	3,41	-16,10**
Невежество	1,55	3,11	-14,37**	1,72	3,29	-16,44**
Безответственность	1,75	2,80	-11,07**	2,11	3,10	-9,86**
Неискренность	2,25	3,55	-10,82**	2,11	3,12	-8,41**
Холодность	2,65	3,88	-10,74**	2,35	3,16	-7,02**
Глупость	1,85	2,86	-9,40**	2,27	2,94	-6,57**
Неприветливость	2,32	3,29	-8,19**	2,34	2,91	-5,41**
Нетерпеливость	2,16	3,11	-7,60**	1,80	3,07	-12,19**
Лень	2,06	2,56	-5,16**	2,49	2,94	-4,72**
Неряшливость	1,70	1,87	-1,85*	2,42	2,75	-3,11**

Примечание: * — $p < 0,001$, ** — $p < 0,07$

Ниже приводятся результаты дисперсионного анализа сравнительных оценок субъекта и объекта восприятия при разных перцептивных фокусах (*субъектном*: «я по сравнению с объектом» и *объектном*: «объект по сравнению со мной»). На рис. 1 и 2 отражены сравнения с объектом-девушкой, а на рис. 3 и 4 — сравнения с объектом-юношей.

Взаимодействия факторов оказались значимыми: $F(1, 310) = 239,21$, $p < 0,001$. Картина, представленная на рисунке, а также post-hoc анализ позволили проследить логику перцептивного сравнения респондентов с «хорошей» и «плохой» девушкой. Первое, что бросается в глаза при сопоставлении оценок в разных перцептивных фокусах, — зеркально симметричная картина сравнения с «плохой» девушкой и асимметричная — с «хорошей».

При восприятии «плохой» девушки респонденты демонстрировали нисходящее сравнение.

Так, при субъектном фокусе они отмечали свое очевидное превосходство по положительным качествам ($M = 5,29$) и слабую выраженность такого — по отрицательным ($M = 0,81$). При объектном фокусе логика нисходящего сравнения сохранялась: «плохая» девушка оценивалась как обладающая большим числом отрицательных ($M = 3,96$) и меньшим числом положительных ($M = 0,78$) характеристик. Уровень собственного превосходства над «плохой» девушкой по положительным качествам оценивался респондентами более высоко, чем уровень ее превосходства по отрицательным ($p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что в случае субъектного фокуса позитивная предвзятость в пользу Я выше, чем в случае объектного фокуса.

При восприятии «хорошей» девушки картина восходящего сравнения обнаруживалась только в условиях объектного фокуса: респонденты от-

мечали очевидное превосходство девушки по положительным качествам ($M = 2,62$) и ее слабое превосходство — по отрицательным ($M = 0,83$). При субъектном фокусе логика восходящего сравнения заменялась амбивалентной: респонденты отмечали свое превосходство над «хорошей» девушкой как по отрицательным ($M = 1,93$), так и по положительным ($M = 1,98$) качествам, причем разница между этими оценками была незначительной ($p = 0,878$).

В подгруппе участников, отметивших высокий уровень характерологического сходства с девушкой, в условиях субъектного перцептивного фокуса наблюдалось некоторое смещение оценок в сторону большего сходства по положительным качествам с объектами обеих валентностей и меньшего — по отрицательным качествам с объектом отрицательной валентности (рис. 2).

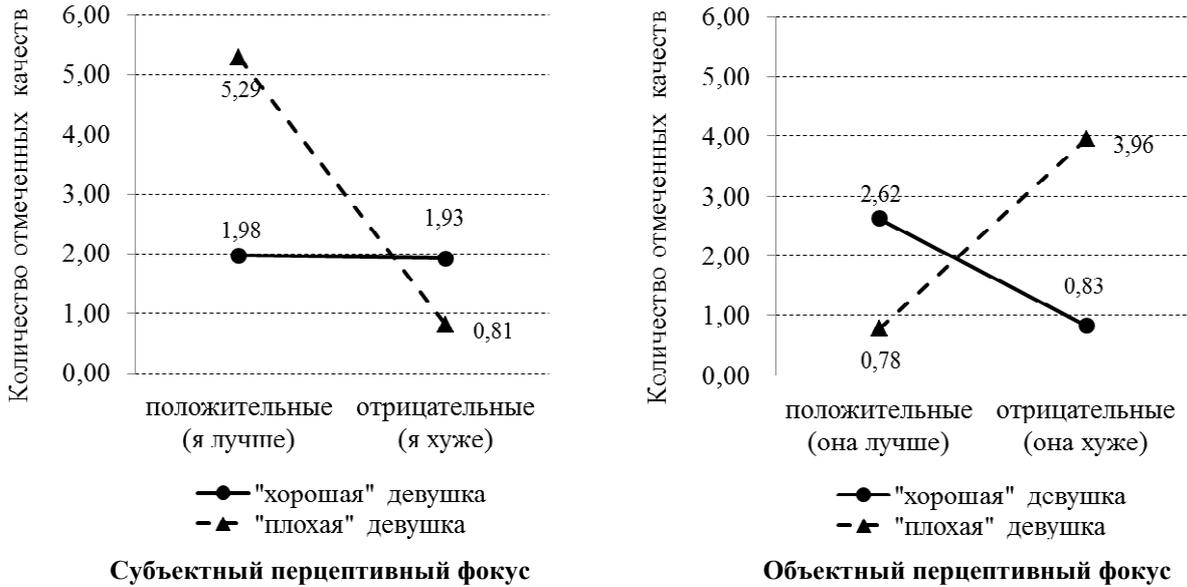

Рис 1. Сравнение субъекта и объекта-девушки

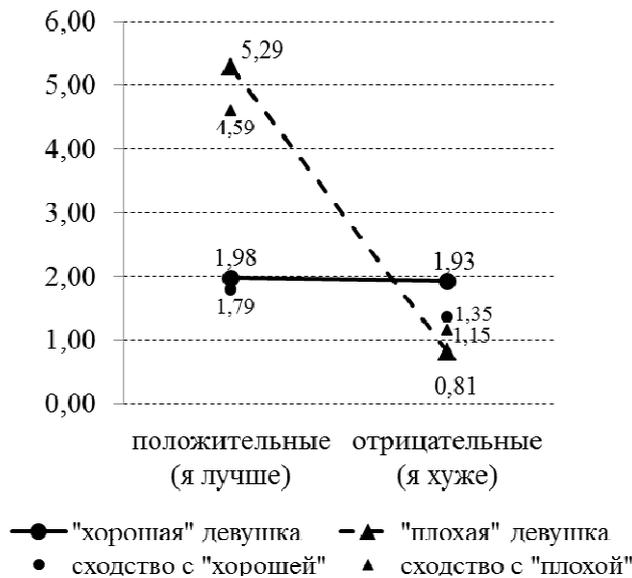
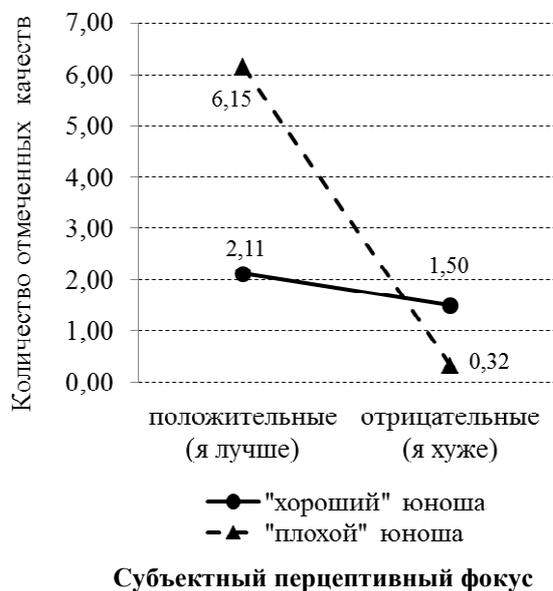

Рис. 2. Сравнение с объектом-девушкой в условиях субъектного фокуса и декларируемого сходства характеров

Примечание: значения оценок в группе респондентов, отметивших высокое сходство с воспринимаемым объектом, отмечены маркерами без линий

Обнаруженные смещения оказались, однако, незначимыми ($t = 1,83 \div 0,39$, $p > 0,07 \div 0,70$). Таким образом, наше предположение об ослаблении влияния субъектного фокуса на позитивную предвзятость в пользу Я при осознаваемом

характерологическом сходстве с объектом восприятия не подтвердилось.

Анализ оценок сравнения с объектом-юношей показал картину, аналогичную описанной выше (рис. 3).

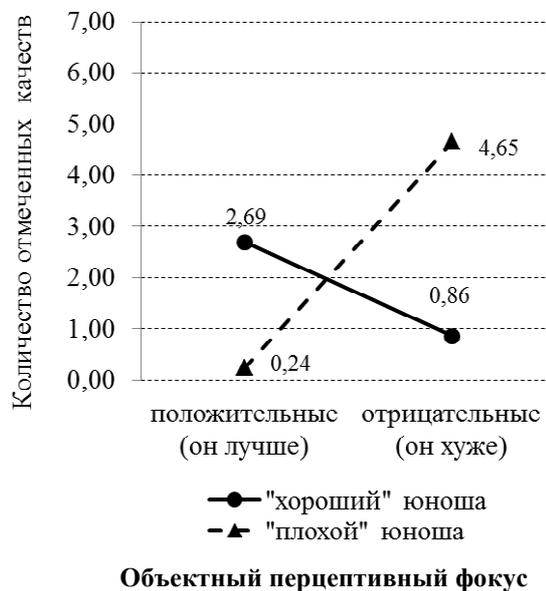

Рис 3. Сравнение субъекта и объекта-юноши

Взаимодействия факторов оказались значимыми: $F(1, 310) = 311,95$, $p < 0,001$. При восприятии «плохого» юноши была обнаружена картина нисходящего сравнения, которая, как и в случае с девушкой, была выражена ярче при субъектном перцептивном фокусе: уровень собственного превосходства по положительным качествам оценивался респондентами выше ($M = 6,15$), чем уровень превосходства «плохого» юноши по отрицательным ($M = 4,65$) при $p < 0,001$.

При восприятии «хорошего» юноши картина восходящего сравнения обнаруживалась также только в условиях объектного фокуса: респонденты отмечали превосходство объекта по положительным качествам ($M = 2,69$) и его слабую выраженность — по отрицательным ($M = 0,86$). При субъектном фокусе логика восходящего сравнения снова исчезала и даже обнаруживала тенденцию к инверсии: респонденты отмечали свое превосходство над «хорошим» юношей в большей степени по положительным ($M = 2,11$), чем по отрицательным ($M = 1,50$) качествам ($p = 0,069$).

На рис. 4 представлены результаты сравнительных оценок участников с объектом-юношей в условиях субъектного фокуса и декларируемого сходства характеров.

При сопоставлении результатов сравнения в условиях субъектного фокуса в общей выборке и в группе респондентов, отметивших высокий уровень характерологического сходства с юношей, статистически значимых сдвигов в сторону снижения позитивной предвзятости в пользу Я обнаружено не было ($t = 1,04 \div 0,03$, $p > 0,30 \div 0,98$).

Обсуждение

Полученные нами данные подтвердили гипотезу о том, что заданный перцептивный фокус является важным фактором, определяющим сравнение себя с конкретным Другим. Обнаружено, что при субъектном фокусе позитивная предвзятость в пользу Я является более выраженной, что согласуется с данными аналогичных исследований, посвященных восприятию «среднего» Другого [Hoorens V., 1995; Pahl S., Eiser J.R., 2005]. При этом в случае сравнения с гипертрофированно «плохим» объектом изме-

нение предвзятости обнаруживается в приписывании себе большего числа позитивных качеств, а в случае сравнения с гипертрофиро-

ванно «хорошим» объектом — в выравнивании количества позитивных и негативных качеств, по которым субъект превосходит объекта.

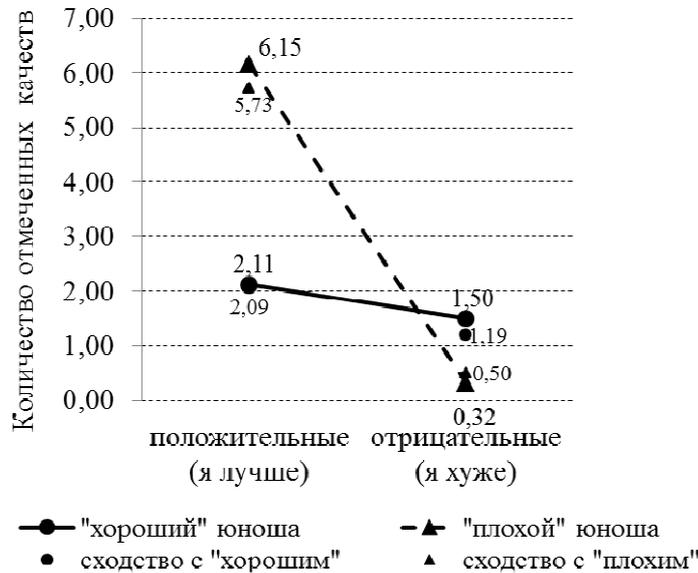

Рис. 4. Сравнение с объектом-юношей в условиях субъектного фокуса и декларируемого сходства характеров

Примечание: значения оценок в группе респондентов, отметивших высокое сходство с воспринимаемым объектом, отмечены маркерами без линий

При восприятии «плохого» объекта респонденты воспроизводят логику нисходящего сравнения в случае обоих перцептивных фокусов. Эта картина является ожидаемой, поскольку перцептивная оценка характеризуется в данном случае когнитивной легкостью: являясь объективно «плохим», стимульный объект облегчает проявление позитивной предвзятости в пользу Я. При восприятии же «хорошего» объекта ожидаемая картина восходящего сравнения обнаруживается только в условиях объектного фокуса. При субъектном фокусе логика восходящего сравнения заменяется амбивалентной и даже инверсивной: респонденты отмечают свое превосходство над «хорошим» объектом как по отрицательным, так и по положительным качествам. Другими словами, сравнивая себя с «хорошим» объектом, испытуемые считают себя одновременно и хуже, и лучше, чем он (в случае с объектом-юношей — даже не столько хуже, сколько лучше). Данный результат отражает когнитивный конфликт, заданный в эксперименте стимулом-дистрактором «хороший Другой». Вне сравнения с собой респонденты легко дают такому объекту высокие оценки по положительным качествам.

Однако в ситуации сравнения с собой высокие оценки объекта затруднены из-за вмешательства эффекта позитивной предвзятости в пользу Я. В результате испытуемые оказываются в своего рода логическом тупике: «Я хуже, чем он(а), и я лучше, чем он(а)». Как показывают результаты, выход из этого тупика находится в выборе установки на превосходство Я.

Вопреки теоретическим ожиданиям, заявленным нами в исследовательской гипотезе, актуализация факта сходства характеров с объектом восприятия не привела к ослаблению выраженности позитивной предвзятости в пользу Я. Этот результат свидетельствует о том, что сознательная регуляция процессов сравнения с Другим не вмешивается в действие имплицитного фактора перцептивного фокуса. За рамками настоящего исследования остается вопрос о причине такого «невмешательства». С одной стороны, можно предположить, что расхождение действия данных факторов осуществляется на функциональном уровне. С другой стороны, остается вероятность того, что сознательная констатация высокого сходства с объектом определяется социальной желательностью.

Заключение

В целом наше исследование подтверждает данные о роли перцептивного фокуса как важного имплицитного фактора, определяющего выраженность позитивной предвзятости в пользу Я при сравнении с объектом восприятия. Обнаружено, что роль данного фактора проявляется в условиях сравнения не только со «средним» Другим, но и с конкретным (единичным) Другим, обладающим явными позитивными и явными негативными характеристиками. Показано, что фиксация перцептивного фокуса на себе способствует усилению феномена позитивной предвзятости в пользу Я. При этом сознательная констатация сходства с объектом восприятия, которая не противоречит объективной тестовой оценке, не удерживает субъекта от предпочтения в пользу своего Я, вопреки формальной логике. При объектном фокусе сравнения оценка объекта является более реалистичной, т.е. более точно отражает смысл его поведенческих проявлений.

Прикладное значение полученных в исследовании результатов заключается в возможности повышения эффективности управления социальным впечатлением через воздействие на имплицитные факторы с учетом слабого влияния осознанных (декларируемых) суждений на восприятие Другого.

Ограничения

Ограничения нашего исследования связаны с особенностями выборки, представленной студентами высшего учебного заведения с преобладанием лиц женского пола.

Список литературы

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 12.03.2019).

Панчехина Н.Н. Связь агрессивности личности и особенностей социальной перцепции // Личность в природе и обществе / сост. и науч. ред. А.В. Иващенко, А.В. Гагарин. М.: Российский университет дружбы народов, 2010. С. 71–73.

Чепракова Е.А. Устойчивые формы агрессии у современных подростков: результаты лонгитюдного исследования // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 141–150.

Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С. Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. Т. 3, вып. 1. С. 57–69.

Alicke M.D., Klotz M.L., Breitenbecher D.L., Yurak T.J., Vredenburg D.S. Personal contact, individuation, and the better-than-average effect // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 68, no. 5. P. 804–825. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.5.804>

Collins R.L. Among the better ones: Upward assimilation in social comparison // Handbook of social comparison: Theory and research / ed. by J. Suls, L. Wheeler. N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Press Publishers, 2000. P. 141–158. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4237-7_9

Conroy F.R., Sherman J.W., Gawronski B., Hugenberg K., Groom C.J. Separating multiple processes in implicit social cognition: The quad model of implicit task performance // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. Vol. 89. P. 469–487. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.469>

Crosby F., Bromley S., Saxe L. Recent unobtrusive studies of Black and White discrimination and prejudice: A literature review // Psychological Bulletin. 1980. Vol. 87. P. 546–563. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.87.3.546>

Devine P.G., Elliot A.J. Are racial stereotypes really fading? The Princeton Trilogy revisited. // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. Vol. 21. P. 1139–1150. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672952111002>

Eiser J.R., Pahl S., Prins Y.R.A. Optimism, pessimism and the direction of self-other comparisons // Journal of Experimental Social Psychology. 2001. Vol. 37. P. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.1006/jesp.2000.1438>

Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 117–140. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872675400700202>

Hoorens V. Self-favoring biases, self-presentation, and the self-other asymmetry in social comparison // Journal of Personality. 1995. Vol. 63. P. 793–817. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1995.tb00317.x>

Houston M.A., Apsche J.A., Bass C.K. A comprehensive literature review of Mode Deactivation Therapy // International Journal of Behavioral Consultation and Therapy. 2007. Vol. 3, no. 2. P. 271–309. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0100804>

Ito T.A., Friedman N.P., Bartholow B.D., Correll J. et al. Toward a comprehensive understanding

of executive cognitive function in implicit racial bias // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 108, no. 2. P. 187–218. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0038557>

Kunda Z. The case for motivated reasoning // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 108. P. 480–498. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.480>

Mussweiler T. Comparison processes in social judgment: Mechanisms and consequences // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110. P. 472–489. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.110.3.472>

Mussweiler T., Strack F. Consequences of social comparison: Selective accessibility, assimilation, and contrast / *Handbook of social comparison: Theory and research* / ed. by J. Suls, L. Wheeler. N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Press Publishers, 2000. P. 253–270. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4237-7_13

Nisbett R.E., Wilson T.D. Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes // *Psychological Review*. 1977. Vol. 84. P. 231–259. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203496398-13>

Pahl S., Eiser J.R. Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? // *Experimental Psychology*. 2005. Vol. 52, no. 4. P. 303–309. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>

Payne B.K. Conceptualizing control in social cognition: How executive control modulates the expression of automatic stereotyping // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 89. P. 488–503. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.488>

Payne B.K. Prejudice and perception: The role of automatic and controlled processes in misperceiving a weapon // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81. P. 181–192. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.181>

Wills T.A. Downward comparison principles in social psychology // *Psychological Bulletin*. 1981. Vol. 90. P. 245–271. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.2.245>

Zajonc R.B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 151–175. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.35.2.151>

Zárate M.A., Stoeber C.J., MacLin M.K., Arms-Chavez C.J. Neurocognitive underpinnings of face perception: Further evidence of distinct person and group perception processes // *Journal of personality and social psychology*. 2008. Vol. 94, no. 1. P. 108–115. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.1.108>

Zelli A., Dodge K.A., Lochman J.E., Laird R.D., *Conduct Problems Prevention Research Group*. The distinction between beliefs legitimizing aggression and deviant processing of social cues: Testing measurement validity and the hypothesis that biased processing mediates the effects of beliefs on aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 77, no. 1. P. 150–166. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.1.150>

Получено 01.08.2019

References

Alicke, M.D., Klotz, M.L., Breitenbecher, D.L., Yurak, T.J. and Vredenburg, D.S. (1995). Personal contact, individuation, and the better-than-average effect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 68, no. 5, pp. 804–825. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.5.804>

Cheprakova, E.A. (2011). *Ustoychivye formy agressii u sovremennykh podrostkov: rezul'taty longitudnogo issledovaniya* [Stable forms of aggression among modern adolescents: results of a longitudinal research]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 3, pp. 141–150.

Collins, R.L. (2000). Among the better ones: Upward assimilation in social comparison. *Handbook of social comparison: Theory and research*, ed. by J. Suls, L. Wheeler. New York: Kluwer Academic, Plenum Press Publishers, pp. 141–158. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4237-7_9

Conrey, F.R., Sherman, J.W., Gawronski, B., Hugenberg, K. and Groom, C.J. (2005). Separating multiple processes in implicit social cognition: The quad model of implicit task performance. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 89, pp. 469–487. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.469>

Crosby, F., Bromley, S. and Saxe, L. (1980). Recent unobtrusive studies of Black and White discrimination and prejudice: A literature review. *Psychological Bulletin*. Vol. 87, pp. 546–563. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.87.3.546>

Devine, P.G. and Elliot, A.J. (1995). Are racial stereotypes really fading? The Princeton Trilogy revisited. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 21, pp. 1139–1150. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672952111002>

Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. and Parshikova, O.V. (2015). *Adaptatsiya Korotkogo oposnika Temnoy triady* [Adaptation of the Sort Dark triad].

Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 43. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (accessed 12.03.2019).

Eiser, J.R., Pahl, S. and Prins, Y.R.A. (2001). Optimism, pessimism and the direction of self-other comparisons. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37, pp. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.1006/jesp.2000.1438>

Festinger, L. (1954). A theory of social comparison processes. *Human Relations*. Vol. 7, pp. 117–140. DOI: <https://doi.org/10.1177/001872675400700202>

Hoorens, V. (1995). Self-favoring biases, self-presentation, and the self-other asymmetry in social comparison. *Journal of Personality*. Vol. 63, pp. 793–817. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1995.tb00317.x>

Houston, M.A., Apsche, J.A. and Bass, C.K. (2007). A comprehensive literature review of Mode Deactivation Therapy. *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*. Vol. 3, no. 2, pp. 271–309. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0100804>

Ito, T.A., Friedman, N.P., Bartholow, B.D., Correll, J. et al. (2015). Toward a comprehensive understanding of executive cognitive function in implicit racial bias. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 108, no. 2, pp. 187–218. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0038557>

Kunda, Z. (1990). The case for motivated reasoning. *Psychological Bulletin*. Vol. 108, pp. 480–498. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.108.3.480>

Mussweiler, T. (2003). Comparison processes in social judgment: Mechanisms and consequences. *Psychological Review*. Vol. 110, pp. 472–489. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.110.3.472>

Mussweiler, T. and Strack, F. (2000). Consequences of social comparison: Selective accessibility, assimilation, and contrast. *Handbook of social comparison: Theory and research*, ed. by J. Suls, L. Wheeler. New York: Kluwer Academic, Plenum Press Publ., pp. 253–270. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4615-4237-7_13

Nisbett, R.E. and Wilson, T.D. (1977). Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes. *Psychological Review*. Vol. 84, pp. 231–259. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203496398-13>

Pahl, S. and Eiser, J.R. (2005). Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? *Experimental Psychology*. Vol. 52, no. 4, pp. 303–309. DOI: <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>

Pancheikhina, N.N. (2010). *Svyaz' agressivnosti lichnosti i osobennostey sotsial'noy pertseptsii* [Relationship of aggressiveness of personality and features of social perception]. *Lichnost' v prirode i obschestve, pod red. A.V. Ivaschenko, A.V. Gagarina* [Personality in nature and society, ed. by A.V. Ivaschenko and A.V. Gagarin]. Moscow: RUDN Publ., pp. 71–73.

Payne, B.K. (2005). Conceptualizing control in social cognition: How executive control modulates the expression of automatic stereotyping. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 89, pp. 488–503. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.4.488>

Payne, B.K. (2001). Prejudice and perception: The role of automatic and controlled processes in misperceiving a weapon. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 81, pp. 181–192. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.81.2.181>

Schebetenko, S.A., Baleva, M.V. and Kornienko, D.S. (2007). *Stereotip i sotsial'naya ugroza kak faktory vospriyatiya immigrantov russkimi* [Stereotype and social threat as factors of Russian perception of immigrants]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury* [Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture]. Vol. 3, iss. 1, pp. 57–69.

Wills, T.A. (1981). Downward comparison principles in social psychology. *Psychological Bulletin*. Vol. 90, pp. 245–271. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.90.2.245>

Zajonc, R.B. (1980). Feeling and thinking: Preferences need no inferences. *American Psychologist*. Vol. 35, pp. 151–175. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.35.2.151>

Zárate, M.A., Stoeber, C.J., MacLin, M.K. and Arms-Chavez, C.J. (2008). Neurocognitive underpinnings of face perception: Further evidence of distinct person and group perception processes. *Journal of personality and social psychology*. Vol. 94, no. 1, pp. 108–115. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.94.1.108>

Zelli, A., Dodge, K.A., Lochman, J.E., Laird, R.D. and Conduct Problems Prevention Research Group (1999). The distinction between beliefs legitimizing aggression and deviant processing of social cues: Testing measurement validity and the hypothesis that biased processing mediates the effects of beliefs on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 77, no. 1, pp. 150–166. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.1.150>

Received 01.08.2019

Об авторах

Балева Милена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Ковалева Галина Викторовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, Газеты Звезда, 18;
e-mail: gal2401@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1981-5029>

About the authors

Milena V. Baleva

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milenabaleva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>

Galina V. Kovaleva

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Humanities

Perm State Institute of Culture,
18, Gazety Zvezda str., Perm, 614000, Russia;
e-mail: gal2401@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1981-5029>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Балева М.В., Ковалева Г.В. Субъектный и объектный фокус сравнения «Я – Другой» в процессе социальной перцепции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 331–344.
DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-331-344](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-331-344)

For citation:

Baleva M.V., Kovaleva G.V. Self-Other comparative focus in social perception // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 331–344. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-331-344](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-331-344)

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-345-355

КОРРЕКЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Пилюгина Елена Радимовна

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

В статье рассматриваются возможности воздействия на психологическую защиту личности, ее формирование и коррекцию. Выявлены факторы, обуславливающие сложность коррекции психологической защиты: глубина образования и устойчивость защитно-адаптивного процесса, отсутствие осознания и критичности к собственному бессознательному компоненту, опасность разрушения психологической защиты при отсутствии достойной альтернативы и объективно существующая провокация внешнего мира, постоянно травмирующая индивида. Определены критерии развития психологической защиты: увеличение использования механизмов из высокоадаптивной группы и уменьшение использования малоадаптивных механизмов, расширение спектра используемых механизмов защиты, более гибкое использование механизмов защиты. Выявлены факторы, влияющие на формирование психологической защиты: смысл фрустрации личности и полученный опыт личности; также выявлены соответствующие им направления терапии: проработка фрустрационных ситуаций личности и обучение конструктивным механизмам защиты. Проанализированы 4 метода коррекции психологической защиты: личностно-ориентированная психотерапия, суггестивная психотерапия, психотренинг и арт-терапия. Сделаны выводы, что все четыре рассматриваемых метода имеют весомые основания для использования их в целях коррекции психологической защиты, но каждый обладает своими принципами и механизмами действия, а соответственно и своими нюансами в направлении и силе воздействия на психику индивида, которые целесообразно учитывать в процессе терапии. Например, тренинговый метод имеет основную направленность на обучение и опирается на сознательные структуры психики, тогда как суггестивная психотерапия больше связана с бессознательными компонентами психики и в основном направлена на проработку глубинных фрустраций индивида. Личностно-ориентированная терапия также направлена на проработку глубинных психотравм индивида, поскольку ее суть в реконструкции травматического опыта. Арт-терапия в равной степени может действовать как в направлении обучения конструктивным механизмам защиты, так и в проработке фрустрационных ситуаций индивида.

Ключевые слова: психологическая защита личности, механизмы защиты, коррекция психологической защиты, методы коррекции, психотерапия, конструктивная психологическая защита, фрустрационная ситуация.

CORRECTIONAL POSSIBILITIES OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE FOR INCREASE OF THE PERSONALITY ADAPTATION

Elena R. Pilyugina

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

The article discusses the possibilities of influencing the psychological defense of a person, its formation and correction. The determined factors of the complexity of the psychological defense correction are the depth of education and the stability of the adaptive process, lack of awareness and criticality to one's own unconscious component, the danger of the destruction of psychological defense in the absence of a worthy alternative and an objectively existing provocation of the outside world, which is constantly traumatic

for the person. Criteria for the development of psychological defense are defined, which are an increase in the use of mechanisms from the highly adaptive group and a decrease in the use of low-adaptation mechanisms; expanding the range of defense mechanisms used; more flexible use of defense mechanisms. The factors influencing the formation of psychological defense were revealed such as the sense of frustration of the person and the experience of the person. Likewise, the corresponding directions of therapy were revealed, i.e. the study of the frustration situations of the person and the training of constructive defense mechanisms. Four methods of psychological defense correction are analyzed, which are personal-oriented psychotherapy, suggestive psychotherapy, psycho training and art therapy. It is concluded that all four of the considered methods have good reasons for using them in order to correct psychological protection, but each has its own principles and mechanisms of action, and, accordingly, its own nuances in the direction and strength of the individual's psyche effects, which should be considered in the process of therapy. For example, the training method has a primary focus on learning and relies on the conscious structures of the psyche, suggestive psychotherapy, in contrast, is more associated with the unconscious components of the psyche and is mainly aimed at working out the individual's deepest frustrations. Personality-oriented therapy and art therapy can equally act both in the direction of teaching constructive defense mechanisms and in working out individual frustration situations.

Keywords: psychological defense of a person, defense mechanisms, psychological defense correction, correction methods, psychotherapy, constructive psychological defense, a frustration situation.

Введение

Современное общество с его ускоряющимся техническим прогрессом предъявляет к человеку все более высокие требования. Усиление информационного давления, повышение критериев успешности, возросшие требования к самопрезентации, конкуренция, экономическая нестабильность, ужесточающиеся временные рамки являются для человека постоянно возрастающим стрессом и подвергают его адаптационные способности проверке на прочность. В связи с этим все больше возрастает роль психологической защиты личности, как психической регуляции поведения в сложных условиях жизнедеятельности, к которой человек прибегает с целью уберечь свое сознание от таких негативных переживаний, как чувство вины или неполноценности, от разрушительного действия эмоций гнева, страха, раздражения, тревоги и т.д. Повышение конструктивности психологической защиты дает возможность сгладить остроту переживания психотравмирующих событий, снижает внутреннюю и внешнюю конфликтность, что не только способствует более успешной адаптации личности в социуме, но и значительно улучшает восприятие этой личности самим социумом. Кроме того, что данный феномен непосредственно участвует во всех областях жизни человека, начиная от его межличностных отношений и заканчивая профессиональной деятельностью; он вносит существенные коррективы и в консультацион-

ную и психотерапевтическую работу — как известно, первый механизм защиты — вытеснение (repression) — был обнаружен З. Фрейдом в качестве фактора сопротивления пациентом терапии [Фрейд З., 2015]. Отсюда задачей статьи является комплексный анализ и обоснование методов воздействия на механизмы защиты, их формирование и коррекцию.

Причины сложности коррекции психологической защиты

Психологическая защита — это система неосознаваемых реакций индивида, позволяющих ему свести к минимуму негативные переживания путем перестройки восприятия (искажением или блокировкой информации о реальной действительности), которая является регуляторным механизмом, повышающим адаптационные способности человека к среде. О необходимости коррекции психологической защиты пишут многие авторы [Грановская Р.М., 2010а; Долгова В., Кондратьева О., 2014; Субботина Л., 2013; Freud A., 1992; Vaillant G.E., 1994], тем не менее на практике это довольно непростая задача, что объясняется следующими причинами.

Э. Констандов, опираясь на опыт коллег-нейрофизиологов [McGinnies E., Sherman H., 1952], доказывает, что стойкие эмоциональные переживания, особенно негативного характера, формируют устойчивую рефлекторную связь в коре головного мозга, которая меняет пороги чувствительности к воспринимаемой информации и избирательно влияет на ее восприятие

[Костандов Э.А., 2004]. Этот факт говорит о том, что механизмы психологической защиты, формирующиеся как раз под влиянием подобных переживаний, имеют под собой глубинный физиологический компонент, плохо поддающийся какому-либо воздействию. Механизмы защиты, сформированные в раннем детстве [Кляйн М., 2016; Freud A., 1992], являются по сути «базальным компонентом личности» [McWilliams N., 2011, p. 103] и почти не поддаются коррекции.

Целенаправленно можно повлиять только на то, что находится в сфере осознания, а автоматизмы, которыми являются механизмами защиты, управляются подсознательно и находятся вне сферы волевых решений [Грановская Р.М., 2010b; Субботина Л., 2013]. Эта задача теоретически решается при возможности вывода неосознаваемых процессов в сферу осознания и установления критичности по отношению к ним. Согласно психодинамической теории, будучи осознанными, конфликты импульсов менее опасны и легче поддаются контролю. Здесь есть еще один сложный момент: терапевтическая работа может укрепить Я-личности, выведя бессознательное содержание психики, в том числе информацию о его механизмах защиты, на уровень сознания. Но при этом если вывод бессознательного содержания на уровень сознания разрушает защитные процессы, не давая взамен альтернативных путей разрешения конфликта, то результатом такой терапии будет ослабление Я-личности и усиление патологического процесса [Freud A., 1992].

Работа с тревогой, обусловленной бессознательными компонентами психики, вполне эффективно ослабляет невротический конфликт и снижает напряженность защиты, но столкновение индивида с объективной тревогой — фактами, угрожающими его безопасности или самовосприятию, с которыми он не может примириться, несмотря на терапию, будет вновь и вновь обострять напряженность его защиты [Freud A., 1992].

Таким образом, сложность коррекции психологической защиты обуславливается глубиной образования и устойчивостью защитных механизмов, отсутствием осознания собственного бессознательного компонента и критичности по отношению к нему, опасностью разрушения психологической защиты при отсут-

ствии достойной альтернативы и объективно существующей провокацией внешнего мира, постоянно травмирующей индивида. Следовательно, эффективная коррекция психологической защиты должна базироваться на следующих принципах: она должна воздействовать на самые глубинные слои психики, обеспечивать вскрытие и перевод бессознательного содержания психики на уровень осознания, обучать индивида альтернативному конструктивному поведению и эффективным методам восприятия психотравмирующих ситуаций и отреагирования на них.

Критерии развития психологической защиты

Здесь целесообразно обратиться к иерархической особенности механизмов защиты, которую озвучивают исследователи [Bond M., 1992; McWilliams N., 2011; Meissner W.W., 1980; Perry J., Henry M., 2004; Plutchik R. et al., 1979; Vaillant G.E., 1992]. В настоящий момент не существует единой классификации механизмов защиты, а уже имеющиеся классификации предоставляют широкий выбор как перечня механизмов, так и их распределении по уровням иерархии, но тем не менее существует выраженная тенденция различения авторами механизмов по уровню их адаптивного свойства. Таким образом, одним из критериев развития личности и развития использования психологической защиты будет тенденция снижения частоты использования механизмов из низших групп иерархии и увеличения частоты использования механизмов из высших групп иерархии.

Следующим критерием конструктивной психологической защиты является широта спектра используемых защит. Под влиянием стресса спектр защит сужается, многие механизмы ослабевают и переходят в фоновый режим, а активность доминирующих механизмов, наоборот, резко возрастает, что приводит к шаблонности и ригидности восприятия, мышления и поведения личности, вследствие чего способность адаптации к различным ситуациям снижается [Каменская В., 2018; Субботина Л., 2013].

Р.М. Грановская называет критерием динамики и развития психологической защиты пластичность и динамичность использования механизмов защиты: чем более пластична и динамична личность, тем быстрее и гибче она адаптируется к возникающим новшествами, тем ста-

бильнее и устойчивее ее психологический «гомеостаз» [Грановская Р.М., 2010а].

Таким образом, критериями эффективности психологической защиты будут являться: увеличение использования механизмов из высокоадаптивной группы и уменьшение использования малоадаптивных механизмов, расширение спектра используемых механизмов психологической защиты и более гибкое использование этих механизмов.

Факторы, формирующие психологическую защиту и соответствующие им направления терапии

По Э. Фромму, подобным фактором является ограничение возможности спонтанного, свободного выражения желаний и удовлетворения потребностей, начиная с младенческого возраста, под влиянием «гетерономного воздействия», то есть социума, выступающего внешней силой, ограничивающей спонтанность [Фромм Э., 2017]. В психодинамической теории это называется «борьбой конфликтующих между собой импульсов» [Фрейд З., 2015]. А. Фрейд также называет три типа тревоги, мотивирующих психологическую защиту: инстинктивная тревога, объективная тревога и тревога сознания, каждая из которых обладает своей спецификой в вопросе образования механизмов защиты [Freud A., 1992]. Б. Зейгарник, опираясь на теорию поля Курта Левина, пишет о «незавершенных ситуациях», значимых для формирования замещающих действий, что их можно рассматривать как базис для формирования механизмов психологической защиты [Зейгарник Б., 1981]. По сути все вышеназванное — это ситуации фрустрации, которые нарушают психическое равновесие индивида и имеют для него экзистенциальное значение. Е.Е. Туник пишет следующее: «Тенденция фиксации поведения появляется тогда, когда одни и те же фрустрирующие ситуации повторяются... человек вновь и вновь совершает одни и те же действия, хотя они оказались неадаптивными» [Туник Е.Е., 2010, с. 40].

Тип же конкретного защитного механизма и интенсивность его использования, а также длительность защитно-адаптивных процессов детерминируются следующими факторами:

– смысл фрустратора для личности [Налчаджян А.А., 2010]. Авторы считают, что существует взаимосвязь между типом личности

и теми причинами, которые могут вызвать у этой личности фрустрацию, то есть значение здесь имеет не столько сама фрустрирующая ситуация, сколько то, какое значение и какой смысл придает ей конкретный субъект [Туник Е.Е., 2010]. Эволюционная модель личности Т. Миллона [Millon T., 1996], Мичиганская модель психологического стресса [Katz D., Kahn R., 1966] и структурная теория личности Г. Келлермана [Kellerman H., Burry A., 2007] также озвучивают зависимость стилей защиты и способов преодоления стресса от структуры и характеристики личности;

– полученный опыт личности [Мкртчян М., 1975]. Типы защитного поведения индивида усваиваются из окружающей среды (модели поведения родителей и старшего поколения) либо формируются на основе соответствующего подкрепления собственных вариантов поведения. Успешное преодоление фрустрационной ситуации, подталкивающее индивида к поиску новых путей реагирования и реструктурированию имеющихся механизмов защиты, в итоге приводит к тому, что количество фрустрирующих ситуаций в жизни адаптированного индивида снижается [Кляйн М., 2016].

Вышеуказанные факторы показывают, что коррекция психологической защиты может базироваться на двух направлениях психотерапии.

Согласно первому, должны прорабатываться собственные фрустрирующие ситуации личности: здесь могут оказаться эффективными личностно-ориентированная (реконструкционная) терапия, суггестивная психотерапия и арт-терапия, направленные на реконструкцию и проработку фрустрационных ситуаций.

Второе направление представляет собой обучение индивида с целью расширения способов функционирования его психики, предоставление в его распоряжение арсенала эффективных механизмов защиты с практической демонстрацией их конструктивности. Здесь эффективным может оказаться психотренинг, направленный на усвоение знаний о психологической защите, осознание личностных особенностей и специфики функционирования личной защиты с использованием игровых психотехник и разбором конкретных случаев, суггестивная терапия с установками на использование конструктивной защиты и арт-терапия, дающая образцы конструктивной защиты.

Результаты и обсуждение

Обсудим подробнее вышеуказанные методы терапии, принципы и механизмы их действия, их направленность и степень воздействия на психологическую защиту.

Личностно-ориентированная психотерапия

Предпосылки личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии лежат в психодинамическом направлении. Следовательно, основные цель и механизм воздействия данной терапии заключаются в реконструкции внутриличностного конфликта, который, как правило, возникает еще в детском периоде в результате психотравм и оказывает весомое влияние на дальнейшую адаптацию личности к социуму. Процесс извлечения из памяти клиента реальной причины психотравмы достаточно сложен по многим причинам: психотравмирующий опыт может подвергнуться вытеснению, закрыться так называемым «покрывающим» воспоминанием, исказиться фантазиями клиента или быть полученным клиентом еще в довербальном периоде и является априори недоступным его воспоминанию. Грамотно выполненная реконструкция травматического опыта позволяет вскрыть внутриличностный конфликт и «разблокировать» те области отношений, в которых ранее индивид проявлял уязвимость и дисфункциональность. Психотравмы, которые в свое время явились факторами активации психологической защиты, заново прожитые, переоцененные и изжитые, несомненно, могут повлечь за собой соответствующее изменение интенсивности и направленности психологической защиты.

Если обратиться к истокам личностно-ориентированной (реконструктивной) терапии, к психоанализу [Фрейд З., 2015], то сам процесс терапии должен включать следующие этапы:

- выявление и раскрытие сопротивления, которое стремится сохранить вытесненным травмирующее переживание;
- переработка и преодоление клиентом сопротивления (данный пункт З. Фрейд считал одной из самых сложных и важных составляющих аналитического процесса, которая оказывает наибольшее влияние на изменение клиента);
- вскрытие и вербализация психотравмы (очага напряжения) — перенос ее из области бессознательного на уровень сознания;

– катарсис — эмоциональная разрядка, в результате которой клиент освобождается от травмы за счет проживания ее заново, но на новом уровне и с новыми ресурсами, включающими переоценку (изменение системы установок, отношений) произошедшего.

Р.М. Грановская придает большое значение «катарсису исповеди и признания», позволяющему частично переложить ответственность, отреагировать на переживание, проанализировать и понять мотивы свои и окружающих, высвободить энергию тайны и получить поддержку понимающего человека [Грановская Р.М., 2010b].

А. Фрейд указывает на необходимость развенчивания у пациента иллюзий об опасностях объективной тревоги, которые при ближайшем рассмотрении основаны на преувеличенных, незрелых и искаженных представлениях о реальности или связаны с давно минувшей и уже не актуальной ситуацией [Freud A., 1992].

К. Роджер считает, что основная цель психотерапевта — обеспечить клиенту такой уровень эмпатии, который позволит им объединить усилия для решения конфликтной ситуации. Психологическая защита ослабевает, если обеспечить индивиду личностный рост, опирающийся на интерперсональные (принятие других, понимание других, социализированность, творческая адаптивность) и интраперсональные (принятие себя, открытость внутреннему опыту переживаний, понимание себя, ответственная свобода, целостность и динамичность) качества [Rogers C., 2012].

Н. Мак-Вильямс пишет о том, что овладение поведением, которое раньше было автоматическим, и принятие самого себя дает индивиду «возрастание свободы» [McWilliams N., 2011, p. 149].

Кроме того, существуют общие принципы коррекции психологической защиты в процессе личностно-ориентированной терапии. Так, например, Дж. Вайллант считает: терапия может научить человека более зрелым способам адаптации, даже несмотря на то, что защитные механизмы неосознаваемы, при условии уделения внимания «работе в направлении увеличения социальной поддержки и личной безопасности людей, а также при сохранении целостности нервной системы» [Vaillant G., 2000, p. 98]. Е.Б. Ковалева указывает на важность принципа уважения личности индивида, поло-

жительного к нему отношения, безусловного принятия, безугрожающего поведения, создания доверительной атмосферы [Ковалева Е.Б., 1998]. Р.М. Грановская также пишет о щадящем отношении к самолюбию человека, о повышении ценности совершенного им действия и снижении его негативных аспектов, стимулировании его творческих и познавательных потребностей, повышении профессионального мастерства, что может положительно сказаться на его самоуважении и удовлетворенностью жизнью [Грановская Р.М., 2010б].

Таким образом, личностно-ориентированная психотерапия в целях коррекции психологической защиты направлена на:

- реконструкцию психотравмы, включающую вербализацию, анализ и переоценку переживаний, перевод неосознаваемых процессов, создающих очаги напряжения в психике и обостряющих защиту, на уровень сознания, новое проживание и последующее изживание психотравмы;

- обеспечение клиента ресурсами (эмоциональная поддержка, эмпатия, безусловное принятие и положительное отношение);

- стимулирование личностного роста и здорового образа жизни клиента.

Вышеуказанные процедуры позволят клиенту изменить отношение к собственным фрустрирующим ситуациям, обрести новые ресурсы, в том числе умение более осознанно управлять своим поведением, улучшить те сферы взаимоотношений с социумом, которые были деформированы из-за психотравмы. Это даст возможность изменить психологическую защиту в сторону ее большей конструктивности и меньшей напряженности.

Психотренинг

Т.В. Зайцева определяет психологический тренинг как инструментальное опосредующее действие группового формата, в процессе которого участники осваивают новое или изменяют старое поведение благодаря присвоению новых знаний, умений и навыков в рамках зоны ближайшего развития. В результате совместной деятельности ведущего и участников психологического тренинга происходит процесс внутренней трансформации участников. В процессе тренинга как инструментального действия выделяются следующие этапы:

- перевод из внутреннего плана во внешний неконструктивных элементов и моделей поведения;

- построение модели идеального поведения во внешнем плане;

- модификация поведения участников группы в сторону максимального приближения к эталону и закрепление его во внутреннем плане [Зайцева Т.В., 2002].

Учитывая специфику данного метода (групповой подход и упор программы на обучение), предполагается, что в данном случае коррекция психологической защиты будет направлена в большей степени на усвоение конструктивных механизмов защиты и в меньшей степени — на проработку собственных фрустрационных ситуаций участников. То есть основная работа будет проводиться на уровне сознания, без углубления в бессознательные компоненты психики. Отсюда можно ожидать большей динамики в изменениях механизмов двух высших групп: адаптивной и невротической, то есть тех, которые базируются на уровне самоконтроля и когнитивном уровне. Механизмы психотической группы, базирующиеся на глубинных неосознаваемых процессах, скорее всего, будут подвержены меньшей динамике.

В.И. Долговой была предпринята попытка формирования конструктивной психологической защиты при помощи авторской обучающей программы, основанной на тренинговых занятиях. Проведенное ею исследование выявило снижение напряженности в частоте использования механизмов примитивной группы — вытеснения, отрицания и проекции (на 12–14 %). Напряженность зрелых механизмов психологической защиты — компенсации, гиперкомпенсации и рационализации — напротив, возросла, хотя и менее интенсивно (на 1–3 %) [Долгова В., Кондратьева О., 2014]. Как видим, исследование В.И. Долговой несколько противоречит нашим теоретическим предположениям, поэтому в данном вопросе целесообразны дополнительные исследования.

Суггестивная психотерапия

Суггестивная психотерапия как метод коррекции психологической защиты до настоящего времени не рассматривалась, тем не менее существуют весомые основания для использования ее в этих целях. Стоит отметить, что пер-

вые механизмы защиты — вытеснение (repression) и перенос (transfer) — З. Фрейд обнаружил именно в процессе гипнотерапии [Waterfield R., 2003]. Но значение для коррекции защиты имеет не только эта тесная связь гипнотического воздействия с бессознательными компонентами психики, но и некоторые другие механизмы гипноза, которые обеспечивают высокий уровень эффективности данной терапии в целом, а именно:

– «парадоксальная фаза» по И.П. Павлову, в которой слабый раздражитель имеет сильный эффект, за счет чего установки и внушения гипнотерапевта имеют значительную силу и продолжительность воздействия [Руженков В.А., 2005];

– возможность возрастной регрессии, за счет чего становится более доступной анамнестическая информация из более ранних периодов жизни индивида вплоть до пренатальной, или так называемой «околородовой» [Гроф С., 2018];

– межполушарная синхронизация и когерентность, обеспечивающие синтез эмоций, познания и поведения [Прохоров А., Юсупов Ю., 2013]. Для этого состояния характерно явление диспластии — способности человека объединять в одном контексте противоположные, взаимоисключающие понятия, образы, предметы, что выступает основной характеристикой творческого мышления [Вознюк О., 2017];

– возможность «психического переструктурирования» личности [Erikson M. et al., 1976], то есть перевода ресурсов, накопленных с эмбрионального периода и составляющих весь его опыт обучения и достижений, из области бессознательного на уровень сознания и с возможностью их дальнейшего использования;

– возможность возникновения в практике гипнотерапии инсайтов и катартических эффектов [Руженков В.А., 2005, с. 109].

Если за счет «парадоксальной фазы» можно улучшить обучение индивида конструктивным механизмам защиты, то за счет остальных механизмов возможны проработка его фрустраций и выявление скрытых очагов напряжения. Для усиления эффекта можно также использовать внушения, направленные на обеспечение личностного роста в соответствии с критериями гуманистической психологии.

Арт-терапия

Здесь в качестве инструмента наиболее подходящим представляется киноискусство по причине его популярности, простоты использования и предоставляемого им широкого набора фрустрирующих ситуаций, способов их преодоления, а также основных идей, которые могут повлиять на ценности и установки личности и, как следствие, на используемые ею механизмы защиты. Как метод коррекционного воздействия арт-терапия основывается на четырех основных психологических механизмах:

– механизм реконструирования: киноискусство, предоставляющее проигрывание широкого спектра фрустрационных ситуаций, позволяет индивиду идентифицироваться с героем и отыграть значимую для себя ситуацию, переработать собственный психотравмирующий опыт, пересмотреть отношение к себе, к своему прошлому и будущему, к значимым людям, сделать серьезный шаг в своем личностном росте и самопознании и в том числе обучиться новым способам преодоления травмирующих событий;

– механизм эмоциональной децентрации: кинопроизведение дает возможность взглянуть на собственную травмирующую ситуацию «со стороны», увидеть новые стороны реальности, избавиться от однозначности и ригидности в ее восприятии, что создает необходимые условия для конструктивного разрешения как внутриличностного, так и межличностного конфликта.

– механизм катарсиса в арт-терапии, по мнению Л.С. Выготского, дает возможность эмоционального отреагирования на более высоком качественном уровне, позволяя изживать величайшие страсти, не нашедшие выхода в обыденной жизни: для уравнивания баланса человека с миром необходимо довести аффекты до высших пределов, пресыщая человека его страстями. Также эмоциональная реакция на произведение искусства и сострадание героям способствуют трансформации внутреннего мира индивида и переоценке им значимости событий, что меняет его восприятие собственной травмирующей ситуации [Выготский Л.С., 2017].

– механизм интериоризации: в процессе просмотра произведения устанавливается эмоциональная связь с героем, происходит отождествление с ним, осознанная либо бессознательная

интеграция его нравственных качеств и ценностей в собственную психическую реальность, усваивается положительный и негативный опыт героев, перенимаются навыки психологической компетентности (знакомство с различными социальными типажам и обучение конструктивному взаимодействию с ними), усваиваются навыки интеллектуальной сферы (улучшение внимания, памяти, наблюдательности, формулирования мысли, слушания, логического мышления), навыки решения проблем, навыки эмоциональной сферы (эмпатия, рефлексия), навыки релаксации, самоанализа и многое другое, что позволяет снизить остроту восприятия фрустрационных ситуаций и, как следствие, напряженность психологической защиты.

Как видим, искусство является достаточно сильным инструментом воздействия на психику вплоть до самых глубинных ее уровней, что допускает возможность коррекции психологической защиты. Ключевым вопросом в данной терапии становится подбор стимульного материала. Для того, чтобы терапия оказала необходимое влияние на психологическую защиту, необходимо, чтобы элементы кинопроизведения, с одной стороны, включали широкую гамму фрустрирующих ситуаций и их успешного преодоления, с другой стороны, несли основную идею, соответствующую конструктивному защитному поведению, такому, как альтруизм, творчество, использование юмора, терпеливость и благоразумие. Для оценки содержания и эффекта фрустрирующих ситуаций, способов их преодоления и основной идеей произведения целесообразно использовать контент-анализ.

Заключение

Таким образом, все четыре метода имеют весомые предпосылки для использования их в целях коррекции психологической защиты, но каждый обладает своими нюансами в направлении и силе воздействия на психику индивида. Критериями отбора данных методов для коррекции психологической защиты явились те механизмы и принципы, которые позволяют воздействовать по двум направлениям коррекции защиты: в обучении конструктивным методам защиты и в проработке глубинных психотравм личности. Тренинговый метод имеет основную направленность на обучение конструктивным методам защиты, он опирается на

сознательные структуры психики, на усвоение новых навыков и модификацию поведения. Суггестивная психотерапия, напротив, больше связана с бессознательными компонентами психики и в основном направлена на проработку глубинных психотрав индивида, хотя обучение конструктивному защитному поведению здесь тоже возможно за счет повышения обучаемости в процессе направленных внушений. Личностно-ориентированная психотерапия базируется на реконструкции психотравмирующего опыта, в процессе чего изживаются как сама психотравма, так и спровоцированные ею напряженность и деструктивность психологической защиты. Метод арт-терапии в равной степени может применяться в обоих направлениях: как в обучении конструктивным механизмам защиты за счет интериоризации опыта киногероя, так и благодаря большому количеству фрустрационных сюжетных событий в произведении, в проработке психотравм индивида. В дальнейшем целесообразно определить различия в эффективности этих методов на базе эмпирических исследований.

Список литературы

- Вознюк О.* Универсальная модель психотерапии. Житомир: Lambert Academic Publisher, 2017. 152 с.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Рипол Классик, 2017. 448 с.
- Грановская Р.М.* Психологическая защита. СПб.: Речь, 2010. 480 с.
- Грановская Р.М.* Элементы практической психологии. СПб.: Речь, 2010. 656 с.
- Гроф С.* Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. М.: Ганга, 2018. 544 с.
- Долгова В., Кондратьева О.* Психологическая защита: монография. М.: Перо, 2014. 157 с.
- Зайцева Т.* Теория психологического тренинга. Психологический тренинг как инструментальное действие. СПб.: Речь; М.: Смысл, 2002. 80 с.
- Зейгарник Б.* Теория личности Курта Левина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 118 с.
- Каменская В.* Психология конфликта. Психологическая защита и мотивация в структуре конфликта. М.: Юрайт, 2018. 150 с.
- Кляйн М.* Детский психоанализ. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2016. 154 с.
- Ковалева Е.Б.* Способы психологической защиты детей старшего дошкольного возраста с по-

вышенной тревожностью и их коррекция: дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 1998. 172 с.

Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного. СПб.: Питер, 2004. 176 с.

Мкртчян М. Проблема фрустрации и защитные механизмы личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Арм. гос. пед. ин-т им. Абовяна. Ереван, 1975. 24 с.

Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.

Прохоров А., Юсупов М. Повседневное трансовое состояние. М.: ИП РАН, 2013. 176 с.

Руженков В.А. Основы клинической гипнотерапии. Ростов: Феникс, 2005. 316 с.

Субботина Л. Психологическая защита и стресс. Харьков: Гуманит. центр, 2013. 230 с.

Туник Е.Е. Психологические защиты. СПб.: Речь, 2010. 218 с.

Фрейд З. Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно (сборник). М.: АСТ, 2015. 528 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.

Bond M. An empirical study of defensive styles: The Defense Style Questionnaire // *Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Press, 1992. P. 127–158.

Erikson M., Rossi E., Rossi S. Hypnotic realities: The induction of clinical hypnosis and forms of indirect suggestion. N.Y.: Irvington Publishers, 1976. 326 p.

Freud A. The ego and the mechanisms of defence. London: Karnac Books, 1992. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481550>

Katz D., Kahn R. The social psychology of organizations. N.Y.: Wiley, 1966. 489 p.

Kellerman H., Burry A. Handbook of psychodiagnostic testing: Analysis of personality in the psychological report. N.Y.: Springer Science & Business Media, 2007. 202 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-71370-0>

McGinnies E., Sherman H. Generalization of perceptual defense // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1952. Vol. 47, no. 1, P. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0055582>

McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. N.Y.: Guilford Press, 2011. 480 p.

Meissner W.W. Theories of personality and psychopathology: Classical psychoanalysis. // *Comprehensive textbook of psychiatry*. 3rd ed. Baltimore, MD: Williams and Wilkins, 1980. Vol. 1. P. 631–728.

Millon T. Personality and psychopathology: Building a clinical science: Selected papers of Theodore Millon. N.Y.: John Wiley & Sons, 1996. 368 p.

Perry J., Henry M. Studying defense mechanisms in psychotherapy using the Defense Mechanism Rating Scales // *Advances in Psychology*. 2004. Vol. 136: Defense mechanisms: Theoretical, research and clinical perspectives. P. 165–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0166-4115\(04\)80034-7](https://doi.org/10.1016/S0166-4115(04)80034-7)

Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A structural theory of ego defenses and emotions // *Emotions in personality and psychopathology*. N.Y.: Springer, 1979. P. 227–257.

Rogers C. Client Centred Therapy (New ed). London, UK: Hachette UK, 2012. 576 p. DOI: https://doi.org/10.1007/springerreference_179870

Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense and personality psychopathology // *Journal of abnormal psychology*. 1994. Vol. 103, no. 1. P. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-843X.103.1.44>

Vaillant G.E. Adaptive mental mechanisms: Their role in a positive psychology // *American psychologist*. 2000. Vol. 55, no. 1. P. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.1.89>

Vaillant G.E. Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers. Washington, DC: American Psychiatric Press, 1992. 320 p.

Waterfield R. Hidden depths: The story of hypnosis. N.Y.: Routledge, 2003. 508 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203955314>

Получено 27.05.2019

References

Bond, M. (1992). An empirical study of defensive styles: The Defense Style Questionnaire. *Ego mechanisms of defense: A guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Press, pp. 127–158.

Dolgoва, V. and Kondrat'eva, O. (2014). *Psikhologicheskaya zaschita* [Psychological defense]. Moscow: Pero Publ., 157 p.

Erikson, M., Rossi, E., Rossi, S. (1976). *Hypnotic realities: The induction of clinical hypnosis and forms of indirect suggestion*. New York: Irvington Publishers, 326 p.

Freud, A. (1992). *The ego and the mechanisms of defence*. London: Karnac Books Publ., 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429481550>

Freud, Z. (2015). *Bol'shaya kniga psikhoanaliza. Vvedenie v psikhoanaliz. Lektsii. Tri ocherka po teorii seksual'nosti. Ya i Ono (sbornik)* [The Big Book of

- Psychoanalysis. Introduction to psychoanalysis. Lectures. Three essays on the theory of sexuality. Me and It (compilation)]. Moscow: AST Publ., 528 p.
- Fromm, E. (2017). *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow: AST Publ., 288 p.
- Granovskaya, R.M. (2010). *Elementy prakticheskoy psikhologii* [Elements of practical psychology]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 656 p.
- Granovskaya, R.M. (2010). *Psikhologicheskaya zaschita* [Psychological defense]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 480 p.
- Grof, S. (2018). *Psikhologiya buduschego: Uroki sovremennykh issledovaniy soznaniya* [Psychology of the future: lessons from contemporary studies of consciousness]. Moscow: Ganga Publ., 544 p.
- Kamenskaya, V. (2018). *Psikhologiya konflikta. Psikhologicheskaya zaschita i motivatsiya v strukture konflikta* [Psychology of conflict. Psychological defense and motivation in the structure of the conflict]. Moscow: Yurayt Publ., 150 p.
- Katz, D. and Kahn, R. (1966). *The social psychology of organizations*. New York: Wiley Publ., 489 p.
- Kellerman, H. and Burry, A. (2007). *Handbook of psychodiagnostic testing: Analysis of personality in the psychological report*. New York: Springer Science & Business Media Publ., 202 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-71370-0>
- Klyayn, M. (2016). *Detskiy psikhoanaliz* [Children's psychoanalysis]. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy Publ., 154 p.
- Kostandov, E.A. (2004). *Psikhofiziologiya soznaniya i bessoznatel'nogo* [Psychophysiology of consciousness and the unconscious]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 176 p.
- Kovaleva, E.B. (1998). *Sposoby psikhologicheskoy zaschity detey starshego doshkol'nogo vozrasta s povyshennoy trevozhnost'yu i ikh korrektsiya: dis. ... kand. psikh. nauk* [Methods of psychological defense of children of senior preschool age with increased anxiety and their correction: Ph.D. Thesis]. Irkutsk, 172 p.
- McGinnies, E. and Sherman, H. (1952). Generalization of perceptual defense. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 47, no. 1, pp. 81–85. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0055582>
- McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process*. New York: Guilford Press, 480 p.
- Meissner, W.W. (1980). Theories of personality and psychopathology: Classical psychoanalysis. *Comprehensive textbook of psychiatry*. Baltimore, MD: Williams and Wilkins Publ., vol. 1, pp. 631–728.
- Millon, T. (1996). *Personality and psychopathology: Building a clinical science: Selected papers of Theodore Millon*. New York: John Wiley & Sons Publ., 368 p.
- Mkrtschyan, M. (1975). *Problema frustratsii i zaschitnye mekhanizmy lichnosti: avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk* [The problem of frustration and protective mechanisms of the person: Abstract of Ph.D. dissertation]. Erevan, 24 p.
- Nalchadzhyan, A.A. (2010). *Psikhologicheskaya adaptatsiya: mekhanizmy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategies]. Moscow, Eksmo Publ., 368 p.
- Perry, J. and Henry, M. (2004). Studying defense mechanisms in psychotherapy using the Defense Mechanism Rating Scales. *Advances in Psychology*. Vol. 136: Defense mechanisms: Theoretical, research and clinical perspectives, pp. 165–186. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0166-4115\(04\)80034-7](https://doi.org/10.1016/S0166-4115(04)80034-7)
- Plutchik, R., Kellerman, H. and Conte, H.R. (1979). A structural theory of ego defenses and emotions. *Emotions in personality and psychopathology*. New York: Springer Publ., pp. 227–257.
- Prokhorov, A. and Yusupov, M. (2013). *Povsednevnoe transovoe sostoyanie* [Everyday trance state]. Moscow, IP RAS Publ., 176 p.
- Rogers, C. (2012). *Client centered therapy*. London: Hachette UK Publ., 576 p. DOI: https://doi.org/10.1007/springerreference_179870
- Ruzhenkov, V.A. (2005). *Osnovy klinicheskoy gipnoterapii* [Fundamentals of clinical hypnotherapy]. Rostov: Feniks Publ., 316 p.
- Subbotina, L. (2013). *Psikhologicheskaya zaschita i stress* [Psychological protection and stress]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentrl Publ., 230 p.
- Tunik, E.E. (2010). *Psikhologicheskie zaschity* [Psychological defenses]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 218 p.
- Vaillant, G.E. (2000). Adaptive mental mechanisms: Their role in a positive psychology. *American Psychologist*. Vol. 55, no. 1, pp. 89–98. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.55.1.89>
- Vaillant, G.E. (1994). Ego mechanisms of defense and personality psychopathology. *Journal of Abnormal Psychology*. Vol. 103, no. 1, pp. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.1037/0021-843x.103.1.44>
- Vaillant, G.E. (1992). *Ego mechanisms of defense: a guide for clinicians and researchers*. Washington, DC: American Psychiatric Press, 306 p.
- Voznyuk, O. (2017). *Universal'naya model' psikhoterapii* [Universal model of psychotherapy]. Zhitomir: Lambert Academic Publ., 152 p.

Vygotskiy, L.S. (2017). *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Ripol Klassik Publ., 448 p.

Waterfield, R. (2002). *Hidden depths: The story of hypnosis*. New York: Routledge Publ., 508 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203955314>

Zaytseva, T. (2002). *Teoriya psikhologicheskogo treninga. Psikhologicheskiy trening kak instrumental'noe deystvie* [The theory of psychological training.

Psychological training as an instrumental action]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., Moscow: Smysl Publ., 80 p.

Zeygarnik, B. (1981). *Teoriya lichnosti Kurta Levina* [The theory of the personality of Kurt Levin]. Moscow: MSU Publ., 118 p.

Received 27.05.2019

Об авторе

Пилюгина Елена Радимовна

аспирант кафедры психологии развития и психофизиологии

Казанский инновационный университет

им. В.Г. Тимирязова,

420111, Казань, ул. Московская, 42;

e-mail: simvol352@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6737-423X>

About the author

Elena R. Pilyugina

Ph.D. Student of the Department of Developmental Psychology and Psychophysiology

Kazan Innovative University named after

V.G. Timiryasov,

42, Moscovskaya str., Kazan, 420111, Russia;

e-mail: simvol352@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6737-423X>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пилюгина Е.Р. Коррекционные возможности психологической защиты для повышения адаптации личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 345–355.

DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-345-355](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-345-355)

For citation:

Pilyugina E.R. Correctional possibilities of psychological defense for increase of the personality adaptation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 345–355.

DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-345-355](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-345-355)

УДК 159.922

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-356-371

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ТЕМНОЙ ТРИАДЫ ЛИЧНОСТИ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Дериш Федор Валерьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Исследование посвящено проблеме взаимосвязи негативных черт личности Темная триада и самооценочного эмоционального интеллекта. Дополнительно в работе проанализирована роль фактора пола в индивидуальных различиях эмоционального интеллекта и черт Темной триады личности. В работе использовались «Краткий опросник Темной триады» и «Опросник эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина. Участниками исследования выступили студенты высших учебных заведений г. Перми в количестве 244 человека (54,1 % женщины) в возрасте от 18 до 30; средний возраст составил 20,2 ($SD = 2,24$). Анализ данных осуществлялся с помощью линейного корреляционного анализа, сравнительного анализа с использованием t-критерия Стьюдента, расчета коэффициентов d-Коэна и множественного регрессионного анализа. В результате оказалось, что участники исследования проявляют большую уверенность в своих навыках распознавания и управления эмоциональными состояниями. Половые различия в выраженности черт Темной триады оказались умеренными для макиавеллизма, слабыми и незначимыми для нарциссизма и высокими для психопатии и контроля экспрессии. Все черты Темной триады связаны со шкалами эмоционального интеллекта, причем макиавеллизм имеет слабые положительные, нарциссизм — умеренные положительные, а психопатия — умеренные отрицательные связи. Макиавеллизм и нарциссизм положительно связаны со шкалами управления эмоциями других людей, а психопатия отрицательно связана со шкалами понимания и управления собственными эмоциями. Половые различия наблюдаются во взаимосвязях нарциссизма и психопатии со шкалами эмоционального интеллекта. Мужской нарциссизм оказался связанным с межличностным эмоциональным интеллектом, а женский — со всеми шкалами эмоционального интеллекта (кроме контроля экспрессии). Специфичным для женщин с высоким уровнем психопатии является наличие сложностей с саморегуляцией собственных эмоциональных состояний и пониманием собственных чувств и аффектов. В терминах социально-эмоциональной эффективности нарциссизм оказался наиболее «светлой» характеристикой, а психопатия — наиболее «темной».

Ключевые слова: Темная триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, эмоциональный интеллект, пол, половые различия.

SEX DIFFERENCES OF RELATIONS BETWEEN DARK TRIAD OF PERSONALITY AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

Fedor V. Derish

Perm State University

The Dark Triad (DT) traits of narcissism, Machiavellianism and psychopathy have weak relations with general mental ability and describe malfunctioning interpersonal relationship. The interpersonal relationships based on socio-emotional intelligence include communication competence, social intelligence and emotional intelligence (EI). DT traits have unclear links with features of emotional intelligence: low affect and cognitive empathy, inadequacy of recognizing emotional conditions and responding to them correctly. Recent studies provide data on stable sex differences only in the degree of variance of self-report EI and DT. Thus, our study was aimed at testing the hypotheses about correlation between DT and self-

report EI by gender. A sample of 244 students aged 18–30 from different universities of Perm (54 % female) completed Russian translation of the Short-Dark Triad and Questionnaire of Emotional Intelligence. The hypothesis was tested using bivariate zero-order Pearson correlation, t-test and Cohen's d. We have found statistically significant differences for Machiavellianism ($d = 0,30$), psychopathy ($d = 0,73$) and control of emotional expression ($d = 0,70$) in the male group. Significant relations between self-report EI and DT were observed for narcissism and psychopathy. In the male sample, correlations of narcissism were in the range of 0,20 to 0,27, where it was related to managing emotions. In the female group, we found many correlations in the range of 0.18 to 0,39 with all components of self-report EI (except for control of emotional expression). Psychopathy of men showed significantly negative relationship with intrapersonal EI in both groups (for male from -0,22 to -0,29; for female from -0,19 to -0,22). In general, narcissism is the «brightest» feature of personality for socio-emotional efficiency while psychopathy is the «darkest» trait. Sex differences were observed in male narcissism which was associated with the pragmatic side of EI: managing emotions of other people and emotional self-regulation. However, all received relations were weak. «Dark» personality can be considered as a factor of social and emotional efficiency in interpersonal relationships.

Keywords: Dark Triad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, emotional intelligence, gender, sex differences.

Введение

За последние 20 лет наблюдается усиление интереса к изучению негативных черт личности, описывающих стабильные нормативные характеристики личности и деструктивные формы поведения в отношении межличностного взаимодействия и социального функционирования человека. Благодаря работе Полхуса и Вильямса, была обнаружена так называемая Темная триада личностных черт (ТТ), включающая в себя три диспозиционные черты: неклинические психопатия и нарциссизм, а также макиавеллизм [Paulhus D., Williams K., 2002]. Особенностью такого комплекса черт, как ТТ, является наличие культурно-независимой целостности и специфики каждой черты по отдельности [Furnham A. et al., 2013]. Все черты ТТ связаны с низкой эмпатией, неспособностью распознавать эмоциональные состояния другого человека и адекватно на них реагировать. Данные характеристики образуют так называемую эмоциональную холодность, характерную для ТТ, которая в значительной мере определяет связь между нарциссизмом, психопатией и макиавеллизмом [Ali F. et al., 2009; Wai M., Tiliopoulos N., 2012; Book A. et al., 2015; Giammarco E.A., Vernon P.A., 2014]. В дополнение имеются данные относительно связей ТТ с алекситимией — неспособностью распознавать эмоциональные состояния и описывать их [Cairncross M. et al., 2014].

Модели эмоционального интеллекта и его связь с личностными чертами

В современной психологии способность к опознанию, пониманию и управлению эмоциями, чувствами и состояниями определяется как эмоциональный интеллект (ЭИ) [Люсин Д.В., 2004; Matthews G. et al., 2003; Goleman D., 2001; Mayer J.D., Salovey P., 1997]. Данное определение является достаточно широким и может включать в себя достаточно большое количество психологических характеристик. При изучении ЭИ достаточно условно можно выделить два блока его моделей [Matthews G. et al., 2004]. В моделях первого блока ЭИ является когнитивной способностью, для диагностики которой используют объективные тесты измерения. Самая известная модель способностей принадлежит Дж. Мэйеру, П. Сэловею, Д. Карузо, которые относят к ЭИ способности, связанные с переработкой эмоциональной информации [Mayer J.D., Salovey P., 1997; Brackett M., Mayer J.D., 2003]. В подобных моделях ЭИ позволяет обрабатывать информацию об эмоциях, их значении и назначении, границах, а также о влиянии на поведение.

В моделях второго блока (смешанные модели) в состав ЭИ, помимо когнитивных способностей, включают личностные характеристики (саморегуляция, мотивация, черты) и предлагают самоотчетный метод его диагностики. Среди смешанных моделей можно выделить две основные модели, авторами которых являются Д. Гоулмен и Р. Бар-Он. Д. Гоулман описывает

ЭИ с помощью двух измерений: «Я – Другие», «Опознание – Регуляция», где к ЭИ относится опознание и распознавание эмоций, регуляция и управление ими. При описании ЭИ автор включал такие характеристики, как эмпатия, гибкость, сознательность, социальная компетентность, самоконтроль, инициативность и множество других личностных свойств и черт [Гоулман Д. и др., 2012; Goleman D., 1998]. В структуре модели социально-эмоционального интеллекта Р.Бар-Он выделяет пять компонентов [Bar-On R., 2006]: 1) внутриличностный ЭИ — осознание своих эмоций, самоуважение, уверенность в себе, самоактуализация, независимость; 2) межличностный ЭИ — эмпатия, установление отношений, социальная ответственность; 3) управление стрессом — устойчивость к стрессу, контроль эмоций; 4) адаптивность — соответствие реальности, гибкость, эффективное решение проблем; 5) общее настроение — счастье, оптимизм.

Смешанные модели рассматривают ЭИ как сложное психическое образование, которое включает в себя когнитивный и личностный аспекты. Авторы смешанных моделей считают, что инструменты измерения наподобие классических интеллектуальных тестов не смогут в достаточной степени учесть мотивационную, регуляторную и другие составляющие ЭИ. Другой взгляд на проблему определения ЭИ предложили Петридес и Фернхем [Petrides K.V., A. Furnham, 2000]. Они определяли ЭИ как черту или как способность в зависимости от того, какой инструмент измерения используют исследователи (опросник или тесты). В данном ключе ЭИ как черта может быть сопоставлена с другими личностными характеристиками.

В проведенном исследовании использовалась модель ЭИ Д.В. Люсина, которая содержит два компонента, или подвида ЭИ: межличностный и внутриличностный. Несмотря на то что ЭИ измеряется посредством опросника, в конструкт Д. В. Люсин не вводит личностные характеристики напрямую. По Д.В. Люсину, ЭИ формируется в течение жизни под воздействием трех групп факторов: когнитивные способности (скорость и точность переработки информации), представления об эмоциях (ценности, направленность и т.п.), особенности эмоциональности (устойчивость, чувствительность и т.п.) [Люсин Д.В., 2004, 2009].

Для ЭИ как способности наблюдаются редкие и слабые связи с личностными чертами. Например, согласно метааналитическому исследованию Д. Джозеф и Д. Ньюмана, только опознание эмоций значимо связано с сознательностью [Joseph D.L., Newman D.A., 2010]. Аналогичная картина наблюдается в отечественных исследованиях. При использовании когнитивных тестов ЭИ и экспериментальных планов с использованием видеотестов на распознавание эмоциональных состояний не было получено достоверных взаимосвязей с личностными чертами [Люсин Д.В., Овсянникова В.В., 2013].

Самооценочный ЭИ в свою очередь обладает более широким индивидуальным разнообразием, отражающимся в саморегуляции, основанной на интегрированных эмоциональных, когнитивных и мотивационных функциях. Существующие данные в отношении самооценочного ЭИ показывают его сильные взаимосвязи с базовыми личностными чертами [Joseph D.L., Newman D.A., 2010; Brackett M., Mayer J.D., 2003], что позволяет рассматривать самооценочный эмоциональный интеллект как личностную черту, связанную с самоэффективностью [Van der Linden D. et al., 2017]. В этом аспекте в результате факторного анализа были выделены четыре характеристики эмоциональной самоэффективности: коммуникабельность, эмоциональность, самоконтроль, благополучие.

Помимо базовых черт личности, самооценочный ЭИ тесно связан с низкой агрессивностью, низкой импульсивностью и высоким стремлением к социальному одобрению [Smorti M. et al., 2018; Megias A. et al., 2018]. Также у человека с высоким ЭИ эмоции являются существенным компонентом принятия решений в реальной жизни, а у человека с низким ЭИ эмоции нарушают контроль за поведением и приводят к необдуманным, импульсивным действиям [Bechara A. et al., 2000].

Темная триада и эмоциональный интеллект

Общим для всех черт ТТ является их связь с недоброжелательным отношением к другим людям и первоначальным пренебрежением к окружающим, лживостью, корыстолюбием и черствостью [Giammarco E.A., Vernon P.A., 2014; Lee K. et al., 2013; Jonason P.K. et al., 2013; Jakobwitz S., Egan V., 2006; Lee K., Ashton M.C., 2005]. В то же самое время специфич-

ным является несовпадение взаимосвязей макиавеллизма, нарциссизма и психопатии с другими психологическими характеристиками. Например, нарциссизм связан с экстраверсией, умением создавать положительное первое впечатление, психопатия — с импульсивностью, слабой ориентацией на долгосрочные цели, а макиавеллизм — с использованием различных манипулятивных тактик и цинизмом по отношению к другим людям [Lee K. et al., 2013; Rauthmann J.F., Kolar G.P., 2012; Jakobwitz S., Egan V., 2006; Lee K., Ashton M.C., 2005].

Триада нарциссизма, макиавеллизма и психопатии слабо связана с общим интеллектом [Zajenkowski M., Czarna A.Z., 2015] и описывает неконструктивный межличностный стиль [Austin E.J. et al., 2014; Austin E.J. et al., 2007]. Стиль межличностных отношений основывается на социо-эмоциональной компетентности, включающей коммуникативную компетентность, социальный и эмоциональный интеллекты. Наиболее интересным и актуальным является изучение связи именно ЭИ и ТТ личности.

Применительно к исследованию ЭИ и ТТ были определены достаточно сложные отношения между ТТ и различными показателями ЭИ и эмпатии. Были обнаружены связи всех трех составляющих ТТ с низкой когнитивной эмпатией, связь макиавеллизма и психопатии с низкой аффективной эмпатией [Jonason P.K., Krause L., 2013]. В целом сделаны выводы о низкой эмпатии носителей ТТ личностных черт [Ali F. et al., 2009].

В таком русле недавно был проведен метаанализ, обобщающий результаты множества исследований относительно связи между отдельными чертами ТТ и показателями ЭИ. Так, нарциссизм имеет слабые (незначимые) связи с ЭИ, макиавеллизм негативно связан с ЭИ вне зависимости от используемого инструмента измерения, а психопатия сильнее других черт негативно связана с общим показателем ЭИ [Miao C. et al., 2018].

В некоторых исследованиях более пристально рассматриваются корреляции для шкал ЭИ и черт ТТ. В частности, нарциссизм связан с высокой социальной и эмоциональной экспрессивностью, контролем и чувствительностью. Макиавеллизм и психопатия связаны с низкими эмоциональной и социальной экспрессивностью, чувствительностью и контролем [Nagler U.K. et al., 2014]. В другом исследова-

нии «темные» черты оказались связанными со шкалами управления эмоциями других людей. Так, все черты ТТ негативно связаны со стремлением помочь людям справиться с их эмоциями и, наоборот, положительно — с индивидуалистическими стратегиями управления эмоциями других [Austin E.J. et al., 2014].

Однако большинство данных сосредоточены вокруг анализа связи с общим показателем ЭИ, а исследования, посвященные изучению отдельных компонентов ЭИ, немногочисленны и не учитывают фактор пола.

Половые различия эмоционального интеллекта

В современных исследованиях имеются различные данные относительно половых различий ЭИ. При рассмотрении ЭИ как способности, когда изучаются точность и скорость определения эмоций и эмоциональных состояний, женщины показывают лучшие результаты. Так, в уже упомянутом метаанализе, проведенном Д. Джозеф и Д. Ньюманом, показано, что женщины имеют более высокие значения ЭИ, чем мужчины, причем сила различий составила от 0,29 до 0,49 (от слабого до умеренного уровня) [Joseph D.L., Newman D.A., 2010]. Женщины при кратковременном предъявлении (1–3 секунды) точнее мужчин распознают почти все базовые эмоции [Hall J.A., Matsumoto D., 2004; Mufson L., Nowicki S., 1992]. То есть женщины демонстрируют высокие способности к имплицитному (интуитивному) распознаванию эмоций.

При рассмотрении ЭИ, включающего в себя личностные характеристики, различия либо отсутствуют, либо являются слабыми и разнятся в зависимости от исходной модели ЭИ. Для суммарного показателя ЭИ наблюдается отсутствие достоверных различий между мужчинами и женщинами [Joseph D.L., Newman D.A., 2010] и даже наличие большей выраженности ЭИ у мужчин [Petrides K.V., Furnham A., 2006]. Также женщины оказываются более сильными в межличностном ЭИ, тогда как мужчины лучше понимают собственные эмоции, обладают более высоким уровнем саморегуляции и управления эмоциями [Bar-On R., 2006]. В модели Д.В. Люсина мужчины в большей степени уверены в своей эмоциональной компетентности в понимании и управлении чужими эмоциональными состояниями, а также в контроле проявления собственных эмоций [Люсин Д.В., 2004, 2009; Люсин Д.В. и др., 2004].

Так, фактор пола является важным при исследовании ЭИ, поскольку имеющиеся различия проявляются в разных культурах и, как правило, соответствуют тем социальным ролям, которые влияют на поведение мужчин и женщин.

Половые различия Темной триады

В зарубежных исследованиях имеются многочисленные данные о половых различиях для каждого компонента и суммарного показателя ТТ. При сопоставлении данных различных исследований использовалась мера эффекта *d*-Коэна, которая позволяет оценивать и сравнивать силу различий между показателями ТТ [Егорова М.С. и др., 2015а]. Так, для макиавеллизма величина эффекта варьируется в пределах 0,06–0,56, для нарциссизма она находится в пределах 0,0–0,52, причем большие различия обнаруживаются при использовании кратких опросников ТТ. Размеры эффектов для психопатии находятся в пределах 0,26–1,27. Положительные значения коэффициента *d*-Коэна свидетельствуют о большей выраженности черт у мужчин [Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014].

В отечественных исследованиях имеются сходные данные о половых различиях в выраженности показателей ТТ. На небольшой выборке ($N = 122$, женщин — 58,2 %) с использованием экспресс-опросника «Темная дюжина» были получены различия для каждого компонента: для макиавеллизма эффект *d*-Коэна составил — 0,75, для нарциссизма — -0,33, а для психопатии — 0,34 [Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В., 2016].

По данным другого исследования, центральной проблемой которого были обозначены половые различия в показателях ТТ, размеры эффекта *d* для макиавеллизма находятся в диапазоне 0,36–0,46, для нарциссизма — 0,16–0,27, для психопатии — 0,35–0,57. Таким образом, полученные в ряде исследований половые различия по макиавеллизму и психопатии можно оценить, как находящиеся на среднем уровне, а по нарциссизму — как низкие [Егорова М.С. и др., 2015а].

Проблема исследования

Выявленные особенности эмоциональной стороны черт ТТ предполагают низкую эффективность социальных взаимодействий. Данное предположение является условным и требует эмпирической проверки. Вкупе с вышесказан-

ным остается открытым вопрос об адаптивных преимуществах черт ТТ. Такие негативные черты предполагают неприемлемое для окружающих поведение (манипулирование, пренебрежение, безразличие и т.п.), которое требует множества навыков, умений и, соответственно, способностей. В противном случае данные черты снижали бы общую социальную адаптивность и были бы представлены в популяции в меньшей степени. Успешное функционирование обладателей выраженной ТТ в ситуациях межличностного взаимодействия зависит от множества факторов, среди которых особо выделяются характеристики, позволяющие понимать намерения, состояния, чувства и эмоции других людей и управлять ими.

Существует связь между обработкой людьми эмоциональной информации, выстраиванием ими отношений и такими отрицательными чертами личности, как ТТ. К сожалению, на российской выборке пока неизвестно, как связаны черты ТТ и показатели самооценочного ЭИ. Предположительно, результаты данного исследования будут соответствовать зарубежным исследованиям. Исходя из существующих данных о связи ЭИ и ТТ, мы считаем, что макиавеллизм и психопатия будут отрицательно связаны с ЭИ, а нарциссизм не будет связан с ЭИ.

Для ТТ и ЭИ пол является важным фактором индивидуальных различий, которые отмечаются различными исследователями. К сожалению, фактор пола рассматривается ограниченно: анализируются только межгрупповые различия выраженности изучаемых признаков. Интересным представляется анализ различий между мужчинами и женщинами в социально-эмоциональной компетентности, опосредованной чертами ТТ личности. Исходя из имеющихся данных о половых различиях, можно предположить, что, вероятно, эти различия будут проявляться во взаимосвязях черт ТТ и самооценочного ЭИ.

В соответствии с вышесказанным нами было организовано и проведено эмпирическое исследование, в котором были рассмотрены взаимосвязи ТТ личностных черт со шкалами опросника ЭИ в связи с полом.

Организация исследования

В исследовании приняли участие 244 человека, которые являются студентами пермских вузов и обучаются по специальностям очной форме на

естественно-научных и гуманитарных специальностях. Возраст участников варьировался от 18 до 30 лет, средний возраст — 20,2 (SD = 2,24). Выборка формировалась путем кластерного отбора для сохранения относительно равного количества мужчин и женщин. Были опрошены 132 женщины (54,1 %) и 112 мужчин.

К исследованию респонденты приглашались на основе добровольного согласия. Каждый участник получал индивидуальный пакет методик, включающий опросник, измеряющий ТТ личностных черт (краткая форма опросника «Темная триада» — «Short-Dark Triad») [Jones D.N., Paulhus D.L., 2014] и «Опросник эмоционального интеллекта» (ЭИИ) Д.В. Люсина [Люсин Д.В., 2009].

«Краткий опросник Темной триады» («The Short Dark Triad Questionnaire») предназначен для диагностики трех негативных черт личности: макиавеллизма (α -Кронбаха = 0,68), неклинического нарциссизма (α -Кронбаха = 0,69) и неклинической психопатии (α -Кронбаха = 0,56). Он содержит 27 утверждений (по 9 на каждую черту ТТ) и оценивается по пятибалльной шкале Ликерта.

Опросник ЭИИ Д.В. Люсина был опубликован в 2009 г. Опросник включает в себя 46 утверждений, оцениваемых по четырехбалльной шкале Ликерта. Пункты опросника образуют пять первичных (понимание, управление своими и чужими эмоциями и контроль экс-

прессии) и пять вторичных шкал (управление эмоциями, понимание эмоций, внутриличностный ЭИ, межличностный ЭИ и общий ЭИ). Стоит отметить, что пункты опросника ЭИ модели Д. Люсина сформулированы в ключе уверенности в своей эмоциональной компетентности (например: «Мне легко догадаться о чувствах человека по выражению его лица», «Я хорошо знаю, чем заняться, чтобы улучшить себе настроение») [Люсин Д.В., 2004, 2009].

Полученные данные были обработаны с помощью методов математической статистики: для определения связи шкал ЭИ и черт ТТ личности использовался линейный корреляционный анализ Пирсона, для исследования половых различий — сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента для независимых выборок с последующим расчетом коэффициентов d-Коэна, для проверки однородности дисперсии изучаемых групп — критерий Ливиня, а для оценки вклада фактора пола и показателей ЭИ в вариативность черт ТТ — множественный регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

Анализ полученных данных осуществлялся в три этапа. На первом этапе проводилась оценка выраженности черт ТТ и показателей ЭИ в данной выборочной совокупности. Для удобства были построены графики средних значений для двух групп испытуемых (рис. 1, 2).

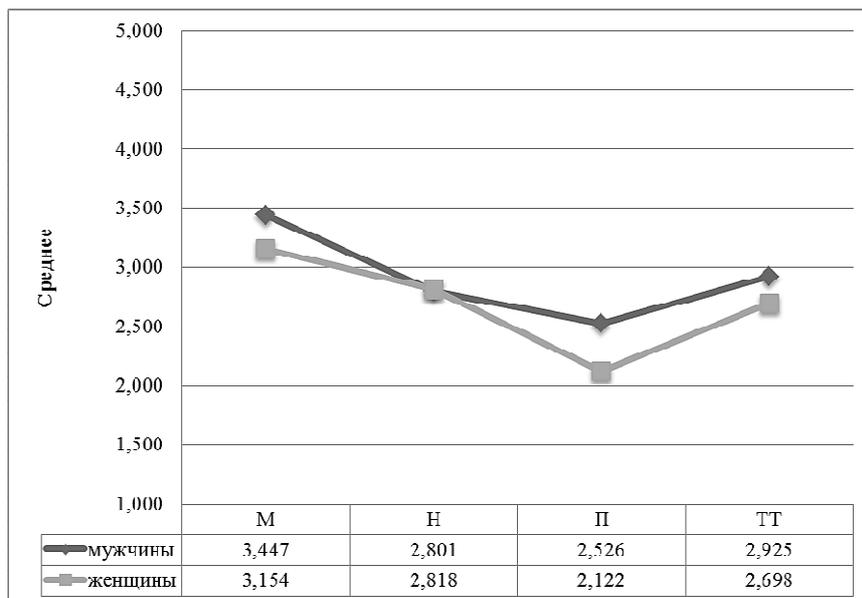

Рис. 1. График средних значений черт ТТ для мужской и женской групп ($n_{\text{муж}} = 112$, $n_{\text{жен}} = 132$).

Примечание: М — макиавеллизм, Н — нарциссизм, П — психопатия, ТТ — суммарный индекс ТТ

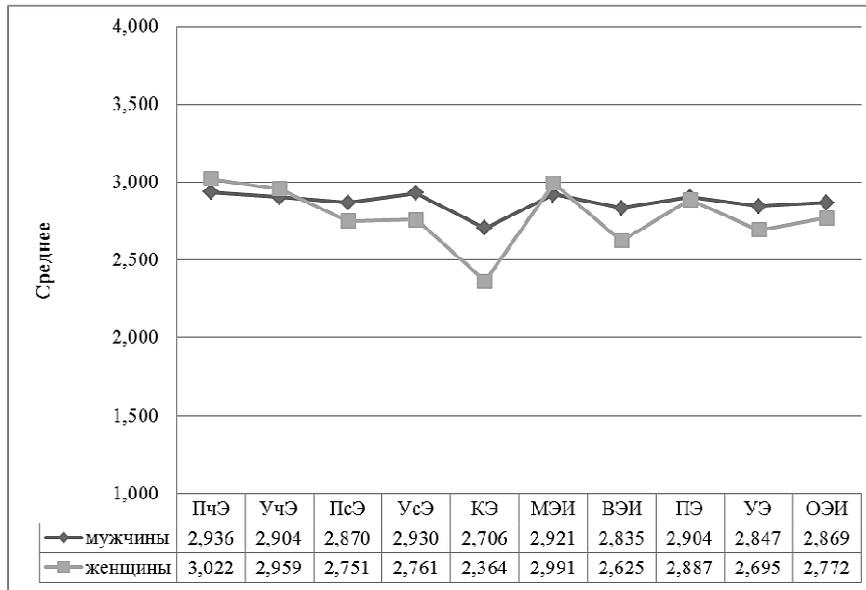

Рис. 2. График средних значений показателей ЭИ для мужской и женской групп (n_{муж} = 112, n_{жен} = 132)

Примечание: ПчЭ — понимание чужих эмоций, УчЭ — управление чужими эмоциями, ПсЭ — понимание своих эмоций, УсЭ — управление своими эмоциями, КЭ — контроль экспрессии, МЭИ — межличностный ЭИ, ВЭИ — внутриличностный ЭИ, ПЭ — понимание эмоций, УЭ — управление эмоциями, ОЭИ — общий ЭИ.

Наименее выраженной личностной чертой оказалась психопатия, причем у женщин она выражена слабее, чем у мужчин. Наиболее выраженной чертой оказался макиавеллизм, показатели которого выше у мужчин. В целом полученные результаты соотносятся с существующими данными относительно отрицательных черт личности для данного инструмента измерения [Дериш Ф.В., 2016; Егорова М.С. и др., 2015а; Егорова М.С. и др., 2015б].

С другой стороны, полученные результаты описывают выборку молодых людей, получающих высшее образование очно. Черты ТТ у молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет выражены сильнее, чем у людей старше 30 лет [Джонасон П.К., 2015]. Автор объясняет данные различия с помощью «Теории жизненной истории», а именно: посредством обращения к жизненным стратегиям, используемым людьми на разных возрастных этапах. Для молодого возраста свойственны жизненные стратегии, которые характеризуются быстротой и проявляются в ценностях, репродуктивном поведении и личностных чертах.

По сравнению с данными, полученными в исследовании Д.В. Люсина [Люсин Д.В., 2009], почти все шкалы ЭИ на рисунке показывают относительно высокие значения (рис. 2). Ис-

ключение составляет уровень контроля экспрессии в женской группе. В целом участники данного исследования более уверены в своей эмоциональной компетентности по сравнению с популяцией. Вероятно, это связано с тем фактом, что выборочная совокупность состоит из студентов очной формы обучения, то есть людей, обладающих более высоким уровнем интеллекта, коммуникативной компетентностью.

На втором этапе анализировались половые различия по измеренным показателям черт ТТ и шкал ЭИ. В результате были получены достоверные данные о различиях по следующим показателям: макиавеллизм, психопатия, суммарный индекс ТТ и контроль экспрессии. Сила различий по макиавеллизму и психопатии составляет 0,43 (умеренный уровень) и 1,03 (высокий уровень), по суммарному индексу — 0,55 (умеренный уровень), когда как по контролю экспрессии — 0,99 (высокий уровень). Несмотря на достоверный уровень различий, данные, полученные по показателям «управление своими эмоциями», «внутриличностный ЭИ», «управление эмоциями» и «общий ЭИ», не рассматривались, так как после проверки с помощью критерия Ливиня группы имели неоднородные дисперсии.

Так, мужчины оказались более импульсивными, склонными к нарушению общепринятых норм и правил, к более частому использованию манипуляции в межличностном взаимодействии. Аналогичные результаты были получены в исследовании М.С. Егоровой, которое было посвящено рассмотрению вопроса половых

различий по чертам, составляющим ТТ [Егорова М.С. и др., 2015а]. Кроме того, мужчины склонны к подавлению своих эмоциональных переживаний в большей мере, нежели женщины, что соотносится с полученными ранее данными [Люсин Д.В., Овсянникова В.В., 2014; Люсин Д.В., 2009].

Таблица 1. Половые различия по показателям ТТ личностных черт и шкал ЭИ

№	Переменные	Среднее		t-критерий	Уровень знач., p	Сила различий d-Козна
		Муж	Жен			
1	Макиавеллизм	3,64	3,44	2,347	,020 *	0,43
2	Нарциссизм	2,84	2,97	-1,471	,142	-0,27
3	Психопатия	2,65	2,17	5,678	,000 ***	1,03
4	Темная триада	3,04	2,86	3,010	,003 **	0,55
5	Понимание чужих эмоций	2,94	3,02	-1,423	,156	-0,26
6	Управление чужими эмоциями	2,90	2,96	-,906	,366	-0,16
7	Понимание своих эмоций	2,87	2,75	1,830	,068	0,33
8	Управление своими эмоциями !	2,93	2,76	2,471	,014 *	0,44
9	Контроль экспрессии	2,71	2,36	5,469	,000 ***	0,99
10	Межличностный ЭИ	2,92	2,99	-1,287	,199	-0,23
11	Внутриличностный ЭИ !	2,84	2,63	4,202	,000 ***	0,75
12	Понимание эмоций	2,90	2,89	,302	,763	0,05
13	Управление эмоциями !	2,85	2,69	3,156	,002 **	0,57
14	Общий ЭИ !	2,87	2,77	2,144	,033 *	0,39

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; ! — обозначены переменные, по которым группы обладают неоднородной дисперсией; Nмуж = 112, Nжен = 132.

На третьем этапе анализировались взаимосвязи между чертами ТТ, шкалами ЭИ с учетом фактора пола. Для сравнения взаимосвязей в общей выборке и в исследуемых группах использовался корреляционный анализ. В результате связанными с некоторыми шкалами ЭИ оказались все черты ТТ и ее суммарный индекс (табл. 2). Неожиданным оказался факт наличия положительных, а не отрицательных связей макиавеллизма со шкалами ЭИ. Макиавеллизм продемонстрировал слабые положительные связи с ЭИ и его показателями в диапазоне от 0,13 до 0,18. Возможно, наличие связей объясняется склонностью макиавеллистов к частому манипулированию, в том числе, в межличностной сфере. Данный тезис подкрепляется фактом существования тесной связи макиавеллизма со способностью управления своими и чужими эмоциональными состояниями. Полученные результаты соотносятся с исследованием связи черт ТТ с эмоциональным манипулированием других людей [Austin E.J. et al., 2014], в результате которого были обнаружены достоверные связи макиавеллизма с компонентами управления чужими эмоциональными состояниями. К

сожалению, не было обнаружено достоверных взаимосвязей в группах мужчин и женщин, что, вероятно, связано с низкой мощностью измеряемых процедур.

Наиболее тесные связи оказались характерны для нарциссизма. Практически все показатели эмоционального интеллекта (за исключением контроля экспрессии) положительно связаны с пониманием своих и чужих эмоциональных состояний и управлением ими. Нарциссизм является наиболее «светлым» компонентом ТТ, проявляющимся в характеристиках, связанных с эффективным социальным взаимодействием: созданием положительного имиджа, наличием высокой социальной направленности и чувствительности к социальному одобрению, а также способностью создавать позитивный образ у других людей.

Данное обстоятельство характерно как для мужчин, так и для женщин, причем для женщин в большей степени, что отражается в связях почти со всеми показателями ЭИ. Мужской нарциссизм оказывается связанным только с межличностным ЭИ. Вероятно, такие половые различия имеют место ввиду разной социаль-

ной направленности мужчин и женщин: женщины в большей степени заинтересованы в социальных связях в качестве показателя статуса

и успешности, тогда как для мужчин характерен более прагматичный аспект социально-эмоциональной компетентности.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи черт ТТ и шкал ЭИ в общей выборке и группах мужчин и женщин

Переменные		ПчЭ	УчЭ	ПсЭ	УсЭ	КЭ	МЭИ	ВЭИ	ПЭ	УЭ	ОЭИ
Макиавеллизм	муж										
	общ		,139*		,126*	,150*		,140*		,183**	,140*
	жен										
Нарциссизм	муж		,276**		,261**		,224*			,201*	,207*
	общ	,215**	,332**	,164*	,293**		,302**	,183**	,218**	,257**	,269**
	жен	,278**	,378**	,184*	,374**		,366**	,286**	,257**	,386**	,380**
Психопатия	муж			-				-			
	общ	-,134*		,287**				,255**	-,229*		-,217*
	жен			-					-		
Темная триада	муж			,201**			-,141*			,194**	-,147*
	общ			-							
	жен			,229**	-,185*			-,195*	-,200*		-,199*
Темная триада	муж										
	общ		,162*		,140*					,165**	
	жен		,196*							,194*	

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$; муж — мужчины ($n = 112$), жен — женщины ($n = 132$), общ — общая выборка ($n = 244$); ПчЭ — понимание чужих эмоций, УчЭ — управление чужими эмоциями, ПсЭ — понимание своих эмоций, УсЭ — управление своими эмоциями, КЭ — контроль экспрессии, МЭИ — межличностный ЭИ, ВЭИ — внутриличностный ЭИ, ПЭ — понимание эмоций, УЭ — управление эмоциями, ОЭИ — общий ЭИ.

Психопатия в отличие от других черт ТТ оказалась обратно связана с показателями ЭИ в обеих группах. Высокий уровень психопатии характеризуется низким уровнем понимания собственных эмоций и эмоций других людей. Психопатические личности обладают слабой способностью к пониманию собственных эмоциональных состояний и к управлению ими. Вероятно, это связано с черствостью, или с так называемой эмоциональной холодностью, которая является общей характеристикой для черт ТТ и которая в наибольшей степени характеризует психопатию [Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014]. Для женщин с высоким уровнем психопатии характерны сложности с саморегуляцией своих эмоциональных состояний и с пониманием собственных чувств и аффектов.

Несмотря на наличие многочисленных связей у каждого компонента ТТ, сам по себе суммарный индекс имеет небольшое количество прямых связей с ЭИ, причем эти связи являются слабыми. ТТ характеризует способность к управлению чужими и своими эмоциональными состояниями, причем для женской ТТ характерно управление чужими эмоциями.

Взаимосвязи черт ТТ и шкал ЭИ имеют свою специфику в мужской и женской группах. Для оценки данной специфики дополнительно был проведен множественный регрессионный анализ (табл. 3), где в качестве независимых переменных выступили пол и первичные шкалы ЭИ (понимание и управление своими и чужими эмоциями, контроль экспрессии). В результате были построены регрессионные модели с помощью метода пошагового отбора с вероятностью F-включения менее 0,05 и F-исключения более 0,10. В качестве зависимой переменной выступили черты ТТ и суммарный индекс ТТ.

Так, пол и контроль экспрессии играют большую роль в вариативности макиавеллизма. Сила связи между независимыми переменными и зависимой переменной находится на низком уровне, как и степень объяснимости данной модели. Макиавеллистичные мужчины и женщины отличаются по тому, как они контролируют проявления своих эмоциональных состояний. Мужчины в отличие от женщин лучше контролируют собственные эмоции, что является необходимым условием для манипулирования и управления другими людьми.

Таблица 3. Регрессионные модели черт ТТ, пола и первичных шкал ЭИ

Зависимая переменная	R ²	F-критерий	Независимые переменные (предикторы)	Beta std.
<i>Модель 1</i>				
Макиавеллизм	0,08	10,083	Контроль экспрессии	0,18***
			Пол	-0,17***
<i>Модель 2</i>				
Нарциссизм	0,14	19,621	Управление чужими эмоциями	0,24***
			Управление своими эмоциями	0,18*
<i>Модель 3</i>				
Психопатия	0,17	23,911	Понимание своих эмоций	-0,37***
			Пол	-0,22***
<i>Модель 4</i>				
Темная триада	0,09	11,159	Управление чужими эмоциями	0,15***
			Пол	-0,26*

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$, *** — $p < 0,001$.

Связи нарциссизма с первичными шкалами ЭИ не обусловлены влиянием фактора пола. В регрессионной модели в качестве независимых переменных были включены шкалы, описывающие управление своими и чужими эмоциями. Полученный результат является важным для понимания конструкта ТТ. В ходе корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи почти со всеми шкалами ЭИ, когда как регрессионный анализ показал, что для нарциссизма наиболее важным является аспект управления эмоциями, а не весь ЭИ. Интересно, что управление собственными и чужими эмоциональными состояниями базируется на разных когнитивных процессах (рефлексия и социальное познание) и является характерным для нарциссизма. Как оказалось, для нарциссов важно сохранять позитивный образ в глазах других людей, оказывать на них влияние, а также удерживать их внимание и интерес. Это требует развития не только навыков управления чужими эмоциями, но и способности демонстрировать самому нужное определенным людям поведение.

Для психопатии пол оказывается значимым предиктором совместно с показателем «понимание своих эмоций». Для психопатичных мужчин характерны непонимание собственных эмоций, низкая дифференцируемость и, вероятно, отсутствие интереса к собственным эмоциональным переживаниям. Ввиду слабо развитого навыка понимания собственных эмоций действия таких людей становятся нерегулируемыми, что отчасти объясняет, почему психопатические личности поступают так необдуманно

и импульсивно [Bechara A. et al., 2000].

Выводы

1. Студенты, обучающиеся по очной форме, проявляют большую уверенность в способностях к распознаванию, пониманию собственных и чужих эмоций и управлению ими по сравнению с выборкой стандартизации [Люсин Д.В., 2009]. Среди трех измеренных отрицательных личностных черт наиболее выражен макиавеллизм (как в мужской, так и в женской выборке).

2. Половые различия были соотнесены с результатами, полученными в ходе других исследований [Егорова М.С. и др., 2015а; Люсин Д.В., Овсянникова В.В., 2014; Люсин Д.В., 2009]. Различия в выраженности черт ТТ оказались умеренными для макиавеллизма, слабыми и незначимыми для нарциссизма и высокими для психопатии. Мужчины оказались более импульсивными, склонными нарушать общепринятые нормы и правила; они чаще используют манипуляции в межличностном взаимодействии и более циничны. Также мужчины более склонны к подавлению своих эмоциональных переживаний, нежели женщины.

3. Все черты ТТ связаны со шкалами ЭИ, причем макиавеллизм имеет слабые положительные, нарциссизм — умеренные положительные, а психопатия — умеренные отрицательные связи. Нарциссизм является наиболее «светлым» компонентом ТТ и проявляется в характеристиках, связанных с эффективным соци-

альным взаимодействием: созданием положительного имиджа, наличием высокой социальной направленности и чувствительности к социальному одобрению, а также способностью создавать позитивный образ у других людей. Психопатия оказалась самой «темной» чертой ТТ, так как психопатические личности обладают слабой способностью к пониманию собственных эмоциональных состояний и управлению ими. Вероятно, это связано с черствостью, или с так называемой эмоциональной холодностью, которая является объединяющей характеристикой для черт ТТ и в наибольшей степени характеризует психопатию [Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014]. Полученные результаты соотносятся с исследованием связи черт ТТ с использованием эмоционального манипулирования другими людьми [Austin E.J. et al., 2014], где были обнаружены достоверные положительные связи черт ТТ с индивидуалистическими стратегиями управления эмоциями других.

4. Важное значение во взаимосвязях черт ТТ и шкал ЭИ имеет пол. Мужской нарциссизм оказался связанным только с межличностным ЭИ, когда как женский нарциссизм — с первичными и вторичными шкалам ЭИ (кроме контроля экспрессии). Специфичным для женщин с высоким уровнем психопатии оказывается наличие сложностей с саморегуляцией собственных эмоциональных состояний и пониманием своих чувств и аффектов. Для женского суммарного индекса ТТ характерно управление эмоциями других людей. Вероятно, полученные половые различия имеют место ввиду разной социальной направленности мужчин и женщин, где женщины в большей степени заинтересованы в поддержке социальных связей как показателя собственного статуса и успешности, тогда как для мужчин характерен более прагматичный аспект социально-эмоциональной компетентности.

5. Пол как фактор оказывается важен при изучении в макиавеллизма и психопатии, но не нарциссизма. Так, макиавеллистичные мужчины и женщины отличаются друг от друга по тому, насколько хорошо они контролируют свои эмоциональные состояния. Мужчины в отличие от женщин лучше контролируют свои эмоции, что является необходимым условием для манипулирования и управления другими людьми. Для психопатичных мужчин харак-

терно непонимание собственных эмоций, низкая дифференцируемость и, вероятно, отсутствие интереса к своим эмоциональным переживаниям. Слабо развитый навык понимания эмоций делают мотивацию собственных действий плохо регулируемой такими людьми, что отчасти объясняет, почему психопатические личности поступают так необдуманно и импульсивно [Bechara A. et al., 2000].

Список литературы

- Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2012. 301 с.
- Люсин Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 264–278.
- Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 29–36.
- Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. С. 129–140.
- Люсин Д.В., Овсянникова В.В. Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 6. С. 82–94.
- Дерши Ф.В. Половые различия взаимосвязей черт «Темной триады» и модели «HEXACO» // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии. 2016. С. 767–775.
- Джонсон П.К. Возраст и Темная триада: снижение показателей черт Темной триады и увеличение их согласованности на протяжении жизни // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1183-jonason43.html> (дата обращения: 25.07.2019).
- Егорова М.С., Паришкова О.В., Ситникова М.А. Половые различия по показателям Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 39. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1096-egorova39.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Егорова М.С., Ситникова М.А., Паришкова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (дата обращения: 25.07.2019).

Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Свойства Темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-2-22-33>

Ali F., Amorim I.S., Chamorro-Premuzic T. Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism // Personality and Individual Differences. 2009. No. 47(7). P. 758–762. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.016>

Austin E.J., Farrelly D., Black C., Moore H. Emotional intelligence, Machiavellianism and emotional manipulation: Does EI have a dark side? // Personality and Individual Differences. 2007. Vol. 43(1). P. 179–189. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.11.019>

Austin E.J., Saklofske D.H., Smith M., Tohver G. Associations of the Managing the Emotions of Others Scale (MEOS) with personality, the Dark Triad, and trait EI // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 65. P. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.060>

Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18. P. 13–25.

Bechara A., Tranel D., Damasio A.R. Poor judgment in spite of high intellect: Neurological evidence for emotional intelligence // Handbook of emotional intelligence / ed. by R. Bar-On, J.D.A. Parker. San Francisco: Jossey-Bass, 2000. P. 192–214. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0912568106>

Book A., Visser B.A., Volk A.A. Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 73. P. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.094>

Brackett M., Mayer J.D. Convergent, discriminant, and incremental validity of competing measures of emotional intelligence // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. P. 1147–1158. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167203254596>

Cairncross M., Veselka L., Vernon P.A. A behavioural genetic analysis of Alexithymia and the Dark Triad traits of personality // Twin Research and Human Genetics. 2013. Vol. 16. P. 690–697. DOI: <https://doi.org/10.1017/thg.2013.19>

Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The Dark Triad of Personality: A 10 Year Review // Social and Personality Psychology Compass. 2013. Vol. 7(3). P. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>

Giammarco E.A., Vernon P.A. Vengeance and the Dark Triad: The role of empathy and perspective taking in trait forgivingness // Personality and Individual Differences. 2014. No. 67. P. 23–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.02.010>

Goleman D. An EI-based theory of performance // The emotionally intelligent workplace / ed. by C. Cherniss, D. Goleman. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. P. 27–43.

Goleman D. Working with emotional intelligence. N.Y.: Bantam Books, 1998. 383 p.

Hall J.A., Matsumoto D. Gender Differences in Judgments of Multiple Emotions from Facial Expressions // Emotion. 2004. Vol. 4, no. 2. P. 201–206. DOI: <https://doi.org/10.1037/1528-3542.4.2.201>

Jakobwitz S., Egan V. The Dark Triad and normal personality traits // Personality and Individual Differences. 2006. Vol. 40. P. 331–339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.07.006>

Jonason P.K., Krause L. The emotional deficits associated with the Dark Triad traits: Cognitive empathy, affective empathy, and alexithymia // Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55. P. 532–537. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.04.027>

Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits // Assessment. 2014. Vol. 21(1). P. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>

Joseph D.L., Newman D.A. Emotional intelligence: An integrative meta-analysis and cascading model // Journal of Applied Psychology. 2010. Vol. 95(1). P. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017286>

Lee K., Ashton M.C. Psychopathy, Machiavellianism, and narcissism in the Five-Factor Model and the HEXACO model of personality structure // Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 38. P. 1571–1582. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2004.09.016>

Lee K., Ashton M.C., Wiltshire J., Bourdage J.S. et al. Sex, power, and money: Prediction from the Dark Triad and honesty–humility // European Journal

of Personality. 2013. Vol. 27(2). P. 169–184. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1860>

Matthews G., Roberts R.D., Zeidner M. Seven myths about emotional intelligence // Psychological Inquiry. 2004. Vol. 15. P. 179–196. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327965pli1503_01

Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional intelligence: Science and myth. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 720 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2704.001.0001>

Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? // Emotional development and emotional intelligence: Educational implications / ed. by P. Salovey, D.J. Sluyter. N.Y.: Basic Books, 1997. P. 3–31.

Megias A., Gómez-Leal R., Gutierrez-Cobo M.J., Cabello R., Fernandez-Berrocal P. The relationship between aggression and ability emotional intelligence: The role of negative affect // Psychiatry Research. 2018. Vol. 270. P. 1074–1081. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.027>

Miao C., Humphrey R.H., Qian S., Pollack J.M. The Relationship between Emotional Intelligence and the Dark Triad Personality Traits: A Meta-Analytic Review // Journal of Research in Personality. 2018. Vol. 78. P. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.12.004>

Mufson L., Nowicki S. Factors affecting the accuracy of facial affect recognition // Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 13(16). P. 815–822. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224545.1991.9924668>

Nagler U.K., Reiter K.J., Furtner M.R., Rauthmann J.F. Is there a «dark intelligence»? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 65. P. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.025>

Paulhus D., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36. P. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)

Petrides K.V., Furnham A. On the dimensional structure of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 29. P. 313–320. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0191-8869\(99\)00195-6](https://doi.org/10.1016/S0191-8869(99)00195-6)

Petrides K.V., Furnham A. The Role of Trait Emotional Intelligence in a Gender-Specific Model of Organizational Variables // Journal of Applied Social Psychology. 2006. Vol. 36. P. 552–569. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00019.x>

Rauthmann J.F., Kolar G.P. How «dark» are the Dark Triad traits? Examining the perceived darkness

of narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 53(7). P. 884–889. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.11.005>

Smorti M., Andrei F., Trombini E. Trait emotional intelligence, personality traits and social desirability in dangerous driving // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2018. Vol. 58. P. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.06.012>

Thompson A.E., Voyer D. Sex differences in the ability to recognise non-verbal displays of emotion: A meta-analysis // Cognition and Emotion. 2014. Vol. 28(7). P. 1164–1195. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.016>

Van der Linden D., Pekaar K.A., Bakker A.B., Schermer J.A. et al. The general factor of personality and emotional intelligence: a meta-analysis // Psychological Bulletin. 2017. Vol. 143. P. 36–52. DOI: <https://doi.org/10.1037/bul0000078>

Wai M., Tiliopoulos N. The affective and cognitive empathic nature of the Dark Triad of personality // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52. P. 794–799. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.008>

Zajenkowski M., Czarna A.Z. What makes narcissists unhappy? Subjectively assessed intelligence moderates the relationship between narcissism and psychological well-being // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 77. P. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.12.045>

Получено 01.08.2019

References

Ali, F., Amorim, I.S. and Chamorro-Premuzic, T. (2009). Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*. Vol. 47(7), pp. 758–762. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.016>

Austin, E.J., Farrelly, D., Black, C., and Moore, H. (2007). Emotional intelligence, Machiavellianism and emotional manipulation: Does EI have a dark side? *Personality and Individual Differences*. Vol. 43(1), pp. 179–189. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.11.019>

Austin, E.J., Saklofske, D.H., Smith, M., and Tohver, G. (2014). Associations of the managing the emotions of others scale (MEOS) with personality, the Dark Triad, and trait EI. *Personality and Individual Differences*. Vol. 65, pp. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.060>

- Bar-On, R. (2006). The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). *Psicothema*. Vol. 18, pp. 13–25.
- Bechara, A., Tranel, D. and Damasio, A.R. (2000). Poor judgment in spite of high intellect: Neurological evidence for emotional intelligence. *Handbook of emotional intelligence*. San Francisco: Jossey-Bass Publ., pp. 192–214. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0912568106>
- Book, A., Visser, B.A. and Volk, A.A. (2015). Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*. Vol. 73, pp. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.094>
- Brackett, M. and Mayer, J.D. (2003). Convergent, discriminant, and incremental validity of competing measures of emotional intelligence. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 29, pp. 1147–1158. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167203254596>
- Cairncross, M., Veselka, L. and Vernon, P.A. (2013). A behavioural genetic analysis of Alexithymia and the Dark Triad traits of personality. *Twin Research and Human Genetics*. Vol. 16, pp. 690–697. DOI: <https://doi.org/10.1017/thg.2013.19>
- Derish, F.V. (2016). *Polovye razlichiya vzaimosvyazey chert «Temnoy triady» i modeli «HEXACO»* [Sex differences in Dark Triad and HEXACO-model]. *Chelovek v mire. Mir v cheloveke: aktual'nye problemy filosofii, sotsiologii i psikhologii* [Human in the world. The world in human: Actual issues of Philosophy, Sociology, Political Science and Psychology]. Perm, pp. 767–775.
- Dzhonason, P.K. (2015). *Vozrast i Temnaya triada: snizhenie pokazateley chert Temnoy triady i uvelichenie ikh soglasovannosti na protyazhenii zhizni* [The deceleration and increased cohesion of the Dark Triad traits over the life course]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies] Vol. 8, no. 43. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1183-jonason43.html> (accessed 25.07.2019).
- Egorova, M.S., Parshikova, O.V. and Sitnikova, M.A. (2015). *Polovye razlichiya po pokazatelyam Temnoy triady* [Sex differences in the Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 39. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1096-egorova39.html> (accessed 25.07.2019).
- Egorova, M.S., Sitnikova, M.A. and Parshikova, O.V. (2015). *Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Temnoy triady* [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 43. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (accessed 25.07.2019).
- Egorova, M.S. and Sitnikova, M.A. (2014). *Temnaya triada* [The Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 7, no. 38. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (accessed 25.07.2019).
- Furnham, A., Richards, S.C. and Paulhus, D.L. (2013). The Dark Triad of personality: a 10-year review. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 7(3), pp. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>
- Giammarco, E.A. and Vernon, P.A. (2014). Vengeance and the Dark Triad: The role of empathy and perspective taking in trait forgivingness. *Personality and Individual Differences*. Vol. 67, pp. 23–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.02.010>
- Goleman, D. (1998). *Working with emotional intelligence*. New York: Bantam Books Publ., 383 p.
- Goleman, D. (2001). An EI-based theory of performance. *The emotionally intelligent workplace*, ed. by C. Cherniss, D. Goleman. San Francisco: Jossey-Bass Publ., pp. 27–43.
- Goleman, D., Boyatzis, R. and McKee, A. (2012). *Emotsional'noe liderstvo: Iskusstvo upravleniya lud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta* [Primal leadership: Realizing the power of emotional intelligence]. Moscow: Alpina Publ., 301 p.
- Hall, J.A. and Matsumoto, D. (2004). Gender differences in judgments of multiple emotions from facial expressions. *Emotion*. Vol. 4, no. 2, pp. 201–206. DOI: <https://doi.org/10.1037/1528-3542.4.2.201>
- Jakobowitz, S. and Egan, V. (2006). The Dark Triad and normal personality traits. *Personality and Individual Differences*. Vol. 40, pp. 331–339. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.07.006>
- Jonason, P.K. and Krause, L. (2013). The emotional deficits associated with the Dark Triad traits: Cognitive empathy, affective empathy, and alexithymia. *Personality and Individual Differences*. Vol. 55, pp. 532–537. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.04.027>
- Jones, D.N. and Paulhus, D.L. (2014). Introducing the Short Dark Triad (SD3): A brief measure of Dark personality traits. *Assessment*. Vol. 21(1), pp. 28–41. DOI: <https://doi.org/10.1177/1073191113514105>
- Joseph, D. L. and Newman, D.A. (2010). Emotional intelligence: An integrative meta-analysis and cascading model. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 95(1), pp. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0017286>

- Krasavtseva, Yu.V. and Kornilova, T.V. (2016). *Svoystva Temnoy triady v regulyatsii strategiy prinyatiya resheniy (na materiale igrovoy zadachi Ayova – IGT)* [The Dark Triad traits in the regulation of decision-making strategies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological sciences]. No. 2, pp. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-2-22-33>
- Lee, K. and Ashton, M.C. (2005). Psychopathy, Machiavellianism, and narcissism in the Five-Factor Model and the HEXACO model of personality structure. *Personality and Individual Differences*. Vol. 38, pp. 1571–1582. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2004.09.016>
- Lee, K., Ashton, M.C., Wiltshire, J., Bourdage, J.S., et al. (2013). Sex, power, and money: Prediction from the Dark Triad and honesty–humility. *European Journal of Personality*. Vol. 27(2), pp. 169–184. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1860>
- Lyusin, D.V. (2009). *Oprosnik na emotsional'nyy intellekt EmIn: novye psikhometricheskie dannye* [Inventory of emotional intelligence EmIn: new psychometric data]. *Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: ot protsessov k izmereniyam, pod red. D.V. Lyusina, D.V. Ushakova* [Social and emotional intelligence: From models to assessment, ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov]. Moscow: IP RAN Publ., pp. 264–278.
- Lyusin, D.V. (2004). *Sovremennye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte* [Modern representations of emotional intelligence]. *Sotsial'nyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya, pod red. D.V. Lyusina, D.V. Ushakova* [Social intelligence: Theory, measurement, research, ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov]. Moscow: IP RAN Publ., pp. 29–36.
- Lyusin, D.V., Marutina, O.O. and Stepanova, A.S. (2004). *Struktura emotsional'nogo intellekta i svyaz' ego komponentov s individual'nymi osobennostyami: empiricheskiy analiz* [Structure of emotional intelligence and relation of its components with individual differences: empirical analysis]. *Sotsial'nyy intellekt: teoriya, izmerenie, issledovaniya, pod red. D.V. Lyusina, D.V. Ushakova* [Social intelligence: theory, measurement, research, ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov]. Moscow: IP RAN Publ., pp. 129–140.
- Lyusin, D.V. and Ovsyannikova, V.V. (2013). *Izmerenie sposobnosti k raspoznavaniyu emotsiy s pomoshch'u videotesta* [Video test for measuring emotions recognition]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 34, no. 6, pp. 82–94.
- Matthews, G., Roberts, R.D. and Zeidner, M. (2004). Seven myths about emotional intelligence. *Psychological Inquiry*. Vol. 15, pp. 179–196. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327965pli1503_01
- Matthews, G., Zeidner, M. and Roberts, R.D. (2003). *Emotional intelligence: Science and myth*. Cambridge: MIT Press, 720 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/2704.001.0001>
- Mayer, J.D. and Salovey, P. (1997). What is emotional intelligence? *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications*, ed. by P. Salovey, D.J. Sluyter. New York: Basic Books Publ., pp. 3–31.
- Megías, A., Gómez-Leal, R., Gutiérrez-Cobo, M.J., Cabello, R. and Fernández-Berrocal, P. (2018). The relationship between aggression and ability emotional intelligence: The role of negative affect. *Psychiatry Research*. Vol. 270, pp. 1074–1081. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.05.027>
- Miao, C., Humphrey, R.H., Qian, S. and Pollock, J.M. (2018). The Relationship between emotional intelligence and the Dark Triad personality traits: A meta-analytic review. *Journal of Research in Personality*. Vol. 78, pp. 189–197. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2018.12.004>
- Mufson, L. and Nowicki, S. (1992). Factors affecting the accuracy of facial affect recognition. *Journal of Social Psychology*. Vol. 13(16), pp. 815–822. DOI: <https://doi.org/10.1080/00224545.1991.9924668>
- Nagler, U.K., Reiter, K.J., Furtner, M.R. and Rauthmann, J.F. (2014). Is there a «dark intelligence»? Emotional intelligence is used by dark personalities to emotionally manipulate others. *Personality and Individual Differences*. Vol. 65, pp. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.025>
- Paulhus, D. and Williams, K. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. Vol. 36, pp. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Petrides, K.V. and Furnham, A. (2000). On the dimensional structure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*. Vol. 29, pp. 313–320. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(99\)00195-6](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(99)00195-6)
- Petrides, K.V. and Furnham, A. (2006). The role of trait emotional intelligence in a gender-specific model of organizational variables. *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 36, pp. 552–569. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0021-9029.2006.00019.x>
- Rauthmann, J.F. and Kolar, G.P. (2012). How «dark» are the Dark Triad traits? Examining the per-

ceived darkness of narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Personality and Individual Differences*. Vol. 53(7), pp. 884–889. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.11.005>

Smorti, M., Andrei, F. and Trombini, E. (2018). Trait emotional intelligence, personality traits and social desirability in dangerous driving. *Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. Vol. 58, pp. 115–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trf.2018.06.012>

Thompson, A.E. and Voyer, D. (2014). Sex differences in the ability to recognize non-verbal displays of emotion: A meta-analysis. *Cognition and Emotion*. Vol. 28, pp. 1164–1195. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.016>

Van der Linden, D., Pekaar, K.A., Bakker, A.B., Schermer, J.A., et al. (2017). The general factor of

personality and emotional intelligence: a meta-analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 143, pp. 36–52. DOI: <https://doi.org/10.1037/bul0000078>

Wai, M. and Tiliopoulos, N. (2012). The affective and cognitive empathic nature of the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 52, pp. 794–799. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.008>

Zajenkowski, M. and Czarna, A.Z. (2015). What makes narcissists unhappy? Subjectively assessed intelligence moderates the relationship between narcissism and psychological well-being. *Personality and Individual Differences*. Vol. 77, pp. 50–54. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.12.045>

Received 01.08.2019

Об авторе

Дерши Федор Валерьевич

ассистент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>

About the author

Fedor V. Derish

Assistant of the Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дерши Ф.В. Половые особенности взаимосвязи Темной триады личности и эмоционального интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 356–371. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-356-371

For citation:

Derish F.V. Sex differences of relations between Dark Triad of personality and emotional intelligence // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 356–371. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-356-371

УДК 159.9.072

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-372-378

ВЗАИМОСВЯЗИ ПАРАМЕТРОВ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Дудорова Екатерина Валерьевна, Шалагина Екатерина Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются три линии научных исследований, позволяющих предположить специфичность взаимосвязей параметров качества жизни и цветовых предпочтений у мужчин и женщин. Первая линия анализа данных касается эмоциональных аспектов качества жизни как психологического феномена. Вторая линия сфокусирована на эмпирических свидетельствах взаимосвязей эмоциональных состояний и цветовых предпочтений. Третья линия анализа научных данных связана с исследованиями половых различий в эмоциональных характеристиках. Целью нашей работы был анализ и сопоставление связей параметров качества жизни и выбора цвета у мужчин и женщин. Итоги корреляционного анализа свидетельствовали о том, что у мужчин удовлетворенность общим состоянием здоровья, собственной активностью, социальными контактами и функционированием, а также в тенденции отсутствие депрессивного настроения характеризовались ростом выбора фиолетового цвета. Кроме того, у мужчин удовлетворенность собственным здоровьем сопровождалась снижением вероятности выбора серого цвета. Согласно нашим данным, женщины, характеризующиеся критичным отношением к своей социальной активности, а также склонностью к депрессивным тенденциям в настроении, реже выбирали красный цвет. Кроме того депрессивные тенденции в настроении не сопровождались выбором зеленого цвета. Настоящие результаты поддерживают представления о существовании различий в психологических характеристиках мужчин и женщин в отношении взаимосвязей характеристик качества жизни и цветовых предпочтений. Кроме того, настоящие данные отчасти позволяют расширить представления о взаимосвязях цветовых предпочтений и состояний субъекта и его оценок некоторых параметров качества жизни. На практике полученные результаты могут вспомогательно использоваться в диагностических целях в работе психотерапевта.

Ключевые слова: качество жизни, цветовые предпочтения, эмоции, половые различия.

THE INTERRELATIONSHIPS OF THE QUALITY OF LIFE CHARACTERISTICS AND COLOR PREFERENCES OF MEN AND WOMEN

Ekaterina V. Dudorova, Ekaterina A. Shalagina

Perm State University

The article analyzes three lines of scientific research, suggesting the specificity of interrelations of quality of life parameters and color preferences of men and women. The first line of data analysis concerns the emotional aspects of the quality of life as a psychological phenomenon. The second line concerns the discussion of empirical evidence of the relationship of emotional states and color preferences. The third line of scientific data analysis is related to the study of gender differences in emotional characteristics. The aim of this work is to analyze and compare the relationships of the quality of life parameters and color choices for men and women. The results of the correlation analysis indicated that for men, satisfaction with the general state of health, their own activity, social contacts and functioning, as well as, in a trend, the absence of depressive mood was characterized by an increase in the choice of purple color. In addition, for men, satisfaction with their own health was accompanied by a decrease in the probability of

choosing a gray color. According to our data, women who are characterized by a critical attitude to their social activity, as well as a tendency to depressive tendencies in their mood, rarely chose a red color. In addition, in the trend, depressed trends in mood did not contribute to the choice of green. These results support the perception of the existence of differences in the psychological characteristics of men and women in relation to the interrelationships of the characteristics of quality of life and color preferences. In addition, these data partly allow us to expand our understanding of the interrelationships between color preferences and states of the subject and on his or her assessment of some parameters of the quality of life. In practice, the results obtained can be used for diagnostic purposes in the work of a psychotherapist.
Keywords: quality of life, color preferences, emotions, sex differences.

Проблема

В научной литературе понятие качества жизни разрабатывается весьма многопланово. Качество жизни связывается с характеристиками удовлетворенности собой [Левада Ю., 2000, с. 303], с самопринятием, автономностью, компетентностью, личностным ростом, позитивными отношениями с другими [Ениколопов С.Н., Садальская Е.В., 2000, с. 59], качеством личного, семейного и социально-психологического благополучия, характеристиками субъективных оценок качества жизни [Горбатков А.А., 2004, с. 99, Давыдова Е.В., Давыдов А.А., 1993, с. 50], соответствием характеристик и результатов жизненных процессов потребностям индивида [Зараковский Г.М., 2009]. В исследованиях качества жизни обнаружены его связи с положительной самооценкой и самоуважением, способностью к саморегуляции и самоуправлению, хорошей коммуникативностью, умением планировать и организовывать свое время, ощущением способности влиять на события [Аргайл М., 2003, с. 262; Бутенко И.А., 1998, с. 82–89].

Вслед за Г.М. Зараковским [Зараковский Г.М., 2009, с. 62] под качеством жизни мы понимаем оценочную категорию жизни, в общем характеризующую жизненный потенциал человека, жизнедеятельность и ее условия по отношению к некоторому эталону.

При этом, по-видимому, некоторые из параметров качества жизни явно имеют эмоциональную составляющую (например, удовлетворенность собой, ощущение способности влиять на события, позитивные отношения с другими, соответствие характеристик жизненных процессов потребностям людей). В психологии эмоции традиционно рассматриваются как механизм отражения в форме переживания отношения субъекта к значимым факторам внешне-

го и внутреннего мира [Изард К.Э., 1999, с. 15]. Поэтому анализируемые в научной литературе характеристики, имеющие отношение к качеству жизни, такие, как качество личного, семейного и социально-психологического благополучия, положение в обществе и социальная поддержка, могут иметь эмоциональную составляющую.

Во второй половине XX в. в психологии утвердился подход к анализу эмоциональных состояний посредством выявления цветовых предпочтений. Согласно теории М. Люшера, восприятие цвета объективно и универсально, однако предпочтение цвета субъективно. Это различие позволяет объективно измерить субъективные состояния с помощью цветового теста [Собчик Л.Н., 2007, с. 5]. При этом цветовое предпочтение понимается как выбор определенного цвета относительно других цветов.

В настоящее время выявлены эмпирические факты, свидетельствующие о связи цветовых предпочтений с эмоциями [Базыма Б.А., Густяков Н.А., 1988; Зайцев В.П., Айвазян Т.А., 2008, с. 89; Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А., 1974, с. 56; Переверзева И.А., 1986, с. 16; Эткин А.М., 1980].

А.Е. Ольшанникова [Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А., 1974] выявила, что для лиц с преобладанием эмоций страха и гнева характерно предпочтение фиолетового цвета и отвержение зеленого, синего и коричневого.

А.М. Эткин [Эткин А.М., 1980, с. 110] обнаружил, что у взрослых имеется соотношение восьми цветов теста М. Люшера с девятью основными эмоциями по К. Изарду.

По данным И.А. Переверзевой [Переверзева И.А., 1986, с. 16], участники исследования с доминированием радости характеризовались предпочтениями желтого и коричневого цветов.

В.П. Зайцев, Т.А. Айвазян [Зайцев В.П., Айвазян Т.А., 2008] сравнили цветовые выборы со

шкальными оценками испытуемых по шкалам опросников 16-PF и СМОЛ. Эти исследователи обнаружили, что предпочтение синего, зеленого, желтого и красного цветов по тесту М. Люшера сопутствует выраженности характеристик активности, эмоциональной устойчивости, уверенности в себе и пониженной выраженностью тревожности и склонности к ипохондрии. Отвержение этих цветов характеризовалось той или иной формой внутриличностного неблагополучия. В частности, отрицательный выбор синего цвета коррелировал с повышенным уровнем тревоги и невротизацией.

В исследовании В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988] выявлено, что в ситуациях радости особое предпочтение вызывают желтый и красный цвета и одновременно отрицаются синий, коричневый и черный. При этом в ситуациях, когда человек испытывает чувство вины, характерно, наоборот, отрицание красного и желтого цветов и предпочтение серого и синего.

Б.А. Базыма и Н.А. Густяков [Базыма Б.А., Густяков Н.А., 1988] показали, что цветовое восприятие каждого конкретного цвета опосредовано жизненным опытом человека. В ходе этого исследования психологическое состояние человека было сопряжено с вегетативными параметрами и общим состоянием здоровья.

В исследовании Е.А. Шалагиной и Е.В. Дудоровой [Шалагина Е.А., Дудорова Е.В., 2018] были получены данные, свидетельствующие в пользу представления о качестве жизни как о категории отражения субъектом его жизнедеятельности и жизненного потенциала, которое может проявляться через цветовые предпочтения. В частности, было обнаружено, что рост выраженности у участников исследования таких параметров качества жизни, как жизненная и социальная активность, а также психическое здоровье, характеризовался снижением предпочтения красного цвета. Выраженность параметров качества жизни, отражающих успешность функционирования людей в социуме и адекватность восприятия собственных ролей, характеризовалась у участников исследования выбором зеленого и желтого цветов, а выраженность показателей психического здоровья сопровождалась ростом выборов фиолетового цвета.

Сегодня имеются эмпирические свидетельства различий в эмоциональных проявлениях мужчин и женщин (например, [Бразман М.Э. и др., 1967; Грошев И.В., 1997; Русалов В.М., 1993, с. 55–64; Суханова К.Н., 2001, с. 257–258]). Однако эти данные получены по выборкам, имеющим возрастную или групповую специфику. Кроме того, за последние десятилетия обнаруживается тенденция снижения половых различий в психологических характеристиках [Егорова М.С., 1997, с. 155]. Противоречия и фрагментарность научных сведений относительно различий мужчин и женщин в области эмоциональных и когнитивных проявлений [Бразман М.Э. и др., 1967; Грошев И.В., 1997; Егорова М.С., 1997, с. 155; Русалов В.М., 1993, с. 55–64; Суханова К.Н., 2001, с. 257–258], а также эмпирические свидетельства взаимосвязей параметров качества жизни и цветовых предпочтений [Шалагина Е.А., Дудорова Е.В., 2018] обуславливают необходимость разработки вопроса о существовании половых различий во взаимоотношениях параметров качества жизни и цветовых предпочтений.

Опираясь на представления о качестве жизни как о феномене, имеющем эмоциональные аспекты [Горбатков А.А., 2004, с. 99, Давыдова Е.В., Давыдов А.А., 1993, с. 50], на свидетельства взаимосвязей эмоциональных состояний и цветовых предпочтений [Базыма Б.А., Густяков Н.А., 1988; Зайцев В.П., Айвазян Т.А., 2008; Переверзева И.А., 1986, с. 16; Эткинд А.М., 1980], а также на данные о половых различиях в эмоциональных характеристиках [Бразман М.Э. и др., 1967; Грошев И.В., 1997; Егорова М.С., 1997, с. 155; Русалов В.М., 1993, с. 55–64; Суханова К.Н., 2001, с. 257–258], ученые выдвинули гипотезу о специфичности взаимосвязей цветовых предпочтений и параметров качества жизни у мужчин и женщин.

Метод

Участниками исследования были 94 посетителя массажного кабинета в возрасте от 15 до 63 лет (47 женщин и 47 мужчин).

Параметры качества жизни измерялись опросником J.E. Ware SF-36 в адаптации А.А. Новика и Т.И. Ионовой [Новик А.А., Ионов Т.И., 2012]. 36 пунктов опросника сгруппированы в 8 шкал: «физическое функционирование», «ролевая деятельность», «телес-

ная боль», «общее здоровье», «жизненная активность», «социальное функционирование», «эмоциональное состояние» и «психическое здоровье». Цветовые предпочтения исследовались с помощью теста «Метод цветовых выборов» М. Люшера (2000). Для тестирования гипотезы применялся корреляционный анализ по

Спирмену. Расчеты производились в программе «Statistica 10.0».

Результаты

Данные корреляционного анализа параметров качества жизни и цветовых предпочтений у мужчин приведены в табл. 1.

Таблица 1. Корреляции показателей параметров качества жизни и цветовых предпочтений у мужчин

Параметры качества жизни	Цветовые предпочтения	
	Фиолетовый	Серый
Общее состояние здоровья	.35**	-.33**
Жизненная активность	.37***	
Социальное функционирование	.38***	
Рольное функционирование	.32**	
Психическое здоровье	.26*	

Примечание: n = 47, * — $p < .10$, ** — $p < .05$, *** — $p < .01$.

Как видно из таблицы, на мужской выборке было обнаружено, что параметры качества жизни («общее состояние здоровья», «социальное функционирование» (0.38, $p < 0.01$) и «ролевое функционирование» (0.32, $p < 0.05$)) коррелировали с выбором фиолетового цвета. Кроме того, в тенденции существовала связь между параметром качества жизни «психическое здоровье» и выбором фиолетового цвета (0.26, $p < 0.08$). Согласно этим данным, у мужчин удовлетворенность общим состоянием здоровья, собственной активностью, социальными контактами и функционированием, а также отсутствие депрессивного настроения характеризовались ростом выбора фиолетового цвета. В то же время было обнаружено, что показатели параметра качества жизни «общее состояние здоровья» были отрицательно связаны с выбором серого цвета (-0.33, $p < 0.05$), т.е. у мужчин удовлетворенность собственным здоровьем со-

проводилась снижением вероятности выбора серого цвета. Данные, полученные по мужской выборке, можно попытаться объяснить, сопоставив их, во-первых, с многочисленными эмпирическими свидетельствами того, что мужчины превосходят женщин в проявлениях агрессии [Егорова М.С., 1997, с. 148], а во-вторых, с данными А.Е. Ольшанниковой [Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А., 1974], обнаружившей связь эмоций гнева и страха с предпочтением фиолетового цвета и отвержением зеленого, синего и коричневого. Из этого можно предположить, что эмоции гнева и страха выступают как «механизмы» мужской агрессивности, и это проявляется в предпочтении фиолетового цвета.

Итоги корреляционного анализа параметров качества жизни и цветовых предпочтений у женщин приведены в табл. 2.

Таблица 2. Корреляции показателей параметров качества жизни и цветовых предпочтений у женщин

Параметры качества жизни	Цветовые предпочтения	
	Красный	Зеленый
Социальное функционирование	-.32**	
Психическое здоровье	-.29**	-.29*

Примечание: n = 47, * — $p < .10$, ** — $p < .05$.

По итогам применения корреляционного анализа у женщин обнаружено, что показатели параметров качества жизни «социальное функционирование» (-0.32 , $p < 0.05$) и «психическое здоровье» (-0.29 , $p < 0.05$) отрицательно коррелировали с выбором красного цвета. Кроме того, показатели параметра качества жизни «психическое здоровье» в тенденции отрицательно коррелировали с выбором зеленого цвета (-0.28 , $p < 0.06$). Согласно этим данным, женщины, характеризующиеся критичным отношением к своей социальной активности, а также склонностью к депрессивным тенденциям в настроении, реже выбирали красный цвет. Кроме того, депрессивные тенденции в настроении не способствовали и выбору зеленого цвета. Настоящие результаты согласуются с данными В.П. Зайцева, Т.А. Айвазян, [Зайцев В.П., Айвазян Т.А., 2008], а также В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко [Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., 1988].

Настоящие результаты поддерживают представления о существовании различий в психологических характеристиках мужчин и женщин в отношении взаимодействия характеристик качества жизни и цветовых предпочтений, а также представления о существовании класса психологических характеристик, по которым половые различия имеют нелинейный характер проявлений [Егорова М.С., 1997, с. 156]; к ним можно отнести такие параметры, как качество жизни и цветовые предпочтения. Кроме того, полученные результаты позволяют предположить, что представления М. Люшера о связи цветовых предпочтений и состояний можно отчасти распространить и на оценки субъектом некоторых параметров его качества жизни. Практическими аспектами полученных результатов может быть их использование в диагностических целях в работе психотерапевта, а также в курсе психологии индивидуальных различий.

Список литературы

- Адашинская Г.А., Ениколопов С.Н., Мейзеров Е.Е.. Боль и цвет // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 74–80.
- Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 2003. 304 с.
- Базыма Б.А., Густяков Н.А. О цветовом выборе как индикаторе эмоциональных состояний в процессе решения малых творческих задач // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 1988. № 320. С. 22–25.
- Бразман М.Э., Дорофеева Э.Т., Щербатов В.А. О дифференциации некоторых эмоциональных состояний методом измерения цветовой чувствительности // Проблемы моделирования психической деятельности. Новосибирск, 1967. С. 171–174.
- Бутенко И.А. Качество свободного времени у богатых и бедных // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 82–90.
- Горбатков А.А. Материальный и эмоциональный статус общества: к анализу кросс-культурных данных // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 99–105.
- Грошев И.В. Пол и качества врача // Ананьевские чтения – 97: Тезисы научно-практической конференции. СПб. 1997. С. 182–183.
- Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 52 с.
- Егорова М.С. Психология индивидуальных различий. М.: Планета детей, 1997. 328 с.
- Ениколопов С.Н., Садальская Е.В. Враждебность и проблема здоровья человека // Журнал неврологии и психиатрии. 2000. № 7. С. 59–63.
- Зайцев В.П., Айвазян Т.А. Психологический тест СМОЛ: применение в клинической медицине (аналитический обзор) // Терапевтический архив. 2008. № 4. С. 89–92.
- Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
- Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. 464 с. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0615-1>
- Левада Ю. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000 // Библиотека Московской школы политических исследований. Вып. 22 / под ред. М.С. Ковалевой; Моск. школа полит. исследований. М., 2000. 576 с.
- Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине / под ред. академика РАМН Ю.Л. Шевченко. М.: Изд-во РАЕН, 2012. 528 с.
- Ольшанникова А.Е., Рабинович Л.А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности // Вопросы психологии. 1974. № 3. С. 56–62.
- Переверзева И.А. Психофизиологический анализ индивидуальных различий по эмоциональности (на примере функции контроля за эмоцио-

нальной экспрессией): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 19 с.

Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1988. № 3. С. 70–78.

Русалов В.М. Пол и темперамент // Психологический журнал. 1993. Т. 14, № 6. С. 55–64.

Собчик Л.Н. Метод цветowych выборов — модификация восьмицветового теста Люшера: практическое руководство. СПб.: Речь, 2007. 128 с.

Суханова К.Н. Гендерные проблемы эмоций // Психология XXI века: тезисы Междунар. межвуз. науч.-практ. конференции. СПб., 2001. С. 257–258.

Шалагина Е.А., Дудорова Е.В. Взаимосвязи показателей качества жизни и цветowych предпочтений людей // Экопсихологические исследования — 5 / под ред. С.Ю. Ждановой, М.О. Мдивани, В.И. Панова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. С. 139–146.

Эткинд А.М. Цветовой тест отношений и его применение в исследовании больных неврозами // Социально-психологические исследования в психоневрологии. Л., 1980. С. 110–114.

Получено 19.05.2019

References

Adashinskaya, G.A. Enikolopov, S.N. and Meyzerov, Y.Y. (2005). *Bol' i tsvet* [A pain and a color]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. No. 3, pp. 74–80.

Argayl, M. (2003). *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. Moscow: Progress Publ., 304 p.

Bazyma, B.A. and Gustyakov, N.A. (1988). *O tsvetovom vybore kak indikatore emotsional'nykh sostoyaniy v protsesse resheniya malykh tvorcheskikh zadach* [About color choice as an indicator of emotional states in the process of solving small creative tasks]. *Vestnik KHGU* [Herald of KSU]. No. 320, pp. 22–25.

Brazman, M.E., Dorofeeva, E.T. and Scherbatov, V.A. (1967). *O differentsiatsii nekotorykh emotsional'nykh sostoyaniy metodom izmereniya tsvetovoy chuvstvitel'nosti* [On the differentiation of certain emotional states by measuring color sensitivity]. *Problemy modelirovaniya psikhicheskoy deyatel'nosti* [Problems of modeling mental activity]. Novosibirsk, pp. 171–174.

Butenko, I.A. (1998). *Kachestvo svobodnogogo vremeni u bogatykh i bednykh* [The quality of free time for the rich and the poor]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7, pp. 82–90.

Davydova, E.V. and Davydov, A.A. (1993). *Izmereniye kachestva zhizni* [Measuring quality of life]. Moscow: IS RAN Publ., 52 p.

Egorova, M.S. (1997). *Psikhologiya individual'nykh razlichiy* [Psychology of individual differences]. Moscow: Planeta Detey Publ., 328 p.

Enikolopov, S.N. and Sadal'skaya, E.V. (2000). *Vrazhdebnost' i problema zdorov'ya cheloveka* [Hostility and the problem of human health]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii* [Journal of Neurology and Psychiatry]. No. 7, pp. 59–63.

Etkind, A.M. (1980). *Tsvetovoy test otnosheniy i ego primeneniye v issledovanii bol'nykh nevrozami* [Relationship color test and its application in study of patients with neuroses]. *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya v psikhonevrologii* [Social and psychological research in psychoneurology]. Leningrad, pp. 110–114.

Gorbatkov, A.A. (2004). *Material'nyy i emotsional'nyy status obshchestva: k analizu krosskul'turnykh dannyykh* [Material and emotional status of society: to the analysis of cross-cultural data]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 99–105.

Groshev, I.V. (1997). *Pol i kachestva vracha* [Gender and quality of a doctor]. *Anan'evskie chteniya – 97: Tezisy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Ananiev readings – 97: Theses of the scientific-practical conference]. Saint-Petersburg, pp. 182–183.

Izard, K.E. (1999). *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 464 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0615-1>

Levada, Yu. (2000) *Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskiye ocherki 1993–2000* [From opinions to understanding: sociological essays 1993–2000]. *Biblioteka Moskovskoy shkoly politicheskikh issledovaniy, pod red. M.S. Kovalevoy* [Library of the Moscow school of political studies, ed. by M.S. Kovaleva]. Moscow, 576 p.

Novik, A.A. and Ionova, T.I. (2012). *Rukovodstvo po issledovaniyu kachestva zhizni v meditsine* [Guidance on research of quality of life in medicine]. Moscow: RANS Publ., 528 p.

Ol'shannikova, A.E. and Rabinovich, L.A. (1974). *Opyt issledovaniy nekotorykh individual'nykh kharakteristik emotsional'nosti* [Previous studies of some individual characteristics of emotionality]. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 56–62.

Pereverzeva, I.A. (1986). *Psikhofiziologicheskii analiz individual'nykh razlichiy po emotsional'nosti (na primere funktsii kontrolya za emotsional'noy ekspressiy): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psy-

chophysiological analysis of individual differences in emotionality (on the example of the function of control over emotional expression): Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 19 p.

Petrenko, V.F. and Kucherenko, V.V. (1988) *Vzaimosvyaz' emotsiy i tsveta* [The relationship of emotions and colors]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Ser.14, «Psikhologiya»* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]. No. 3, pp. 70–78.

Rusalov, V.M. (1993). *Pol i temperament* [Sex and temperament] *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 14, no. 6. pp. 55–64.

Shalagina, Y.A. and Dudorova, Y.V. (2018). *Vzaimosvyazi pokazateley kachestva zhizni i tsvetovykh predpochteniy lyudey* [The relationship of indicators of quality of life and color preferences of people]. *Ekopsikhologicheskiye issledovaniya – 5, pod. red. S.Yu. Zhdanovoj, M.O. Mdivani, V.I. Panova* [Ecopsychological research – 5, ed. by S.Yu. Zhdanova, M.O. Mdivani, V.I. Panov]. Perm: PSU Publ., pp. 139–146.

Sobchik, L.N. (2007). *Metod tsvetovykh vyborov — modifikatsiya vos'mitsvetovogo testa Lyushera: prak-*

ticheskoye rukovodstvo [The method of color choices — modification of the eight-color Lusher test: a practical guide]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 128 p.

Sukhanova, K.N. (2001). *Gendernyye problemy emotsiy* [Gender Problems of Emotions]. *Psikhologiya XXI veka: Tezisy Mezhdunarodnoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Psychology of the XXI Century: Abstracts of the International Inter-University Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg, pp. 257–258.

Zarakovskiy, G.M. (2009). *Kachestvo zhizni naseleniya Rossii: Psikhologicheskiye sostavlyayushchie* [Quality of life of the population of Russia: Psychological components]. Moscow: Smysl Publ., 319 p.

Zaytsev, V.P. and Ayvazyan, T.A. (2008). *Psikhologicheskiy test SMOL: primeneniye v klinicheskoy meditsine (analiticheskiy obzor)* [Psychological AMPI test: application in clinical medicine (analytical review)]. *Terapevticheskiy arkhiv* [Therapeutic Archive]. No. 4, pp. 89–92.

Received 19.05.2019

Об авторах

Дудорова Екатерина Валерьевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2856-6359>

Шалагина Екатерина Александровна

магистрант направления «Психология»
философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: katy75@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7198-747X>

About the authors

Ekaterina V. Dudorova

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dudorova2002@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2856-6359>

Ekaterina A. Shalagina

Post-graduate Student of the «Psychology» Program,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: katy75@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7198-747X>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дудорова Е.В., Шалагина Е.А. Взаимосвязи параметров качества жизни и цветовых предпочтений у мужчин и женщин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 372–378.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-372-378

For citation:

Dudorova E.V., Shalagina E.A. The interrelationships of the quality of life characteristics and color preferences of men and women // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 372–378.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-372-378

УДК 159.922.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-379-387

КОГНИТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ ЭМОЦИЙ И ОТНОШЕНИЕ К ЗДОРОВЬЮ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ*

Уланова Анна Юрьевна

Институт психологии Российской академии наук

Когнитивная регуляция эмоций и отношение к здоровью исследованы как внутренние психологические механизмы адаптации подростков к изменениям собственной личности и новым запросам общественной среды. Мы предполагаем, что особенности эмоциональной регуляции, определяя адаптационные способности и устойчивость к стрессовым ситуациям, способствуют выполнению возрастных задач подростком, что рассматривается нами как субъективный фактор психологического здоровья. Эмоциональное развитие подростков сравнивается с показателями соматического здоровья и субъективного отношения к нему как важнейшему с точки зрения качества жизни. Представлены результаты первого этапа исследования, где на российской выборке 30 участников 15–16 лет показана специфика использования стратегий регуляции эмоций и отдельных аспектов отношения к здоровью. При общем преобладании эффективных стратегий регуляции среди деструктивных наиболее выраженными оказались стратегии обвинения себя в случившемся и навязчивого возвращения к мыслям о событии. Подтверждено наличие взаимосвязи ряда эффективных стратегий эмоциональной регуляции с соматическим здоровьем: участники, склонные к планированию и поиску положительного смысла в произошедшем событии, чаще оценивали свое здоровье как хорошее и не ограничивающее их активность в разных сферах жизни (учеба, общение с друзьями, хобби и пр.). Показано, что подростки, имеющие более выраженное эмоциональное отношение к здоровью, чаще могли снизить исключительную значимость произошедшего события за счет его сравнения с другими ситуациями, а участники с выраженным интересом к вопросам здоровья чаще демонстрировали способность найти положительный смысл в произошедшем событии. Выявленные взаимосвязи демонстрируют значение адаптационных способностей в становлении здоровой личности подростка. В целом результаты отвечают общественному запросу на выделение показателей и критериев психологического здоровья подросткового населения страны, а также являются аргументом в пользу того, что индивидуальный стиль когнитивной регуляции эмоций может служить индикатором психологического благополучия и основой для дифференцирования психологической помощи детям.

Ключевые слова: психологическое здоровье, качество жизни, когнитивная регуляция эмоций, эмоциональная регуляция, отношение к здоровью, здоровый образ жизни, подростковый возраст.

COGNITIVE REGULATION OF EMOTIONS AND ATTITUDE TOWARDS HEALTH IN ADOLESCENCE

Anna Yu. Ulanova

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences

Cognitive regulation of emotions and attitude towards health are investigated as internal psychological mechanisms of teenagers' adaptation to changes in their own personality and new demands of the social environment. We assume that the peculiarities of emotional regulation are a subjective factor in psychological health, because they determine adaptive abilities and resistance to stressful situations and contrib-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 17-29-02155.

ute to the fulfillment of age tasks by the adolescent. The emotional development of adolescents is compared to indicators of somatic health and a subjective attitude towards it, as the most important quality of life indicators. The results of the study's first stage, where a sample of 30 participants 15–16 years old shows the specifics of using strategies for the regulation of emotions and certain aspects of attitude towards health are presented. In general, adolescents are dominated by effective regulation strategies though among the destructive ones the most prominent are the strategies of accusing oneself for what has happened and an obsessive return to thoughts about an event. Effective strategies of emotional regulation correlate with somatic health: participants who are inclined to plan and search for a positive meaning in the occurred event have higher health indicators and agree that health does not limit them in different areas of life (study, communication with friends, hobby and so forth). Adolescents with a prominent emotional relationship to health are more likely to reduce the significance of the event by comparing it with other situations, and participants with a prominent interest in health issues more often demonstrate the ability to find a positive meaning in the event. These relationships have demonstrated the importance of adaptive abilities in the development of a teenager's healthy personality. In general, the results meet the public demand for identifying the indicators of the psychological health of the adolescent population in the country. Moreover, the results provide arguments in favor of the fact that the cognitive regulation of emotions individual style can serve as an indicator of psychological well-being and the basis for psychological help to children.

Keywords: psychological health, quality of life, cognitive regulation of emotions, emotional regulation, attitude towards health, healthy lifestyle, adolescence.

Актуальность исследования психологического здоровья в подростковом возрасте определяется наличием целого ряда факторов, присущих как образовательной среде, так и самому возрастному периоду, которые неизбежно оказывают влияние на физическое и психическое состояние подростков. Развитие эмоциональной сферы в этом возрасте характеризуется трудностями саморегуляции, которые проявляются в повышенной возбудимости, лабильности, противоречивости эмоций. Особый эмоциональный статус подростков делает актуальным изучение факторов, связанных с процессом развития аффективной сферы.

Психологическое здоровье в рамках онтогенетического развития рассматривается как основа жизнеспособности и благополучия ребенка, перед которым встают разнообразные возрастные задачи, касающиеся овладения своими эмоциями, социальными понятиями и навыками, формирования представления о себе и окружающем мире [Дубровина И.В., 2015; Сергиенко Е.А., 2017]. Согласно представлениям О.В. Хухлаевой, психологическое здоровье представляет собой совокупность психических свойств человека, обеспечивающих гармонию между потребностями индивида и общества, а также являющихся предпосылкой ориентации личности на выполнение своей жизненной задачи [Хухлаева О.В., 2001]. Автор описывает психологическое здоровье как систему, включаю-

щую аксиологический, инструментальный и потребностно-мотивационный компоненты. Аксиологический компонент представляет собой ценности собственного «Я» человека и других людей, инструментальный предполагает владение человеком рефлексией как средством самопознания, оценку собственных эмоциональных состояний и состояний других людей, осознание причин и последствий своего поведения, а потребностно-мотивационный компонент характеризуется наличием у человека потребности в саморазвитии.

Актуальным является вопрос выделения показателей и критериев психологического здоровья, которые описывали бы характер взаимодействия ребенка с окружающей средой и могли бы служить основой для оказания психологической помощи [Мирошниченко А.А., Мерзлякова Д.Р., 2017]. Одной из центральных характеристик психологического здоровья является способность к саморегуляции, что предполагает индивидуальный стиль приспособления к неблагоприятным условиям и воздействиям [Хухлаева О.В., 2001]. Исходя из этого, в качестве ведущей тенденции в формировании психологического здоровья можно рассматривать развитие способности противостоять стрессу и использовать его как ресурс для роста и позитивных изменений. В подростковом возрасте это может проявляться как стремление к самопониманию,

самовыражению и самоутверждению [Колкова С.М., Горбунова Л.Н., 2012].

В контексте данной работы особенности эмоционального реагирования рассматриваются нами как субъективный фактор психологического здоровья, так как способствуют выполнению возрастных задач подростком и определяют адаптивность поведения. Операционализация данного конструкта проведена с помощью оценки когнитивной регуляции эмоций подростков. Регуляция эмоций посредством когнитивных процессов позволяет человеку удерживать контроль над своими эмоциями под воздействием угрозы или стрессовых ситуаций, а также после них. Индивидуальный стиль когнитивной регуляции эмоций формируется в процессе того, как отдельные способы реагирования становятся преобладающими в поведении.

Как в зарубежных, так и отечественных исследованиях, изучаются механизмы влияния процессов регуляции эмоций на психологическое здоровье индивида [Падун М.А., 2015]. В серии исследований Н. Гарнефски и ее коллеги на выборке детей среднего и старшего подросткового возраста показано, что стратегии когнитивной регуляции эмоций взаимосвязаны с симптомами депрессии и тревожности, с характеристиками интернальности/экстернальности и могут рассматриваться как предикторы психологической дезадаптации [Garnefski N. et al., 2005, 2009; Garnefski N., Kraaij V., 2018].

В работе также рассматривается проблема субъективного отношения к здоровью и здоровому образу жизни в контексте становления психологического здоровья. Эмоционально-ценностное отношение к себе, своему здоровью может быть рассмотрено как внутренний механизм регуляции поведения, основанный на значимости сохранения хорошего самочувствия и активности как ресурса для реализации своих жизненных задач. Р.А. Березовская отмечает, что особое отношение к здоровью является обязательным фактором развития здоровой личности, а его гармоничный тип развития предполагает оптимальное соотношение активности и эмоциональности [Березовская Р.А., 2012]. При этом экспериментально доказано, что позитивные установки по отношению к здоровью взаимосвязаны с автономной мотивацией поведения [Лебедева О.В. и др., 2007].

В исследовании О.В. Лебедевой и Н.В. Фоминой описана специфика отношения людей разных возрастных групп к своему соматическому здоровью [Лебедева О.В., Фомина Н.В., 2014]. Результаты работы показали, что подростковая выборка характеризуется самыми высокими средними показателями самооценки здоровья и наименее выраженной готовностью нести за него ответственность. Также в работах отмечается, что подростковый период имеет особое значение в процессе становления интеллектуальных, физических и социальных навыков, связанных со здоровьем [Кислицина О.А., 2011]. Поскольку забота о себе в этом возрасте все больше становится зоной ответственности самого подростка, формирование гармоничного отношения к этому вопросу является важной детерминантой здоровья и благополучия подросткового населения страны.

Сопоставление субъективных факторов психологического здоровья, выделенных в работе, с фактическим уровнем соматического здоровья участников исследования позволит оценить взаимосвязь с важнейшим показателем качества жизни. Также будет изучена роль эмоциональной регуляции и отношения к здоровью в системе внутренних психологических механизмов адаптации к личностным изменениям, происходящим в этом возрасте, и новым запросам социальной среды.

Цель исследования — оценить субъективное отношение к здоровью у подростков 15–16 лет и определить роль когнитивной регуляции эмоций как субъективного фактора психологического здоровья в подростковом возрасте.

Участники и методы исследования

Текущий этап исследования был реализован на выборке 30 участников старшего подросткового возраста 15–16 лет (11 юношей и 19 девушек). Участники проходили тестирование в электронном виде с помощью платформы для создания опросов Google.

Для сбора данных о текущем состоянии здоровья участников исследования была разработана анкета, содержащая вопросы о количестве заболеваний, частоте обращений в медицинские учреждения, вынужденных пропусков учебных занятий, а также об ограничениях по причине болезни в общественной жизни, общении со сверстниками, увлечениях и пр. При проведении

пилотажного исследования 2 из 12 пунктов были исключены, оценка внутренней согласованности оставшихся 10 пунктов анкеты показала достаточные значения (Альфа Кронбаха = .732).

Оценка субъективного отношения к здоровью подростков проводилась с помощью опросника «Индекс отношения к здоровью» С.Д. Дерябо, В.А. Ясвина. Опросник состоит из четырех субтестов, соответствующих четырем компонентам субъективного отношения, по которым выделяются эмоциональная, познавательная, практическая и поступочная шкалы. Общая шкала диагностирует, насколько в целом сформировано отношение к здоровью у данного человека, насколько сильно это проявляется.

Для оценки когнитивных стратегий регуляции эмоций в стрессовых ситуациях был использован опросник «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire» — CERQ), разработанный Н. Гарнефски и ее коллегами [Garnefski N. et al., 2002]. Согласно предложенной модели, авторами было выделено 9 основных когнитивных стратегий регуляции эмоций, которые могут быть отнесены к двум разным категориям: способствующие успешной адаптации (или «эффективные») стратегии: 1) принятие того, что случилось, 2) позитивная перефокусировка, 3) фокусирование на планировании, 4) позитивная переоценка, 5) рассмотрение в перспективе; и препятствующие адаптации и усиливающие дезадаптационные эффекты (или «деструктивные») стратегии: 6) самообвинение, 7) руминации/навязчивые мысли о событии, 8) катастрофизация, 9) обвинение других. Методика состоит из 36 утверждений (по 4 пункта на каждую шкалу). Участнику предлагается обратиться к своему опыту переживания трудных ситуаций и оценить, насколько часто им используются те или иные способы совладания с трудностями. Русскоязычная версия опросника когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ) прошла психометрическую апробацию, результаты которой доказали высокую надежность, содержательную и конструктивную валидность данной версии [Рассказова Е.И. и др., 2011].

Результаты исследования

Субъективная оценка здоровья. При анализе данных, полученных с помощью анкеты соматического здоровья, было получено следующее

распределение результатов: никто из участников не оценил свое здоровье как «плохое», 23,3 % оценили его как «посредственное», 50 % как «хорошее», 20 % как «очень хорошее» и 6,7 % как «отличное». Большая часть участников указали, что состояние здоровья редко ограничивает их в повседневной активности (43,3 %) и совсем не ограничивает в учебе (60 %), общении с близкими, друзьями (70 %) и увлечениях и хобби (66,7 %). Количество учебных дней, пропущенных по болезни, чаще всего ограничивалось 2–7 (40 %) или 7–14 (26,7 %) днями в течение года. Количество посещений врача в течение года, как правило, составляло 2–3 раза (у 63,3 % участников). Таким образом, можно отметить, что в среднем у подростков преобладают положительные оценки своего здоровья и отдельных его показателей.

Анализ гендерных различий позволил выявить, что общий показатель соматического здоровья не имеет достоверных различий между группами девушек и юношей. При детальном анализе отдельных вопросов были обнаружены достоверные различия между юношами и девушками в сторону преобладания у юношей при ответе на вопросы о наличии хронических заболеваний ($U = 50,5$ при $p = 0,011$) и периодичности занятий физической активностью ($U = 62,5$ при $p = 0,054$). При этом девушки чаще отвечали положительно на вопрос о стремлении придерживаться диеты ($U = 55,5$ при $p = 0,030$). Данный результат может свидетельствовать о полоспецифичности выделенных способов по сохранению и улучшению здоровья: девушки более склонны ограничивать себя в питании, а молодые люди — посещать спортивные занятия.

Как один из важнейших индикаторов качества жизни, соматическое здоровье сопоставлялось нами с субъективными факторами психологического здоровья — отношением к здоровью и когнитивной регуляцией эмоций.

Отношение к здоровью и здоровому образу жизни. Анализ результатов опросника проводился согласно схеме авторской интерпретации с переводом в стенограммы и определением уровня выраженности показателей по нескольким шкалам: эмоциональная, познавательная, практическая шкалы, шкала поступков и общей интенсивности. Средние значения по всем пяти шкалам соответствовали средней степени выраженности исследуемых аспектов отношения к здо-

ровью (близко к нижней границе данной категории). Данный результат согласуется с литературными данными о недостаточной субъективной ценности своего здоровья и ответственности за его состояние в подростковом возрасте [Блюм В.В., 2011; Лебедева О.В., Фомина Н.В., 2014]. Анализ гендерных различий показал достоверные значения по эмоциональной шкале ($U = 60,5$, $p = 0,57$) с преобладанием у девушек. При этом показатель у девушек соответствовал среднему уровню, а у молодых людей характеризовался как «ниже среднего». Данный результат свидетельствует о том, что вопросы здоровья в меньшей степени затрагивают эмоциональную сферу юношей, чем девушек, и воспринимаются молодыми людьми как необходимость.

Корреляционный анализ отношения к здоровью и общего показателя соматического здоровья не выявил значимых взаимосвязей ни с одним из аспектов. При детальном анализе была обнаружена корреляция между ключевым вопросом анкеты («Как бы вы в целом оценили состояние вашего здоровья?») и практической шкалой опросника ($r = 0,488$, $p = 0,006$), демонстрирующей склонность к проявлению активности в отношении своего здоровья. Отсутствие

выраженной устойчивой взаимосвязи между субъективной оценкой здоровья и отношением к нему может объясняться, на наш взгляд, несколькими причинами: например, недостаточной сформированностью на данном этапе положительного, т.е. поддерживаемого интересом и действиями, отношения к здоровью и понимания того, что здоровье — это «исчерпаемый ресурс», требующий укрепления и вложений. В таком случае здоровье может восприниматься как данность и зависеть скорее от других факторов (генетических, средовых, социоэкономических и пр.). Также возможным вариантом может являться разнообразие профилей, совмещающих различные варианты отношения к здоровью и его фактический уровень, что не учитывается при корреляционном анализе. Данные вопросы планируется изучить подробнее при продолжении исследования.

Когнитивная регуляция эмоций. Для оценки особенностей регуляции эмоций подростков и выявления наиболее предпочитаемых когнитивных стратегий регуляции были использованы методы описательной статистики (табл. 1).

Таблица 1. Описательные статистики по различным шкалам опросника ОКРЭ

Шкалы ОКРЭ	Описательная статистика	
	Среднее	σ
Принятие	13,10	3,144
Позитивная перефокусировка	11,37	3,899
Фокусирование на планировании	14,50	3,627
Позитивная переоценка	14,53	3,309
Рассмотрение в перспективе	13,77	3,339
Самообвинение	13,83	3,196
Руминации	13,37	2,988
Катастрофизация	10,57	3,720
Обвинение других	9,13	3,471

Полученные данные показывают, что среди стратегий когнитивной регуляции эмоций, которые могут быть отнесены к категории «эффективных», т.е. способствующих успешной адаптации, подростки чаще всего использовали стратегии «Фокусирование на планировании» (размышления о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся) и «Позитивная переоценка» (поиск положительного смысла в произошедшем событии в целях

личностного роста или приобретения нового опыта). Среди «деструктивных» стратегий наиболее часто используемыми были «Самообвинение» (мысли, в которых человек винит себя за случившееся) и «Руминации» (постоянные размышления о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией).

Аналогичный результат общего преобладания эффективных стратегий когнитивной регуляции эмоций и наибольшей выраженности

стратегий «Фокусирование на планировании» и «Позитивная переоценка» был получен в исследованиях, проведенных на русской выборке подростков, воспитанников кадетской школы-интерната (13–16 лет) и взрослых респондентов (18–55 лет) [Рассказова Е.И и др., 2011; Власова Н.В., 2017].

Согласно имеющимся данным, такие демографические характеристики, как пол и возраст респондентов, не оказывают систематического влияния на оценки по большинству шкал опросника. При этом показано, что люди более старшего возраста реже, чем молодые, используют стратегии «Позитивная перефокусировка», «Фокусирование на планировании» и «Рассмотрение

в перспективе» [Garnefski N. et al., 2002; Рассказова Е.И и др., 2011], наиболее выраженные, по результатам нашего исследования, у подростков. При анализе половых различий нами были получены значимые значения по шкалам «Рассмотрение в перспективе» ($U = 51,5$, $p = 0,02$, выше у девушек) и «Обвинение других» на уровне тенденции ($U = 64$, $p = 0,08$, выше у юношей).

Проверка гипотезы о взаимосвязи когнитивной регуляции эмоций с оценкой соматического здоровья как показателя качества жизни была проведена с помощью корреляционного анализа Спирмена (табл. 2).

Таблица 2. Взаимосвязь различных стратегий когнитивной регуляции эмоций и оценки соматического здоровья подростками (r -Спирмена).

Шкалы ОКРЭ	Анкета соматического здоровья
Принятие	$r = 0,033$, $p = 0,864$
Позитивная перефокусировка	$r = 0,336$, $p = 0,069$
Фокусирование на планировании	$r = 0,448^*$, $p = 0,013$
Позитивная переоценка	$r = 0,426^*$, $p = 0,019$
Рассмотрение в перспективе	$r = 0,280$, $p = 0,135$
Самообвинение	$r = -0,255$, $p = 0,175$
Руминации	$r = 0,011$, $p = 0,953$
Катастрофизация	$r = -0,362^*$, $p = 0,050$
Обвинение других	$r = 0,100$, $p = 0,600$

Результаты демонстрируют, что показатели по шкалам «Фокусирование на планировании», «Позитивная переоценка» и «Позитивная перефокусировка» связаны с более высокими значениями соматического здоровья участников. Участники, склонные к планированию и поиску положительного смысла в произошедшем событии, чаще оценивали свое здоровье как хорошее и не ограничивающее их активность в разных сферах жизни (учеба, общение с друзьями, хобби и пр.). Также отрицательная взаимосвязь была обнаружена со стратегией «Катастрофизация»: подростки, склонные к мыслям о глобальных размерах произошедшего события и его отрицательных последствиях, ниже оценивали различные показатели своего здоровья. Полученный результат подтверждает предположение о становлении когнитивной регуляции эмоций как о субъективном факторе психологического здоровья, связанном с качеством жизни детей подросткового возраста.

Сопоставление результатов, полученных при оценке когнитивной регуляции эмоций и отношения к своему здоровью, также позволило выявить ряд интересных взаимосвязей. Согласно полученным результатам, подростки, имеющие более выраженное эмоциональное отношение к здоровью, чаще использовали такую стратегию регуляции, как «Рассмотрение в перспективе» ($r = 0,364$ при $p = 0,048$), т.е. могли снизить исключительную значимость произошедшего события за счет его сравнения с другими ситуациями. Подростки с выраженным интересом к вопросам здоровья чаще прибегали к стратегии «Позитивная переоценка» ($r = 0,386$ при $p = 0,035$), что говорит о их способности найти положительный смысл в произошедшем событии. Стратегия «Руминации», представляющая собой из себя навязчивые мысли о произошедшем событии, обнаружила взаимосвязь с эмоциональной и поступочной шкалами отношения к здоровью ($r = 0,454$ при $p = 0,012$ и $r = 0,470$ при

$p = 0,009$ соответственно), благодаря чему мы можем сделать вывод о том, что склонность к размышлению о своем состоянии и о своих чувствах может положительно сказываться на отношении к собственному здоровью (не только во внутреннем плане, но и в поведении).

Заключение

Проведенное исследование ставило перед собой задачу поиска внутренних психологических механизмов адаптации подростков к изменениям собственной личности, новым запросам общественной среды. Анализ таких субъективных факторов психологического здоровья, как когнитивная регуляция эмоций и отношение к здоровью, позволил установить ряд специфичных для данного возраста характеристик, имеющих отношение к качеству жизни подростков. Так, показано, что среди стратегий регуляции эмоций, используемых подростками, в целом преобладают эффективные стратегии, позволяющие адаптироваться к неблагоприятным условиям и стрессам. Среди деструктивных наиболее выраженными оказались стратегии обвинения себя в случившемся и навязчивого возвращения к мыслям о событии, связанные с симптомами депрессии, по данным Н. Гарнефски и ее коллег [Garnefski N., Kraaij V., 2018]. Корреляционный анализ обнаружил взаимообусловленность нескольких шкал когнитивной регуляции эмоций с анкетой соматического здоровья, что говорит о высокой роли способности адаптироваться к изменениям и запросам среды в становлении психологического здоровья подростков. Индивидуальный стиль когнитивной регуляции эмоций может служить индикатором психологического благополучия и основой для дифференцирования психологической помощи детям. Обнаруженные взаимосвязи особенностей эмоционального реагирования подростков с отдельными аспектами отношения к здоровью также поддерживают идею о необходимости становления способов саморегуляции для повышения качества жизни в сфере поддержания своего здоровья.

Результаты проведенного исследования рассматриваются как предварительные и требуют дальнейшей проработки. Перспективой исследования является расширение выборки участников с целью анализа отдельных групп подростков с различными профилями регуляции эмоций

и отношения к здоровью, а также поиск и описание дополнительных характеристик, составляющих психологическое здоровье подростка.

Список литературы

- Березовская Р.А.* Отношение к здоровью как психологический механизм самоуправления здоровой личности // Здоровая личность: материалы Междунар. науч.-практ. конференции 21–22 июня 2012 г. СПб.: СПбГИПСР, 2012. С. 20–23.
- Блюм В.В.* Структура внутренней картины здоровья у школьников: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 258 с.
- Власова Н.В.* Особенности регуляции эмоций в подростковом возрасте (на примере воспитанников кадетской школы-интерната) // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 9, № 2. С. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090207>
- Дубровина И.В.* Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития // Развитие личности. 2015. № 2. С. 67–95.
- Кислицына О.А.* Детерминанты здоровья подростков в России // Социальные аспекты здоровья населения. 2011. № 3(19). URL: [http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang,ru/\(дата обращения: 18.07.2019\)](http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang,ru/(дата обращения: 18.07.2019)).
- Колкова С.М., Горбунова Л.Н.* Психологическая безопасность как условие сохранения и укрепления психологического здоровья // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск: Версо, 2012. С. 140–146.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н., Чирков В.И., Лю Ц.* Культурно-психологические особенности отношения к здоровью у русских и китайских студентов // Психологический журнал. 2007. Т. 28, № 4. С. 64–74.
- Лебедева О.В., Фомина Н.В.* Отношение к соматическому здоровью как показатель развития психологического здоровья личности (на материале изучения различных возрастных групп испытуемых) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4(36). С. 150–158.
- Мирошниченко А.А., Мерзлякова Д.Р.* Региональная стратегия сохранения и укрепления психологического здоровья участников образовательных отношений // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 1. С. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090105>
- Падун М.А.* Влияние процессов регуляции эмоций на психологическое здоровье // Журнал Прак-

тической Психологии и Психоанализа. 2015. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/vliyanie-processov-regulyacii-emociy-na-psihologicheskoe-zdorove> (дата обращения: 18.07.2019).

Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 161–179.

Сергиенко Е.А. Психологическое здоровье: субъективные факторы // Вестник РГТУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2017. № 4(10). С. 98–117. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2017-4-98-117>

Хухлаева О.В. Формирование психологического здоровья младших школьников: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2001. 299 с.

Garnefski N., Koopman H., Kraaij V., ten Cate R. Brief report: Cognitive emotion regulation strategies and psychological adjustment in adolescents with a chronic disease // *Journal of adolescence*. 2009. Vol. 32, no. 2. P. 449–454. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2008.01.003>

Garnefski N., Kraaij V. Specificity of relations between adolescents' cognitive emotion regulation strategies and symptoms of depression and anxiety // *Cognition and Emotion*. 2018. Vol. 32, no. 7. P. 1401–1408. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1232698>

Garnefski N., Kraaij V., Spinhoven P. Manual for the use of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire. Leiderdorf: DATEK, 2002. DOI: <https://doi.org/10.1037/t03801-000>

Garnefski N., Kraaij V., van Etten M. Specificity of relations between adolescents' cognitive emotion regulation strategies and internalizing and externalizing psychopathology // *Journal of adolescence*. 2005. Vol. 28, no. 5. P. 619–631. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2004.12.009>

Получено 30.07.2019

References

Berezovskaya, R.A. (2012). *Otmoshenie k zdorov'yu kak psikhologicheskij mekhanizm samoupravleniya zdorovoy lichnosti* [Attitude to health as a psychological mechanism of self-management of a healthy personality]. *Zdorovaya lichnost': materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Healthy personality: proc. of the international scientific-practical conference]. Saint-Petersburg, pp. 20–23.

Blyum, V.V. (2011). *Struktura vnutrenney kartiny zdorov'ya u shkol'nikov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The structure of the internal picture of health in schoolchildren: Ph.D. Thesis]. Saint-Petersburg, 258 p.

Dubrovina, I.V. (2015). *Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti v kontekste voznrastnogo razvitiya* [Psychological health of a person in the context of age development]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality]. No. 2, pp. 67–95.

Garnefski, N., Koopman, H., Kraaij, V. and ten Cate, R. (2009). Brief report: Cognitive emotion regulation strategies and psychological adjustment in adolescents with a chronic disease. *Journal of Adolescence*. Vol. 32, no. 2, pp. 449–454. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2008.01.003>

Garnefski, N. and Kraaij, V. (2018). Specificity of relations between adolescents' cognitive emotion regulation strategies and symptoms of depression and anxiety. *Cognition and Emotion*. Vol. 32, no. 7, pp. 1401–1408. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699931.2016.1232698>

Garnefski, N., Kraaij, V. and Spinhoven, P. (2002). Manual for the use of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire. Leiderdorf: DATEK. DOI: <https://doi.org/10.1037/t03801-000>

Garnefski, N., Kraaij, V. and van Etten, M. (2005). Specificity of relations between adolescents' cognitive emotion regulation strategies and internalizing and externalizing psychopathology. *Journal of Adolescence*. Vol. 28, no. 5, pp. 619–631. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2004.12.009>

Huhlaeva, O.V. (2001). *Formirovanie psikhologicheskogo zdorov'ya mladshikh shkol'nikov: dis. ... d-ra ped. nauk* [Formation of the psychological health of younger students: D.Sc. Thesis]. Moscow, 299 p.

Kislitsyna, O.A. (2011). *Determinanty zdorov'ya podrostkov v Rossii* [Determinants of adolescent health in Russia]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya* [Social Aspects of Population Health]. No. 3(19). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/311/30/lang,ru/> (accessed 18.07.2019).

Kolkova, S.M. and Gorbunova, L.N. (2012). *Psikhologicheskaya bezopasnost' kak uslovie sokhraneniya i ukrepleniya psikhologicheskogo zdorov'ya* [Psychological safety as a condition for the preservation and strengthening of psychological health]. *Psikhologicheskoe zdorov'e cheloveka: zhiznennyy resurs i zhiznennyy potentsial: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Psychological health of the person: life resource and life potential: proc. of the International scientific and practical conference]. Krasnoyarsk: Verso Publ., pp. 140–146.

Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N., Chirkov, V.I. and Lyu, C. (2007). *Kul'turno-psikhologicheskie osobennosti otноsheniya k zdorov'yu u russkikh i kitayskikh studentov* [Cultural and psychological peculiarities of attitude to health among Russian and Chinese students]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 28, no. 4, pp. 64–74.

Lebedeva, O.V. and Fomina, N.V. (2014). *Otноshenie k somaticheskому zdorov'yu kak pokazatel' razvitiya psikhologicheskogo zdorov'ya lichnosti (na materiale izucheniya razlichnykh vozrastnykh grupp ispytuemykh)* [Attitude to somatic health as an indicator of the development of a person's psychological health (based on the study of different age groups of subjects)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 4(36), pp. 150–158.

Miroshnichenko, A.A and Merzlyakova, D.R. (2017). *Regional'naya strategiya sokhraneniya i ukrepleniya psikhologicheskogo zdorov'ya uchastnikov obrazovatel'nykh otноsheniy* [Regional strategy of preservation and strengthening of the psychological health of participants of educational relations]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological Science and Education]. Vol. 9, no. 1, pp. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090105>

Padun, M.A. (2015). *Vliyanie protsessov regulyatsii emotsiy na psikhologicheskoe zdorov'e* [The influence of emotion regulation processes on the men-

tal health]. *Zhurnal Prakticheskoy Psikhologii i Psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis]. No. 4. Available at: <https://psyjournal.ru/articles/vliyanie-processov-regulyatsii-emociy-na-psikhologicheskoe-zdorove> (accessed 18.07.2019).

Rasskazova, E.I., Leonova, A.B. and Pluzhnikov, I.V. (2011). *Razrabotka russkoyazychnoy versii oprosnika kognitivnoy regulyatsii emotsiy* [Development of the Russian version of the Cognitive Emotion Regulation Questionnaire]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [[The Moscow University Herald. Series 14. Psychology].]. No. 4, pp. 161–179.

Sergienko, E.A. (2017). *Psikhologicheskoe zdorov'e: sub'ektivnye faktory* [Psychological health. Subjective factors]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogics. Education» Series]. No. 4(10), pp. 98–117. DOI:

<https://doi.org/10.28995/2073-6398-2017-4-98-117>

Vlasova, N.V. (2017). *Osobennosti regulyatsii emotsiy v podrostkovom vozraste (na primere vospitannikov kadetskoй shkoly-internata)* [Features of emotional regulation in adolescence (with the example of students of cadet boarding school)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological-Educational Studies]. Vol. 9, no. 2, pp. 70–83. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090207>

Received 30.07.2019

Об авторе

Уланова Анна Юрьевна

кандидат психологических наук,
научный сотрудник лаборатории психологии
развития субъекта в нормальных
и посттравматических состояниях

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: rachugina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>

About the author

Anna Yu. Ulanova

Ph.D. in Psychology, Researcher Researcher
of the Laboratory of Developmental Psychology
of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaaya str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: rachugina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Уланова А.Ю. Когнитивная регуляция эмоций и отношение к здоровью в подростковом возрасте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 379–387.
DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-379-387

For citation:

Ulanova A.Yu. Cognitive regulation of emotions and attitude towards health in adolescence // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 379–387. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-379-387

УДК 159.91

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-388-401

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С КРИЗИСНОЙ БЕРЕМЕННОСТЬЮ В СИТУАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА*

Осипенко Ирина Михайловна

Смоленский государственный медицинский университет

В современном российском обществе актуализируется интерес к психологическому аспекту проблемы репродуктивного выбора. Это во многом связано с увеличением количества абортов, с трансформацией отношения женщин к деторождению и материнству, ростом осознанной бездетности в пользу самореализации в других областях жизнедеятельности, особенно в профессиональной сфере. Такая ситуация влечет за собой как социально-демографические сложности в стране, так и серьезные соматические, психологические проблемы у самих женщин. Представленное исследование направлено на изучение психологических особенностей женщин с кризисной беременностью, которые находятся в ситуации репродуктивного выбора. Автор полагает, что женщины, находящиеся в ситуации незапланированной и кризисной беременности, в отличие от женщин с положительным отношением к беременности чаще проявляют деструктивные мотивы сохранения беременности, имеют более выраженные психологические сложности в самопринятии и позитивном отношении к самим себе, у них наблюдается более выраженное чувство вины как состояния и как черты, снижена степень уважения социальных норм и этических требований, а также наблюдаются различия в стратегиях выхода из стрессовой ситуации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у первой группы респондентов отмечаются более выраженные деструктивные мотивы сохранения беременности: повышенная обеспокоенность материальным положением своей семьи, низкий уровень готовности к материнству, отсутствие мотивации в настоящий момент посвятить себя родительству из-за учебы или карьеры, нежелание вносить ограничения в свою жизнь. Женщины с кризисной беременностью наиболее часто используют конфронтационное поведение и бегство-избегание как копинг-стратегии. Самоконтроль, принятие ответственности, положительная переоценка ситуации как способы совладающего поведения наблюдаются в большей степени в контрольной группе. Женщины с кризисной беременностью не верят в свои силы и возможности, у них низкий уровень энергии и плохое понимание себя. Для них характерно ожидание заранее негативного отношения к себе со стороны окружающих. Однако им в меньшей степени свойственно испытывать чувство вины, чем женщинам с положительным отношением к беременности. При этом переживание чувства вины как генерализованной Я-концепции (черты) и уровень совестливости как личностная характеристика свойственны респондентам обеих групп в равной степени.

Ключевые слова: кризисная беременность, репродуктивный выбор, материнство, совестливость, копинг-стратегии, переживание, самоотношение, воспринимаемый индекс вины.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта «Чувствительность к справедливости как детерминанта делинквентного и просоциального поведения» (РФФИ № 17-06-00379-ОГН).

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF WOMEN WITH CRISIS PREGNANCY IN SITUATION OF REPRODUCTIVE CHOICE

Irina M. Osipenko

Smolensk State Medical University

In modern Russian society, interest to problems of reproductive choice psychology is becoming up-to-date. This is largely due to the increase of abortions, the transformation of women's attitudes towards childbirth and motherhood, the increase in deliberate childlessness in favor of self-realization in other areas of life, especially, career. This situation entails not only socio-demographic difficulties, but also serious somatic and psychological problems for women themselves. The study is aimed at studying the psychological characteristics of women with crisis pregnancy in a situation of reproductive choice. The author considers that women in a situation of unplanned and crisis pregnancy, unlike women with a positive attitude towards pregnancy, are more likely to show destructive motives for maintaining pregnancy. They have more pronounced psychological difficulties in self-acceptance and positive attitude towards themselves, a greater sense of guilt as a condition and as traits, less respect for social norms and ethical requirements, and differences in coping strategies take place. The results show that the first group of respondents have strongly pronounced destructive motives for the continuation of pregnancy, i.e. increased concern about the material situation of their family, low level of readiness for motherhood, lack of motivation to devote themselves to parenthood because of study or career, reluctance to impose restrictions on their lives. Women with crisis pregnancies more often use confrontational behavior and escape-avoidance as coping strategies. Self-control, acceptance of responsibility, positive reassessment of the situation as a way of controlling behavior are observed more often in the control group. Women with crisis pregnancies show little faith in their forces and capabilities, low energy and poor understanding of themselves. They are characterized by the expectation of negative attitude towards themselves from others and the denial of both their external and internal qualities. However, they feel less guilty than women with a positive attitude towards pregnancy. At the same time, the experience of guilt as a generalized Self-concept (features) and the level of conscience as a personal characteristic are common to respondents of both groups in equal measure.

Keywords: crisis pregnancy, reproductive choice, motherhood, conscience, coping strategies, experience, self-loss, perceived index of guilt.

Введение

Исследование проблем психологии материнства в современной науке является очень актуальным и значимым. Это во многом объясняется трансформацией института семьи, нестабильностью социально-демографической ситуации в стране, увеличением количества разводов и числа детей, от которых отказались родители, и т.д.

Именно материнские отношения становятся одной из центральных тем исследования в психологии материнства.

Однако современная действительность намечает новые проблемные области исследования, одной из которых является вопрос мотивации репродуктивного выбора психологических особенностей женщин, имеющих кризисную беременность. Научный и практический интерес к этой теме растет.

Таким образом, благодаря формированию методологической основы и методического

обеспечения для работы психологов с данной категорией женщин, возможно снижение числа аборт и вместе с этим нахождение у клиентов нового смысла в материнстве и отцовстве и ресурсов для этого, а также проработка психологических травм, личностных установок, влияющих на принятие решения и т.д. у беременных женщин в ситуации репродуктивного выбора.

Ряд отечественных психологов, таких, как В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова и др., отмечают в своих исследованиях, что материнское отношение не появляется сразу после родов, а имеют определенную психофизиологическую природу, которая запускает скрытые ранее механизмы регуляции, стимулы и т.д. [Брутман В.И. и др., 2002].

Психологическая готовность к материнству как фактор развития последующих взаимоотношений матери и ребенка исследовалась С.Ю. Мещерковой, Н.Н. Авдеевой, Н.И. Ганюшенко [Мещеркова С.Ю. и др., 1996].

Проблемы готовности к материнству с позиции выделения факторов и условий психологического риска для будущего развития ребенка рассматривались в работах О.А. Копыл, Л.Л. Бас, О.В. Баженовой [Копыл О.А. и др., 1993].

Психология материнства представлена в исследованиях отечественных ученых В.В. Волковой, М.С. Родионовой и др. [Волкова В.В. и др., 2005].

Причины отказа от материнства, описание психологических и психиатрических портретов рожениц, отказавшихся от собственных детей, даются в работе В.И. Бутман, М.Г. Понкратовой, С.Н. Ениколопова, а особенности протекания кризиса отказа от ребенка представлены у М.С. Родионовой [Бутман В.И. и др., 1994; Родионова М.С., 2005].

Большой опыт наработан в ходе научно-исследовательской деятельности в области изучения эмоционального состояния матери на всем протяжении беременности и после родов [Брехман Г.И., 1997; Баженова О.В., 1994]. Также исследованию эмоциональной сферы женщин, имеющих положительное отношение к беременности или находящихся в ситуации репродуктивного выбора, особенностей проявления у них копинг-стратегий, состояния тревоги посвящены работы И.А. Айвазян, Г.Б. Мальгиной, А.В. Павловой, О.В. Подобиной, Г.Г. Филипповой и др. [Айвазян И.А. и др., 2003].

И.Ю. Хамитова установила наличие влияния семейной истории на переживание беременности [Хамитова И.Ю., 2005]. Е.Д. Красильникова, Л.Н. Рыбовалюк сконцентрировали свои научные интересы на исследовании мотивов зачатия и сохранения беременности [Красильникова Е.Д., 2009; Рыбовалюк Л.Н., 2012].

Неготовность к материнству как психологический феномен, являющийся в дальнейшем причиной нарушений развития ребенка и его личности, были рассмотрены в работах В.В. Абрамченко, А.Я. Варга, М.В. Колосковой, Н.П. Коваленко [Абрамченко В.В., 2005; Варга А.Я., 2009; Коваленко Н.П., 2000]. Личностные факторы, способствующие появлению эмоционального стресса при беременности, систематизировал А.И. Захаров [Захаров А.И., 1998].

Психологические факторы неготовности к материнству представлены Е.С. Мироновой, медицинские, социальные и психологические проблемы аборта у юных женщин (возможности реабилитации) изучались А.П. Галиным [Галин А.П., 2001; Миронова Е.С., 2011]. В.И. Якухина рассмотрела страх как фактор влияющий на принятие решения об аборте [Якухина В.И., 2019].

Н.В. Боровикова предложила понятие «синдром беременности», понимая под ним психогенное состояние, ограниченное определенным периодом времени, который начинается не в день зачатия, а при осознании женщиной своего нового положения и заканчивается не после родов, а в момент «пигмалионизации» своего ребенка — перехода в восприятии матери от его фантастического образа к реальному [Боровикова Н.В., 1998]. Автор совместно с С.А. Федоренко описал основные мотивы сохранения беременности, куда входят: беременность ради ребенка, беременность от любимого человека, беременность как соответствие социальным ожиданиям, беременность как протест, беременность ради сохранения отношений, беременность как отказ от прошлого, беременность как уход от настоящего, беременность ради сохранения собственного здоровья [Боровикова Н.В., 1998].

О.С. Куценко, И.В. Яковлева внесли практический вклад в исследование работы специалистов помогающих профессий с женщинами и их семьями в ситуации репродуктивного выбора, выделили проблемные области социальной рекламы, посвященной защите жизни в вопросе аборта и сохранения беременности [Куценко О.С., 2011; Яковлева И.В., 2009]. Роль медицинского персонала женских консультаций в поддержании мотивации сохранения беременности рассматривали Т.В. Козлова, Ю.А. Пивоварова [Козлова Т.В., 2017]. Особенности мотивационной сферы материнства беременных женщин с различным отношением к ребенку также проанализированы Т.М. Зенковой [Зенкова Т.М., 2005].

Методологические аспекты исследования вопроса репродуктивного поведения женщин описали И.Л. Шелехов, Е.В. Гребенникова [Шелехов И.Л., 2015; Гребенникова Е.В., 2017]. Научный вклад в понимание репродуктивного поведения внес В.А. Борисов. Он рассмотрел

такое поведение как систему действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка любой очередности в браке или вне брака [Борисов В.А., 1976].

Представляет особый научный интерес работа Ю.Н. Поповой, направленная на психологический анализ особенностей личности современных женщин с различными репродуктивными установками [Попова Ю.Н., 2005]. Т.Д. Василенко, О.В. Денисова изучили особенности эмоционально-смысловой сферы беременных женщин, имеющих опыт незавершенной беременности [Василенко Т.Д. и др., 2010].

В области отечественной перинатальной психологии проведен ряд исследований, направленных на изучение особенностей самоотношения беременных женщин как показателей готовности к материнству и дальнейшего отношения к еще не родившемуся ребенку, специфики самосознания беременных женщин, имеющих ВИЧ-инфекцию, и влияния конфликтов на самоотношение беременных женщин из неблагополучных семей, особенностей социальной идентичности женщин в состоянии беременности с различным материнским отношением к детям [Васильева Е.В., 2008; Сапегина М. и др., 2012].

В зарубежной психологической науке представлены исследования психологов-классиков и современных исследователей, которые рассматривали психологические особенности материнства. Это работы таких ученых как Дж. Боулби, В. Винникот, С. Гроф, Дж. Дик-Рид, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Эриксон. Западные ученые, в частности, Дж. Кестенберг, Т. Бенедек и др., описывали феномен беременности женщины как кризис через опыт трех важных периодов в жизни женщины, которые связаны с поиском идентичности. Г. Бибринг рассматривал и саму беременность как кризис взросления [Боулби Дж., 2003; Винникот В., 2002; Гроф С., 2018; Дик-Рид Дж., 2005; Фрейд А., 1993; Фрейд З., 2014; Эриксон Э., 1996].

Исследователь R.W. Newton полагал, что для беременных женщин с кризисной беременностью характерны низкая самооценка, депрессии, высокая личностная тревожность, склонность к отрицанию и соматизации [Newton R.W., 1994]. В. Пултавская изучила влияние прерывания беременности на психику женщины, особенности протекания постабортного

синдрома [Пултавская В., 2002]. Огромный научный и просветительский вклад был внесен учеными Дж. Уилке, Б. Уиллке, которые проанализировали медицинские, психологические, религиозные аспекты вреда медицинских абортот и стали основоположниками движения защиты жизни [Уилке Дж., Уиллке Б., 2002].

Уже более 40 лет наблюдается общемировая тенденция поддержки материнства и ведется активная работа ученых и практиков по вопросам репродуктивного здоровья, психологической помощи женщинам в ситуации кризисной беременности. Под кризисной беременностью мы понимаем такую беременность, которая объективно (сопровождается выраженным соматическим, социально-бытовым и иным неблагоприятием) или субъективно (по тем или иным причинам) не принимается женщиной, в связи с чем протекает под угрозой искусственного прерывания [Смирнова Е.А., 2013].

Основное содержание

Ситуация беременности и материнства рассматривается как кризисная ситуация. Автор исходит из того, что эта ситуация требует от женщин адаптации не только на физическом уровне, но и на психологическом. Последний уровень включает в себя принятие или отрицание роли матери и материнской позиции и имеет связь с особенностями дочерне-материнских отношений и структуры родительской семьи, в которой формировалась Я-концепция ребенка. Предполагается, что на отношение к беременности влияет ряд социальных, экономических и других факторов, а также личностные особенности самой женщины.

Женщины с кризисной беременностью, позиционирующие желание прервать беременность, испытывают трудности в принятии нового образа себя, амбивалентное отношение к ребенку, сложности в самоотношении. Они переживают негативные эмоции за планируемый отрицательный выбор, тревогу и стресс. Это заставляет их выбирать определенные копинг-стратегии, чтобы совладать с ситуацией.

Соответственно, представленное исследование направлено на изучение психологических особенностей у женщин с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора в сравнении с женщинами, имеющими положительное отношение к своей беременности.

В данной работе были использованы следующие методики: тест исследования сохранения беременности (МИМСБ) Л.Н. Рабовалуок, копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана, тест самооотношения В.В. Столина, методика «Воспринимаемый индекс вины» John R. Otterbacher, David C. Munz, адаптированная Е.П. Ильиным, методика «Шкала совестливости» В.В. Мельникова, Л.Т. Ямпольского.

Эти методики позволяют выявить мотивы сохранения беременности в двух исследуемых группах беременных женщин, их копинг-стратегии, особенности самооотношения, степень уважения по отношению к социальным нормам и этическим требованиям, измерить чувство вины как состояния и как черты. Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью программы «STATISTICA 6.0».

Результаты / обсуждение

В исследовании приняло участие 90 женщин в возрасте от 20 до 32 лет, срок беременности — от 18 до 34 недель. Средний возраст женщин (М) — 23 года, стандартное отклонение $SD = 7,6$.

Основную группу составили 45 женщин, находящихся в ситуации кризисной беременности, и 45 респондентов с положительным эмоциональным отношением к беременности (контрольная группа). Все респонденты были отобраны на основе рандомизированного отбора; они все являются постоянно проживающими в Смоленске и Смоленской области. Обе группы сопоставимы по социальной принадлежности, семейному положению, уровню образования.

С целью реализации психодиагностического исследования был проведен качественный и количественный анализ полученных результатов, достоверность различий определялась с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

В ходе исследования мотивов сохранения беременности (МИМСБ) были выявлены статистически значимые различия в двух исследуемых группах в блоке «субъективная тревожность по поводу материальных (финансовых) затруднений» (при $p < 0,05$).

56,7 % женщин, находящихся в ситуации кризисной беременности, имеют высокие значения по данной шкале и серьезно обеспокоены

своим материальным положением, в то время как в контрольной группе, женщин с высокими значениями по этой шкале в два раза меньше, что составляет 23 %. В контрольной группе преобладают низкие (23,2 %) и средние (53,8 %) показатели.

Также отмечается, что 68,2 % респондентов, из первой группы имеют низкий уровень готовности к материнству. Только 16,7 % респондентов истинно хотят быть матерью ради самого ребенка. В контрольной группе по данной шкале преобладают средние (23,2 %) и высокие (53,8 %) значения ($p = 0,043 < 0,05$).

37 % женщин проявляют отсутствие мотивации в настоящий момент посвятить себя родительство из-за учебы или карьеры, нежелание вносить ограничения в свою жизнь. Для многих женщин ценность деторождения перестает быть основополагающей. Происходит смещение доминанты на профессиональную самореализацию и другие области жизнедеятельности, а не на область материнства. У женщин с положительным эмоциональным отношением к беременности выявлен низкий (32,1 %) и средний уровень (48,7 %) субъективного ощущения ограничения свободы ($p = 0,037 < 0,05$).

Беременные женщины из двух исследуемых групп имеют примерно схожие результаты по шкале «негативное отношение влияния беременности на организм». В этих группах преобладает низкая выраженность данного мотива (65 % и 58,4 %) и статистически значимых различий не выявлено.

Соответствие социальным ожиданиям как мотив сохранения беременности наблюдается в одинаковом соотношении в обеих группах (43,3 % и 45,2 %). Статистически значимых различий по данному блоку методики также не выявлено.

Следует отметить, что респонденты не имеют желания и стремления воплотить свои нереализованные планы и мечты в собственных детях, так как по этой шкале преобладают низкие показатели (71,6 % и 62,2 %) в обеих группах. Способ удержания супруга в браке как мотив беременности также имеет низкие значения в обеих группах (73,8 % и 69,7 %) и не используется в качестве средства манипулирования беременностью и ребенком в отношениях (см. табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора склонны иметь в большей степени деструктивные мотивы сохранения беременности. Безусловно, вы-

явление истинных мотивов сохранения беременности может помочь своевременно провести психологическую коррекцию деструктивных мотивов и гармонизировать состояние женщины в ситуации репродуктивного выбора.

Таблица 1. Средние значения мотивов сохранения беременности у женщин в эмпирической и контрольной группах, %

Блоки Мотивы сохранения беременности	Группы	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Субъективная тревожность по поводу материальных (финансовых) затруднений	Эмп.	16,9	26,4*	56,7*
	Контр.	23,2	53,8*	23,0*
Желание быть матерью	Эмп.	68,2*	15,1	16,7*
	Контр.	3,0*	22,2	74,8*
Субъективное ощущение ограничения свободы	Эмп.	19,7 *	43,3	37,0*
	Контр.	32,1*	48,7	19,2*
Отношение влияния беременности на здоровье	Эмп.	65,0	20,2	15,1
	Контр.	58,4	24,7	16,9
Неготовность к материнству	Эмп.	10,5*	11,2	78,3*
	Контр.	75,4*	13,5	11,1*
Соответствие социальным ожиданиям	Эмп.	30,2	43,3	23,8
	Контр.	28,7	45,2	26,1
Желание реализовать в будущем ребенке	Эмп.	71,6	24,1	4,3
	Контр.	62,2	28,1	8,7
Беременность как способ сохранения отношений и удержания супруга в браке	Эмп.	73,8	30,0	5,2
	Контр.	69,7	23,2	7,1
Наличие страхов и возможность их компенсации при помощи беременности	Эмп.	67,8	28,2	4,04
	Контр.	70,03	23,0	7,01

Примечание.* — Средняя разность значима на уровне $p < 0,05$

Исследование копинг-стратегий в двух группах респондентов позволило выявить статистически значимые различия по следующим шкалам: положительная переоценка ситуации ($p = 0,048 < 0,05$), самоконтроль ($p = 0,04 < 0,05$), принятие ответственности ($p = 0,036 < 0,05$), конфронтационное поведение ($p = 0,041 < 0,05$), бегство–избегание ($p = 0,05 \leq 0,05$) (см. табл. 2).

Женщины с кризисной беременностью больше ориентированы на конфронтационное поведение ($p = 0,041 < 0,05$) и бегство–избегание как на способы совладающего поведения ($p = 0,05 \leq 0,05$). Первая стратегия больше проявляется как эмоциональная разрядка, сопряженная с недостаточной целенаправленностью респондентов. Наблюдаются выраженные агрессивные усилия, направленные на по выходу из кризисной ситуации. Стратегия бегство–избегание может проявляться как желание переложить ответственность за принятие реше-

ния на других, как игнорирование реальной ситуации, проявление пассивности (см. табл. 2).

Преобладающими копинг-стратегиями в контрольной группе стали: положительная переоценка ситуации ($p = 0,048 < 0,05$), самоконтроль ($p = 0,04 < 0,05$), принятие ответственности ($p = 0,036 < 0,05$). Планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, дистанцирование от проблемы как способы совладающего поведения представлены в обеих группах и не имеют статистически значимых различий.

Полученные данные свидетельствуют о том, что беременные женщины, которые демонстрируют положительное эмоциональное отношение к беременности, в большей степени склонны к преодолению негативных переживаний в связи с возникшими жизненными трудностями, незапланированными ситуациями через их положительное переосмысление и переоценку, самоконтроль и принятие ответственности. Они

стараятся принимать решение, минимизируя участие эмоциональных переживаний, ориентируясь на рациональный подход при его принятии. При этом они признают свою роль в возникшей ситуации и берут ответственность за принятие решения.

Таким образом, мы видим, что в ситуации стресса активность женщин из второй группы направлена как вовне (поиск помощи со стороны других людей), так и на самих себя (планирование решения проблемы и создание положительного настроения в ситуации фрустрации),

что является гармоничным сочетанием защитных копинг-стратегий. К сожалению, в группе беременных женщин, находящихся в ситуации репродуктивного выбора, такое сочетание не было выявлено. В ситуации стресса их активность не имеет целенаправленного характера, у них наблюдается выраженная потребность в эмоциональной поддержке со стороны. При этом возникают сложности с аналитическим подходом к сложившейся ситуации, с поиском внутренних ресурсов для преодоления кризисного состояния.

Таблица 2. Показатели достоверных различий копинг-стратегий у женщин в эмпирической и контрольной группах

№	Вид копинг-стратегии	P
1.	Планирование решения проблемы	–
2.	Поиск социальной поддержки	–
3.	Положительная переоценка ситуации	0,048*
4.	Самоконтроль	0,043*
5.	Принятие ответственности	0,036*
6.	Конфронтационное поведение	0,041*
7.	Бегство–избегание	0,05*
8.	Дистанцирование от проблемы	–

Примечание:* — $p < 0,05$

Исследование самооотношения по методике В.В. Столина позволило выявить средние значения (см. табл. 3) по шкале «Глобальное самооотношение», что свидетельствует о средней выраженности внутренне недифференцированного чувства «за» и «против» у самих себя. По шкале «Самоуважение» в группе женщин с кризисной беременностью преобладают низкие значения, что свидетельствует о слабой вере в свои силы и возможности, о низком уровне энергии и об отсутствии понимания самих себя ($p < 0,05$). Шкала «Аутосимпатия» также представлена более низкими показателями (44 %) в эмпирической, нежели в контрольной группе (12 %).

Это говорит о том, что женщины с положительным эмоциональным отношением к беременности испытывают большее доверие к себе и имеют более положительную самооценку в отличие от женщин с кризисной беременностью ($p = 0,042 < 0,05$). Для женщин в ситуации репродуктивного выбора характерно ожидание заранее негативного отношения к себе со стороны окружающих (68 %) и отрицание своих как внешних, так и внутренних качеств.

Респонденты с незапланированной беременностью проявляют большую эмоциональную холодность к себе, слабый интерес к собственным мыслям и чувствам, не испытывают должного интереса к своей личности ($p = 0,041 < 0,05$). Статистически значимые различия наблюдаются также по шкале «Самообвинение» ($p = 0,046 < 0,05$). 48 % женщин с кризисной беременностью имеют низкие показатели по этой шкале, в то время как в контрольной группе такое проявление этого признака наблюдается в два раза реже (24 %).

Схожие результаты относительно эмоционального состояния женщин, находящихся в ситуации репродуктивного выбора, были получены с помощью методики «Воспринимаемый индекс вины» John R. Otterbacher, David C. Munz. Эмоциональное переживание чувства вины как состояния наблюдается у 13 % респондентов, находящихся в ситуации кризисной беременности, и у 21 % респондентов из контрольной группы. Таким образом, современные женщины, находясь в ситуации репродуктивного выбора, в меньшей степени испытывают чувство вины ($p < 0,05$). Вина сравни-

тельно редко воспринимается ими как нарушение внутренних правил, то есть тех правил, которым они внутренне следуют и которых придерживаются. Однако можно предполагать, что

данные негативные эмоции усиливаются у женщин, совершивших аборт, и осознаются ими, что многократно подтверждалось научными исследованиями.

Таблица 3. Сводная таблица средних показателей самооотношения в эмпирической и контрольной группах, %

Шкалы	Группы	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Шкала S (Глобальное самооотношение)	Эмп.	12	48*	40
	Контр.	8	64*	28
Шкала самоуважения (I)	Эмп.	40*	28*	32
	Контр.	16*	48*	36
Шкала аутосимпатии (II)	Эмп.	44*	36	20*
	Контр.	12*	48	40*
Шкала ожидаемого отношения от других (III)	Эмп.	68*	28*	4*
	Контр.	20*	56*	24*
Шкала самоинтереса (IV)	Эмп.	60*	16*	24
	Контр.	24*	56*	20
(2) Шкала отношения других	Эмп.	68*	24	8*
	Контр.	20*	25	56*
(3) Шкала самопринятия	Эмп.	24	32	44
	Контр.	20	40	40
(4) Шкала саморукводства	Эмп.	20	40	40*
	Контр.	28	48	24*
(5) Шкала самообвинения	Эмп.	48*	24*	28
	Контр.	24*	52*	24
(6) Шкала самоинтереса	Эмп.	36	32	32
	Контр.	32	48	20
(7) Шкала самопонимания	Эмп.	40	12*	48*
	Контр.	36	40*	24*

Примечание.* — $p < 0,05$

В современном массовом сознании появляется нездоровая тенденция рассматривать кризисную беременность как нарушение менструального цикла, который можно восстановить с помощью медикаментозного метода. Это объясняется срабатыванием ряда механизмов психологических защит на глубинном уровне личности женщины, а также легкомысленным отношением к абортам. Для снижения психологической травматизации женщины с кризисной беременностью бессознательно стремятся обесценить всю сложившуюся ситуацию, снять с себя ответственность, которая, безусловно, будет только расти с рождением ребенка и может привести к необратимым преобразованиям, полностью изменяющим жизнедеятельность женщины.

Именно женщинам с положительным эмоциональным отношением к беременности наиболее

свойственно чувство вины ($p = 0,041 < 0,05$). Это чувство сообщает респондентам о том, что они что-то сделали не так. Возможно, что чувство вины может иметь характер внушения, когда женщина не чувствует себя виноватой, но думает, что должна испытывать это чувство в данной ситуации, и интериоризирует это чувство от референтной группы.

При этом переживание чувства вины как генерализованной Я-концепции (черты) свойственно 36 % респондентов из эмпирической группы и 33 % женщин, положительно относящихся к своей беременности. Следует отметить, что таким женщинам, переживающим чувство вины как генерализованную Я-концепцию (черту), свойственны позиция жертвы, низкий уровень самооценности. У них наблюдается пассивная Я-позиция, которая характеризуется нарушением мотивационной сферы, осознания своих

потребностей, беспомощностью, отсутствием возможности что-либо изменить, сильной зависимостью от других.

Далее мы попытались исследовать уровень совестливости в двух группах по методике «Шкала совестливости», в ходе чего были получены следующие результаты. Высокие значения шкалы совестливости наблюдаются у 35 % женщин, имеющих кризисную беременность, и у 54 % беременных женщин из контрольной группы. Это характеризует респондентов как добросовестных, имеющих чувство ответственности, стойкие моральные принципы. Они придерживаются этических стандартов, имеют чувство долга и высокий уровень самоконтроля. 42 % респондентов из эмпирической группы и 32 % респондентов из контрольной группы имеют средние значения по шкале совестливости.

Низкие значения по шкале совестливости наблюдаются у 23 % женщин с кризисной беременностью и 15 % респондентов из контрольной группы. Группе с низкими значениями уровня совестливости свойственны низкий уровень самоконтроля, халатность и небрежность, влияющие на их мотивацию поведения, игнорирование этических стандартов, отсутствие чувства долга и ответственности. Совестливость как психологический феномен, являясь устойчивой личностной характеристикой, не имеет статистически значимых различий в исследуемых группах ($p > 0,05$).

Выводы

Проанализировав полученные результаты, можно полагать, что проблема кризисной беременности у женщин в ситуации репродуктивного выбора является одной из важнейших в перинатальной психологии. Исследование личностных особенностей беременных женщин, специфики их совладающего поведения, особенностей эмоциональной и нравственной сферы позволяет более компетентно проводить преабортное консультирование и способствовать снижению остроты внутриличностного конфликта, нахождению ресурсов для конструктивного выхода из кризиса.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что женщины с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора имеют ряд психологических особен-

ностей, в отличие от женщин, у которых наблюдается положительное отношение к своей беременности. У первой группы респондентов мы отмечаем в большей степени деструктивные мотивы сохранения беременности: повышенную обеспокоенность материальным положением своей семьи, низкую степень готовности к материнству, отсутствие мотивации в настоящий момент посвятить себя родительству из-за учебы или карьеры, нежелание вносить ограничения в свою жизнь.

Схожими для исследуемых групп стали мотивы соответствия социальным ожиданиям, которые представлены высокими значениями шкал, отсутствия стремления воплотить свои нереализованные планы и мечты в собственных детях и нежелания манипулировать беременностью и ребенком в отношениях.

На наш взгляд, выявление истинных мотивов сохранения беременности может помочь провести своевременно психологическую коррекцию и гармонизировать состояние женщины в ситуации репродуктивного выбора.

Женщины с кризисной беременностью наиболее ориентированы на конфронтационное поведение как на способ совладающего поведения или на стратегию бегство-избегание. Самоконтроль, принятие ответственности, положительная переоценка ситуации как копинг-стратегии в большей степени представлены в контрольной группе. Для обеих групп также остается важным поиск социальной поддержки, планирование решения проблемы.

Женщины с кризисной беременностью проявляют слабую веру в свои силы и возможности, заранее склонны ожидать негативного отношения к себе со стороны окружающих, не проявляя при этом самообвинения. Находясь в ситуации кризисной беременности, также женщины в меньшей степени испытывают чувство вины, чем женщины с положительным отношением к беременности. Наличие чувства вины как черты личности наблюдается у респондентов обеих групп. Исследование совестливости как морального качества показало преобладание высоких и средних значений шкал и отсутствие достоверных различий в двух группах респондентов.

Таким образом, проведенное исследование во многом проясняет психологические особенности женщин с кризисной беременностью. Однако

эта проблема требует дальнейшего детального изучения. Это позволит психологам-консультантам, медицинскому персоналу, социальным работникам в период преабортного консультирования проводить работу по конструктивному выходу из кризисного состояния, оказывать женщинам профессиональную психологическую помощь и поддержку для нахождения ими внутренних ресурсов, способствовать развитию и становлению их материнской сферы.

Список литературы

Абрамченко В.В., Шамхалова И.А. Подготовка к безопасному материнству. М.: Элби, 2005. 204 с.

Айвазян И.А., Павлова А.В. Психологическая помощь в период беременности: Теоретический аспект // Медико-психологические аспекты современной перинатологии. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. С. 76–79.

Батуев А.С. Психофизиологическая природа доминанты материнства // Психология сегодня: Ежегодник Рос. психол. общ-ва. 1996. Т. 2, вып. 4. С. 69–70.

Борисов В.А. Перспектива рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.

Боровикова Н.В. Условия и факторы продуктивного развития Я-концепции беременной женщины: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1998. 20 с.

Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья Г.В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003. 480 с.

Брехман Г.И. Перинатальная психология: открывающиеся возможности // Перинатальная психология в родовспоможении: сб. материалов Междунар. конференции. СПб.: Глория, 1997. С. 8–9.

Брутман В.И., Панкратова М.Г., Ениколопов С.Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31–36.

Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 59–69.

Василенко Т.Д., Денисова О.В. Особенности эмоционально-смысловой сферы беременных женщин, имеющих опыт незавершенной беременности // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 1. URL: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_1_2/nomer/nomer09.php (дата обращения: 25.05.2019).

Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. М.: Когит-Центр, 2009. 240 с.

Винникот Д. Игра и реальность. М.: Ин-т общегуманитар. исслед., 2002. 288 с.

Волкова В.В. Психологические особенности отношения к материнству матерей-подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 23 с.

Галин А.П. Медицинские, социальные и психологические проблемы аборта у юных женщин: возможности реабилитации: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Ижевск, 2001. 25 с.

Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: Ганга, 2018. 528 с.

Дик-Рид Дж. Роды без страха. М.: Столица-Принт, 2005. 293 с.

Захаров А.И. Ребенок до рождения. СПб.: Питер, 1998. 144 с.

Зенкова Т.М. Особенности мотивационной сферы материнства беременных женщин с различным отношением к ребенку: дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 192 с.

Коваленко С.Н., Романцов М.Г., Грибанова С.В. Структура самосознания ВИЧ-инфицированных беременных женщин // Фундаментальные исследования. 2010. № 3. С. 62–67.

Козлова Т.В., Пивоварова Ю.А. Роль женских консультаций в поддержании мотивации сохранения беременности // Молодой ученый. 2017. № 5. С. 396–400.

Копыл О.А., Бас Л.Л., Баженова О.В. Готовность к материнству: выделение факторов и условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.

Красильникова Е.Д. Проблемы исследования мотивов зачатия и сохранения беременности // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 5. С. 145–150.

Куценко О.С. Аборт или Рождение? Две чаши весов: пособие для психологов и других специалистов, работающих женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора. СПб.: Любавич, 2011. 375 с.

Мальгина Г.Б. Стресс и беременность: перинатальный аспект. Екатеринбург: Чаронд, 2002. 188 с.

Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н., Ганошенко Н.И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений матери и ребенка // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Т. 1. Психология. Философия. М., 1996. С. 235–242.

Миронова Е.С. Психологические факторы неготовности к материнству (на примере женщин с угрозой прерывания беременности): автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 24 с.

Подобина О.Б. Совладающее поведение женщин на этапе принятия роли матери: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005. 22 с.

Попова Ю.Н. Психологические особенности личности современных женщин с различными репродуктивными установками: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2005. 23 с.

Пултавская В. Влияние прерывания беременности на психику женщины. М., 2002. 44 с.

Родионова М.С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка // Перинатальная психология и психология родительства. 2005. № 1. С. 23–27.

Рыбовалюк Л.Н., Кравцова Н.А. Мотивы сохранения беременности (по данным наблюдений клинического психолога) // Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на дальнем Востоке. 2012. № 2. С. 119–124.

Санегина М. Самоотношение беременных женщин. Особенности самоотношения женщин с различными характеристиками беременности. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 128 с.

Смирнова Е.А. Что нужно женщине, которая «уже все решила». Консультирование в ситуации кризисной беременности. М., 2013. 128 с.

Филитова Г.Г. Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. 1999. Т. 20, № 5. С. 81–88.

Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 144 с.

Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2014. 416 с.

Уилке Дж., Уилке Б. Мы можем любить их обоих. Аборт: вопросы и ответы. М.: Православный медико-просветительский центр «Жизнь», 2002. 375 с.

Хамитова И.Ю. Семейная история и ее влияние на переживание беременности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 4. URL: <https://psyjournal.ru/articles/semeynaya-istoriya-i-eyo-vliyanie-na-perezhivanie-beremennosti> (дата обращения: 25.05.2019).

Шелехов И.Л., Гребенникова Е.В. Методологический подход к исследованию репродуктивного поведения женщины как к системному структурно-уровневому феномену // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 89–94.

Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. 2-е изд. СПб.: Ленато: АСТ, 1996. 592 с.

Яковлева И.В., Куценко О.С. Социальная реклама как средство психологической помощи беременной женщине при принятии решения о рождении ребенка // Ученые Записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. № 2, т. 12. С. 41–49.

Якухина В.И. Возрастные особенности детерминации представлений об основаниях искусственного прерывания беременности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2019. 20 с.

Bibrign G., Dwyer T.F., Huntington D.S., Valenstein A.F. A Study of the Psychological Processes in Pregnancy and of the Earliest Mother-Child Relationship: I. Some Propositions and Comments // The Psychoanalytic Study of the Child. 1961. Vol. 16. P. 9–24. DOI:

<https://doi.org/10.1080/00797308.1961.11823197>

Kestenberg J. Regression and reintegration in pregnancy // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1976. Vol. 24. P. 213–250.

Newton R.W., Hunt L.P. Psychosocial stress in pregnancy and its relation to low birth weight // British Medical Journal. 1984. Vol. 288. P. 1191–1194. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.288.6435.2000>

Получено 20.06.2019

References

Abramchenko, V.V. and Shamkhalov, I.A. (2005). *Podgotovka k bezopasnomu materinstvu* [Preparation for safe motherhood]. Moscow: Elby Publ., 204 p.

Aivazyan, I.A. and Pavlova, A.V. (2003). *Psikhologicheskaya pomoshch' v period beremennosti: Teoreticheskiy aspekt* [Psychological assistance during pregnancy: Theoretical aspect]. *Mediko-psikhologicheskie aspekty sovremennoy perinatologii* [Medical and psychological aspects of modern perinatology]. Moscow: Institute of psychotherapy Publ., pp. 76–79.

Batuev, A.S. (1996). *Psikhofiziologicheskaya priroda dominanty materinstva* [Psychophysiological nature of the dominant motherhood]. *Psikhologiya segodnya. Ezhegodnik Rossiyskogo psikhologicheskogo obschestva* [Psychology today. Yearbook of the Russian psychological society]. Vol. 2, iss. 4, pp. 69–70.

Bibring, G.L., Dwyer, T.F., Huntington, D.S. and Valenstein, A.F. (1961). A study of the psychological

processes in pregnancy and of the earliest mother-child relationship: I. Some propositions and comments. *The Psychoanalytic Study of the Child*. Vol. 16, pp. 9–24. DOI: <https://doi.org/10.1080/00797308.1961.11823197>

Borisov, V.A. (1976). *Perspektiva rozhdadnosti* [The prospect of fertility]. Moscow, 248 p.

Borovikova, N.V. (1998). *Usloviya i faktory produktivnogo razvitiya Ya-kontseptsii beremennoy zhenshchiny: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Conditions and factors of productive development of Self-concept of pregnant woman: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 20 p.

Boulbi, Dzh. (2003). *Privyazannost'* [Attachment]. Moscow: Gardariki Publ., 480 p.

Brekhman, G.I. (1997). *Perinatal'naya psikhologiya: otkryvayushchiesya vozmozhnosti* [Perinatal psychology: emerging opportunities]. *Perinatal'naya psikhologiya v rodovspomozhenii: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii* [Perinatal psychology in obstetrics: proc. of the international conference]. Saint-Petersburg: Gloria Publ., pp. 8–9.

Brutman, V.I., Filippova, G.G. and Khamitova, I.Yu. (2002). *Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya zhenshin vo vremya beremennosti i posle rodov* [Dynamics of psychological state of women during pregnancy and after childbirth]. *Voprosy psikhologii*. No. 1, pp. 59–69.

Brutman, V.I., Pankratova, M.G. and Enikolopov, S.N. (1994). *Nekotorye rezul'taty obsledovaniya zhenshin, otkazavshikhsya ot svoikh novorozhdennykh detey* [Some results of the survey of women who abandoned their newborn children]. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 31–36.

Dik-Rid, Dzh. (2005). *Rody bez strakha* [Childbirth without fear]. Moscow: Stolitsa-Print Publ., 128 p.

Erikson, E. (1996). *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. Saint-Petersburg: Lenato Publ., AST Publ., 592 p.

Filippova, G.G. (1999). *Materinstvo: sravnitel'no-psikhologicheskii podkhod* [Motherhood: comparative and psychological approach]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 20, no. 5, pp. 81–88.

Freud, A. (1993). *Psikhologiya Ya i zaschitnye mekhanizmy* [Psychology I and protective mechanisms]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 144 p.

Freud, Z. (2014). *Vvedenie v psikhoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow: AST Publ., 416 p.

Galín, A.P. (2001). *Meditssinskie, sotsial'nye i psikhologicheskie problemy aborta u yunyykh*

zhenshin: Vozmozhnosti rehabilitatsii: avtoref. dis. ... kand. med. nauk [Medical, social and psychological problems of abortion for young women: Opportunities of rehabilitation: Abstract of Ph.D. dissertation]. Izhevsk, 25 p.

Grof, S. (2018). *Za predelami mozga. Rozhdenie, smert' i transsendentsiya v psikhoterapii* [Beyond the brain. Birth, death and transcendence in psychotherapy]. Moscow: Ganga Publ., 528 p.

Kestenberg, J. (1976). Regression and reintegration in pregnancy. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. Vol. 24, pp. 213–250.

Khamitova, I.Yu. (2005). *Semeynaya istoriya i ee vliyanie na perezhivanie beremennosti* [Family history and its influence on pregnancy experience]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis]. No. 4. Available at: <https://psyjournal.ru/articles/semeynaya-istoriya-i-eyo-vliyanie-na-perezhivanie-beremennosti> (accessed 25.05.2019).

Kopyl, O.A., Bas, L.L. and Bazhenova, O.V. (1993). *Gotovnost' k materinstvu: vydelenie faktorov i usloviy psikhologicheskogo riska dlya buduschego razvitiya rebenka* [Readiness by motherhood: allocation of factors and conditions of psychological risk for future development of the child]. *Sinaps* [Synapse]. No. 4, pp. 35–42.

Kovalenko, S.N., Romantsov, M.G. and Gribanova, S.V. (2010). *Struktura samosoznaniya VICH-infitsirovannykh beremennykh zhenshin* [Structure of self-awareness of HIV-infected pregnant women]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental Research]. No. 3, pp. 62–67.

Kozlova, T.V. and Brevarova, E.A. (2017). *Rol' zhenskikh konsul'tatsiy v podderzhanii motivatsii sokhraneniya beremennosti* [Role of women's consultations in maintaining the motivation of pregnancy preservation]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist]. No. 5, pp. 396–400.

Krasil'nikova, E.D. (2009). *Problemy issledovaniya motivov zachatiya i sokhraneniya beremennosti* [Problems of a research of motives of conception and preservation of pregnancy]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University]. No. 5, pp. 145–150.

Kutsenko, O.S. (2011). *Abort ili Rozhdenie? Dve chashi vesov* [Abortion or Birth? Two bowls of scales]. Saint-Petersburg: Lubavich Publ., 375 p.

Mal'gina, G.B. (2002). *Stress i beremennost': perinatal'nyy aspekt* [Stress and pregnancy: the perinatal aspect]. Yekaterinburg: Charond Publ., 188 p.

Mescherekova, S.Yu., Avdeeva, N.N. and Ganoshenko, N.I. (1996). *Izuchenie psikholog-*

icheskoj gotovnosti k materinstvu kak faktora razvitiya posleduyuschikh vzaimootnosheniy materi i rebenka [Studying of psychological readiness for motherhood as factor of development of the subsequent relationship of mother and child]. *Gumanitarnaya nauka v Rossii. Sorosovskie lauryaty. T. 1: Psikhologiya. Filosofiya* [Humanities in Russia: Soros laureates. Vol. 1: Psychology. Philosophy]. Moscow, pp. 235–242.

Mironova, E.S. (2011). *Psikhologicheskie faktory negotovnosti k materinstvu (na primere zhenshin s ugrozoy preryvaniya beremennosti): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological factors of unavailability by motherhood (on the example of women with threat of termination of pregnancy): Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 24 p.

Newton, R.W. (1984). Psychosocial stress in pregnancy and its relation to low birth weight. *British Medical Journal*. Vol. 288, pp. 1191–1194. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.288.6435.2000>

Podobina, O.B. (2005). *Sovladayushee povedenie zhenshin na etape prinyatiya roli materi: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The knowledge of women at the stage of acceptance of the role of mother: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saint-Petersburg, 22 p.

Popova, Yu.N. (2005). *Psikhologicheskie osobennosti lichnosti sovremennykh zhenshin s razlichnymi reproduktivnymi ustanovkami: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the personality of modern women with different reproductive settings: Abstract of Ph.D. dissertation] Tomsk, 23 p.

Pultavskaya, V. (2002). *Vliyanie preryvaniya beremennosti na psikhiku zhenschiny* [The effect of abortion on the psyche of a woman]. Moscow, 44 p.

Rodionova, M.S. (2005). *Dinamika perezhivaniya zhenshinoy krizisa otказа ot rebenka* [Dynamics of experience by the woman of crisis of refusal of the child]. *Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva* [Perinatal Psychology and Parenting Psychology]. No. 1, pp. 23–27.

Rybovalyuk, L.N. and Kravtsova, N.A. (2012). *Motivy sokhraneniya beremennosti (po dannym nablyudeniya klinicheskogo psikhologa)* [Motives of preservation of pregnancy (according to observations of the clinical psychologist)]. *Gumanitarnye issledovaniya v vostochnoy Sibiri i na dal'nem Vostoke* [Humanitarian researches in Eastern Siberia and in the Far East]. No. 2, pp. 119–124.

Sapegina, M. (2012). *Samooshcheshenie beremennykh zhenshin. Osobennosti samooshchesheniya zhenshin s razlichnymi kharakteristikami beremennosti* [Self-release of pregnant women. Features of self-transmission of women with different character-

istics of pregnancy]. Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publ., 128 p.

Shelekhov, I.L. and Grebennikova, E.V. (2015). *Metodologicheskiy podkhod k issledovaniyu reproduktivnogo povedeniya zhenschiny kak k sistemnomu strukturno-urovnevomu fenomenu* [Methodological approach to research of reproductive behavior of women as a systemic structural-level phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 9, pp. 98–94.

Smirnova, E.A. (2013). *Chto nuzhno zhenschine, kotoraya «uzhe vse reshila»*. *Konsul'tirovanie v situatsii krizisnoy beremennosti* [What is necessary for the woman who «already solved everything». Consultation in a situation of crisis pregnancy]. Moscow, 128 p.

Uilke, Dzh. and Uillke, B. (2002). *My mozhem lyubit' ikh oboikh. Abort: voprosy i otvety* [We can love both of them. Abortion: questions and answers]. Moscow: Orthodox medical and educational center «Zhizn'» Publ., 375 p.

Varga, A.Ya. (2009). *Vvedenie v sistemnyuyu semeynuyu psikhoterapiyu* [Introduction to systemic family psychotherapy]. Moscow: Cogit Center Publ., 240 p.

Vasilenko, T.D. and Denisova, O.V. (2002). *Osobennosti emotsional'no-smyslovoy sfery beremennykh zhenshin, imeyuschikh opyt nezavershennoy beremennosti* [Features of emotional and semantic sphere of pregnant women with experience of incomplete pregnancy]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. No. 1. Available at: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_1_2/nomer/nomer09.php (accessed 25.05.2019).

Vinnikot, D. (2002). *Igra i real'nost'* [Game and reality]. Moscow: Institut Obschegumanitarnykh Issledovaniy Publ., 288 p.

Volkova, V.V. (2005). *Psikhologicheskie osobennosti otnosheniya k materinstvu materey-podrostkov: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological features of the relation to motherhood of teenage mothers: Abstract of Ph.D. dissertation]. Khabarovsk, 23 p.

Yakovleva, I.V. and Kutsenko, O.S. (2009). *Sotsial'naya reklama kak sredstvo psikhologicheskoy pomoschi beremennoy zhenschine pri prinyatii resheniya o rozhdenii rebenka* [Social advertizing as means to the pregnant woman, psychological on power, at making decision on the child's birth]. *Uchenye Zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty* [Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work]. No. 2, vol. 12, pp. 41–49.

Yakukhina, V.I. (2019). *Vozrastnye osobennosti determinatsii predstavleniy ob osnovaniyakh is-*

kusstvennogo preryvaniya beremennosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk [Age features of determination of ideas of the bases of abortion: Abstract of Ph.D. dissertation]. Saint-Petersburg, 20 p.

Zakharov, A.I. (1998). *Rebenok do rozhdeniya* [Baby before birth]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 144 p.

Zenkova, T.M. (2005) *Osobennosti motivatsionnoy sfery materinstva beremennykh zhenshin s razlichnym otnosheniem k rebenku: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Features of the motivational sphere of motherhood of pregnant women with various attitude towards the child:dissertation]. Khabarovsk, 192 p.

Received 20.06.2019

Об авторе

Осипенко Ирина Михайловна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры клинической психологии

Смоленский государственный медицинский университет,
214019, Смоленск, ул. Крупской, 28;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6645-7853>

About the author

Irina M. Osipenko

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Clinical Psychology

Smolensk State Medical University,
28, Krupskaya str., Smolensk, 214019, Russia;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6645-7853>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Осипенко И.М. Психологические особенности женщин с кризисной беременностью в ситуации репродуктивного выбора // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 388–401. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-388-401

For citation:

Osipenko I.M. Psychological characteristics of women with crisis pregnancy in situation of reproductive choice // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 388–401. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-388-401

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2:336.714

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-402-411

**КОРПОРАТИВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕЖДУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ***Долгорукова Ирина Владимировна**Российский государственный социальный университет*

В данной работе автор задается вопросом: готовы ли современные компании создавать системы корпоративных социальных инвестиций для обеспечения социальной справедливости или они могут лишь имитировать корпоративную социальную ответственность. Рассматривается дилемма, с которой сталкиваются современные предприятия, конкурирующие на глобальном рынке. Современная конкурентная среда предусматривает участие бизнеса в социальных программах. Однако это требует от предприятий значительных дополнительных затрат, приносящих прибыль лишь в долгосрочной перспективе. Автор анализирует результаты эмпирических социологических исследований, проведенных на базе Российского государственного социального университета в 2011–2016 гг. На основании этих исследований автор делает вывод о том, что корпоративные социальные инвестиции дают предприятиям значимые конкурентные преимущества и повышают их социальную репутацию. Однако их хаотичность и бессистемность приводит к падению финансовой эффективности деятельности компании. Определена необходимость целенаправленного выбора объекта социальных инвестиций, учитывающего экономические интересы компании в долгосрочной перспективе. Статья будет интересна руководителям компаний, специалистам министерств и ведомств, участвующих в разработке политики в области социального предпринимательства, предпринимателям, научным сотрудникам, аспирантам и студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

Ключевые слова: корпоративное социальное инвестирование, социальная ответственность, корпоративная социальная политика, социальная справедливость, экономическая социология.

**CORPORATE SOCIAL INVESTMENT IN MODERN RUSSIA:
BETWEEN ECONOMIC EFFICIENCY AND SOCIAL JUSTICE***Irina V. Dolgorukova**Russian State Social University*

The paper considers the dilemma faced by modern enterprises competing in the global market. Modern competitive environment provides for the participation of business in social programs. However, this requires enterprises to incur significant additional costs, yielding profits only in the long term. The author asks the question whether modern companies are ready to create systems of corporate social investments to ensure social justice or they can only imitate corporate social responsibility. The author analyzes the results of empirical sociological researches that has been carried out in Russian State Social University in 2011–2016. Base upon these studies the author concludes that corporate social investments give enterprises significant competitive advantages and increase their social reputation. However, if these investments are chaotic and unsystematic it lacks a financial efficiency of the company. So, the

purposeful choice of the object of social investment in accordance with the economic interests of the company in the long term are essential. The article will be of interest to company executives, specialists of ministries and departments involved in the development of policies in the field of social entrepreneurship, entrepreneurs, researchers, graduate students and students of higher education institutions, as well as a wide range of readers.

Keywords: corporate social investment, social responsibility, corporate social policy, social justice, economic sociology.

Введение

Вследствие длительного и непрерывного развития капиталистических отношений во многих западных странах сформировалась разветвленная система регламентирования взаимоотношений частных предприятий, общества и власти в области социального инвестирования в развитие страны в целом и в отдельные территории. Сегодня в разных государствах вовлеченность предпринимательства в сферу социальных инвестиций может определяться действующим налоговым, коммерческим, трудовым, экологическим законодательством или может осуществляться самостоятельно при условии существования системы установленных стимулов и льгот [Долгорукова И.В., 2016b, с. 36].

Социальную справедливость можно трактовать как один из важнейших социальных идеалов, на который сегодня, в условиях значительных дифференциации и неравенства, формируется мощный общественный запрос. Конкретное содержание этой категории, а также ее наименование менялось в процессе развития научных представлений о социуме. Согласно некоторым современным трактовкам, осуществление принципа социальной справедливости должно включать равенство всех граждан перед законом, обеспечение гарантий жизнедеятельности человека, высокий уровень социальной защиты граждан.

Реализация принципа социальной справедливости в условиях рыночной экономики предполагает достойную зарплату, свободный доступ граждан к здравоохранению, образованию, культуре, спорту, социальное обеспечение инвалидов и детей-сирот, обеспечение работой каждого трудоспособного и другие направления, входящие в систему корпоративной социальной ответственности.

В условиях рыночной экономики конкурентная среда заставляет бизнесмена направлять свои усилия на удовлетворение обще-

ственных запросов. Однако социальная вовлеченность не будет препятствовать увеличению прибыли предприятия, если его руководитель верно понимает принципы организации рынка. Такие условия создают сильную мотивацию к инициативной деятельности, способствуют развитию и социальной сферы, и предпринимательских отношений. Но не следует забывать о том, что рыночная экономическая система, основанная на капиталистических отношениях, по сути своей поощряет социальную несправедливость общества [Cramer J., 2003, p. 10; Dees J., 1998; Readman E., 2005, p. 103].

Экономическая власть сосредоточена в руках собственников средств производства. Одновременно основная часть населения отчуждена от права собственности на производственные ресурсы. Это порождает ее экономическую и социальную зависимость. В условиях рыночной экономики собственники средств производства или топ менеджеры предприятий выступают как работодатели, а большая часть остального населения — как наемные работники. Формируется значительная дифференциация доходов, происходит обогащение одних и обнищание других, имущественное расслоение. Иначе говоря, сама по себе рыночная экономика автоматически не может обеспечить социальную справедливость.

Принципы социальной справедливости в каждой стране на определенном этапе ее развития реализуются в той степени, в которой это позволяет сделать фактическое состояние ее экономики. Социальная справедливость возможна только при высоких темпах экономического развития, определяющего финансовую основу решения социальных вопросов не только государственными структурами, но и другими субъектами: такими, как общественные организации и бизнес-сообщество.

Сохраняя некоторые черты благотворительности, корпоративные социальные инвестиции определяют новый уровень развития отноше-

ний между властью, бизнесом и обществом в целом.

Корпоративное социальное инвестирование может анализироваться как одно из направлений корпоративной социальной политики компании. Важно понимать, что речь идет не только о минимизации негативных эффектов от деятельности компании, но и о развитии инфраструктуры социальной сферы региона [Мацусита К., 2010, с. 58].

В наиболее широком смысле корпоративное социальное инвестирование можно определить как предоставление финансовых и нефинансовых ресурсов предприятия (материальных, технологических, управленческих, трудовых, информационных и других) для развития социальной инфраструктуры региона или решения внутренних социальных задач коллектива компании. Узкая трактовка этого термина предполагает только экономическую поддержку социальных проектов и программ [Иванова Н.В., 2013, с. 35].

Корпоративное социальное инвестирование становится нормой социально-экономической деятельности компаний в странах Европы и США с середины XX в. Сегодня социальные инвестиции становятся инструментом реализации социальных проектов не только в экономически развитых странах, но и в странах третьего мира. Корпоративные социальные инвесторы отличаются от экономических тем, что вкладывают средства в проект, исходя не только из расчета на ожидаемую прибыль, но и из предполагаемого социального эффекта — разрешения определенной социально значимой проблемы. В этом случае для инвестора именно решение социальной проблемы является первичным по отношению к прибыльности проекта [Гордеев Э.Н., Астахов А.П., 2005].

Изучение корпоративного социального инвестирования сегодня особенно актуально в социологической науке и социально-экономической практике. На первоначальных ступенях развития социально-ответственной деятельности компаний ее рассматривали исключительно как благотворительность и спонсорство. И та, и другая деятельность характеризуются бессистемностью и не предполагают планирования возврата затраченных средств. Социальные инвестиции отличаются системным подходом к социальным трагам и планированием достиже-

ния социального и экономического эффекта при условии рациональности расходования ресурсов [Долгорукова И.В., 2016а, с. 79].

Основные подходы к анализу корпоративного социального инвестирования представлены в современном гуманитарном дискурсе в рамках теории «просвещенного эгоизма», концепции «корпоративного эгоизма» и идеи «добровольного участия предприятий в решении социальных вопросов».

Теория «корпоративного эгоизма». Основной принцип данного подхода опирается на то, что использование социальных инвестиций корпорациями и небольшими предприятиями может объясняться исключительно одной-единственной целью: применением своих ресурсов для увеличения прибыли.

Концепция «корпоративного эгоизма» разработана лауреатом Нобелевской премии в области экономических наук Милтоном Фридманом. В соответствии с его подходом к изучению данной проблемы, «существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использовать и распоряжаться своими ресурсами и энергией в действиях, ведущих к росту прибыли, пока это осуществляется в пределах правил игры, которая объясняет привлекательность к открытому и бесплатному соревнованию без обмана или фальсификации» [Friedman, M., 1970].

Американский экономист М. Фридман получил Нобелевскую премию в 1976 г. «за достижения в области анализа потребления, истории денежного обращения и разработки монетарной теории, а также за практический показ сложности политики экономической стабилизации». Будущий исследователь окончил Чикагский университет, защитил докторскую диссертацию по философии в Колумбийском университете. Долгое время он работал профессором в Чикагском и Кембриджском университетах, а в 1967 г. стал президентом Американской экономической ассоциации. Сегодня Институтом Катона вручается «Премия Милтона Фридмана за развитие свободы».

Согласно Фридману, корпоративные социальные инвестиции возможны только в рамках выполнения обязательств, которые власть предъявляет к предпринимателю. В более поздних работах Фридман употребляет термин «компания собственников». Это означает, что

социальные вложения компании должны, прежде всего, обеспечивать финансовые и экономические интересы собственников и что они могут применяться только в том случае, если ведут в конечном итоге к увеличению прибыли компании. Данная концепция стала основой для модели социальной деятельности предприятий в рамках англосаксонского капитализма. По мнению Фридмана, «первый шаг в направлении ясности в исследовании собственной доктрины социальной ответственности бизнеса — точно выяснить, кому и для кого это необходимо» [Friedman, M., 1970, p. 123].

Фридман утверждал, что альтруистические социальные решения — это нарушение основных принципов предпринимательства. С точки зрения ученого, внимание должно уделяться исключительно удовлетворению интересов стейкхолдеров. Согласно М. Фридману, к стейкхолдерам (выгодополучателям от деятельности компании) можно отнести:

- владельцев фирмы;
- работников фирмы;
- покупателей продукции фирмы;
- поставщиков разного рода ресурсов;
- общественные группы;
- местное сообщество;
- государство.

Следовательно, руководители компании, которые хотят завоевать (или поддержать) свою легитимность и доказать свою социальную ответственность, должны управлять предприятием так, чтобы интересы вышеупомянутых стейкхолдеров не были нарушены.

Эта концепция является примером применения индивидуалистского подхода к организации социального инвестирования, а также попыткой комбинирования экономической эффективности и социальной справедливости. В модели постулируется, что менеджеры компании ответственны, прежде всего, перед стейкхолдерами, к которым относится общественность.

Концепция «просвященного эгоизма» (разработана Комитетом по экономическому развитию США). Основная идея заключается в том, что текущее уменьшение прибылей компании за счет корпоративного социального инвестирования создает благоприятную социальную обстановку для компании, способствующую ее устойчивому развитию.

Основная идея заключается в том, что корпоративные социальные инвестиции — это «хороший бизнес» на перспективу, так как он сокращает потери компании в долгосрочной перспективе. Расходуя средства на благотворительные и социальные программы, компания сокращает свои текущие финансовые прибыли, но в долгосрочной перспективе формирует благоприятную социальную обстановку, а затем и более устойчивые прибыли в будущем. Корпоративные социальные инвестиции позволяют улучшить отношения в коллективе, социальную репутацию корпорации, привлечь новых клиентов, инвесторов и помощников, повысить стоимость акций корпорации на рынке, увеличить продажи продукции.

Концепция «добровольного участия». Данную позицию пропагандируют Европейская комиссия, Ассоциация менеджеров и другие авторитетные государственные и общественные организации. В рамках этой концепции высказывается идея добровольного участия компаний в социальной жизни региона. Социальная ответственность здесь признается в качестве компонента конкурентного поведения компании, а отсутствие проявления такого поведения выходит за рамки нормы экономической эффективности [Yudina T.N. et al., 2015, p. 453].

Сущность корпоративного социального инвестирования сводится, прежде всего, к выполнению социальных гарантий и обязательств предприятия, а также включает в себя участие компании в благотворительных акциях и проектах. Оно предполагает альтруистическое, в большей степени партнерское сотрудничество. Для данного понимания социального инвестирования характерно понятие «компания участников», когда предприятие понимается как система, общность, где происходит взаимодействие и сотрудничество сразу всех возможных элементов управленческой подсистемы компании: менеджеров, руководителей, акционеров, а также представителей сообщества, элиты и, возможно, государственных структур. В «компаниях участников» корпоративное социальное инвестирование становится общим результатом. Такой подход характерен для европейской модели предпринимательства, а также широко распространен в Японии, где бизнес основывается на партнерских отношениях [Социальное предпринимательство..., 2011, с. 98].

Методика

Проблемы участия российских компаний в программах корпоративного социального инвестирования изучались в ходе социологических исследований, проведенных в 2011 г. исследователями Российского государственного социального университета. В социологическом опросе участвовали 1500 респондентов — работников компаний в пяти федеральных округах России. Генеральную совокупность составило экономически активное население страны (76 млн чел.). Кроме того, был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 210 руководителей крупных и средних компаний страны. В 2016 г. был проведен опрос экспер-

тов — руководителей крупных и средних компаний, что позволило актуализировать результаты исследования.

Результаты

Руководители предприятий в ходе исследования оценивали возможность участия их компаний в реализации корпоративного социального инвестирования. Речь шла об общей установке на построение системы корпоративной социальной политики (рис. 1). Также в ходе исследования были записаны отдельные высказывания предпринимателей, характеризующие корпоративные социальные инвестиции как венчурные, невозполнимые затраты.

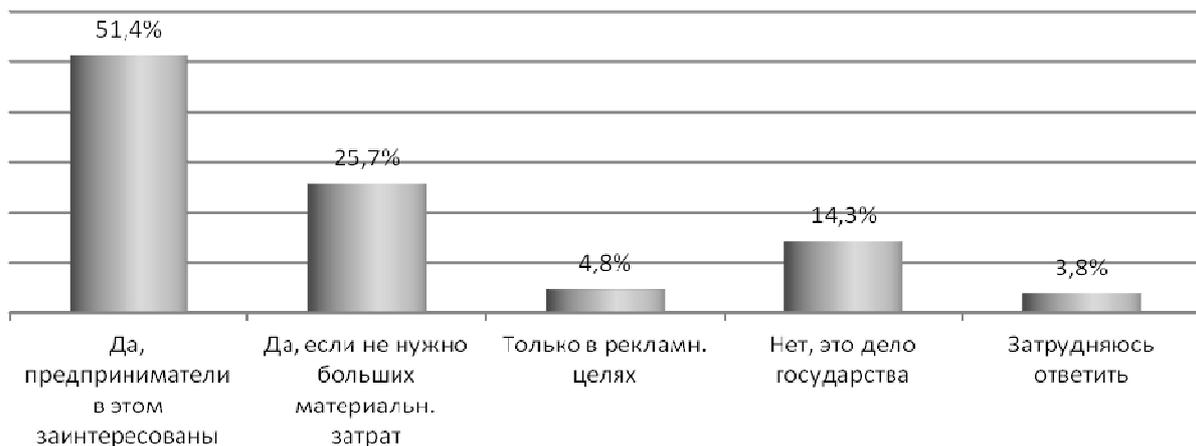

Рис. 1. Распределение ответов руководителей предприятий на вопрос «Должен ли, по Вашему мнению, бизнес реализовывать социальные инвестиции?» (в процентах к общему числу респондентов)

Большая часть опрошенных респондентов отметили, что бизнес сам заинтересован в реализации социальных инвестиций (51,4 %), гораздо меньше опрошенных руководителей компаний указали, что социальное инвестирование — это дело государственных структур (14,3 %).

Показательно в этой связи то, каким образом соотносятся ответы руководителей компаний на вопросы «Имеет ли для вашей компании значение социальная репутация?» и «Каковы ближайшие перспективы Вашего предприятия, организации?» (рис. 2).

Те респонденты, которые уделяют должное внимание социальной репутации, в основном

положительно оценивают перспективы своей компании. Связь между осознанием необходимости формировать социальную репутацию компании и стремлением расширять свое дело, развиваться подтверждается также значимой корреляцией между этими показателями (коэффициент корреляции — 0,794). Следовательно, те руководители, которые настроены на развитие компании, осознали необходимость системного формирования социальной репутации.

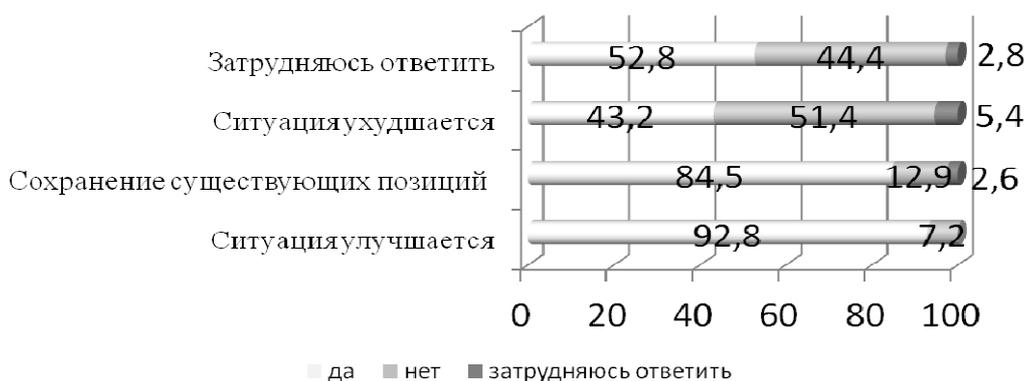

Рис. 2. Сопряжение ответов респондентов на вопросы «Имеет ли для вашей компании значение социальная репутация?» и «Каковы предстоящие перспективы вашего предприятия?»

Можно было бы предположить, что эта тенденция локализована только в среде российских предпринимателей, но это не так. Интересны в этой связи результаты мониторингов, проведенных маркетинговой компанией «Walker Information». В ходе исследований была выявлена значимая зависимость между таким показателем, как «социальная ценность компании», под которой понимается суммарный эффект ее позитивного влияния на общество, и преданностью бренду, лояльностью клиентов по отношению к нему. Повышение социальной ценности компании на один пункт приводит к повышению лояльности потребителей на 0,55 пункта, в то время как повышение финансовой ценности компании на ту же позицию увеличивает лояльность только на 0,32 пункта. Орлицкий, Шмидт и Райнс пришли в 2003 г. к тому же выводу. Они обнаружили связь между экологической и социальной эффективностью и доходностью предприятия [Orlitzky M. et al., 2003].

В ходе исследования работникам предприятий предлагалось выбрать несколько наиболее важных для них направлений социальной помощи, которую может оказать компания. В большей степени сотрудники нуждаются в предоставлении возможности льготного отдыха в санаториях/детских учреждениях (более 43 %). Популярными также стали такие формы социальной поддержки, как корпоративная медицинская страховка (39,8 %) и выплата заработной платы без задержек (более 36 %). Ипотечное кредитование (25 %), как и поддержка нерабо-

тающих пенсионеров (14 %), оказалось не столь популярной мерой (рис. 3).

Также руководителям компаний было предложено определить приоритетные, по их мнению, направления социальной политики их компаний. На первых позициях оказались социальная защита сотрудников и их семей, выплата высокой заработной платы, обеспечение надежной работой и другие. Менее популярны такие направления социальной деятельности, как защита интересов России, улучшение экологической ситуации, поддержка образования и тому подобные внешние компоненты социального инвестирования (рис. 4).

В этой связи интересна оценка предпринимателями эффективности участия бизнеса в развитии различных видов социального инвестирования. Как показали результаты исследований руководители компаний могут называть определенные виды деятельности значимыми для развития социальной политики, но не считать участие в них эффективным для собственной компании. Опрошенные лидеры бизнеса сочли эффективным, прежде всего, такие виды деятельности, как подготовка квалифицированных рабочих кадров (30,5 %), вопросы труда и заработной платы (35,7 %), благоустройство территории, на которой развивается компания (31,9 %). Среди низкоэффективных направлений деятельности были отмечены участие компании в борьбе с бедностью (13,3 %), борьбе с беспорядочностью (21,6 %), борьбе с фальсифицированной продукцией (16,8 %) (рис. 5).

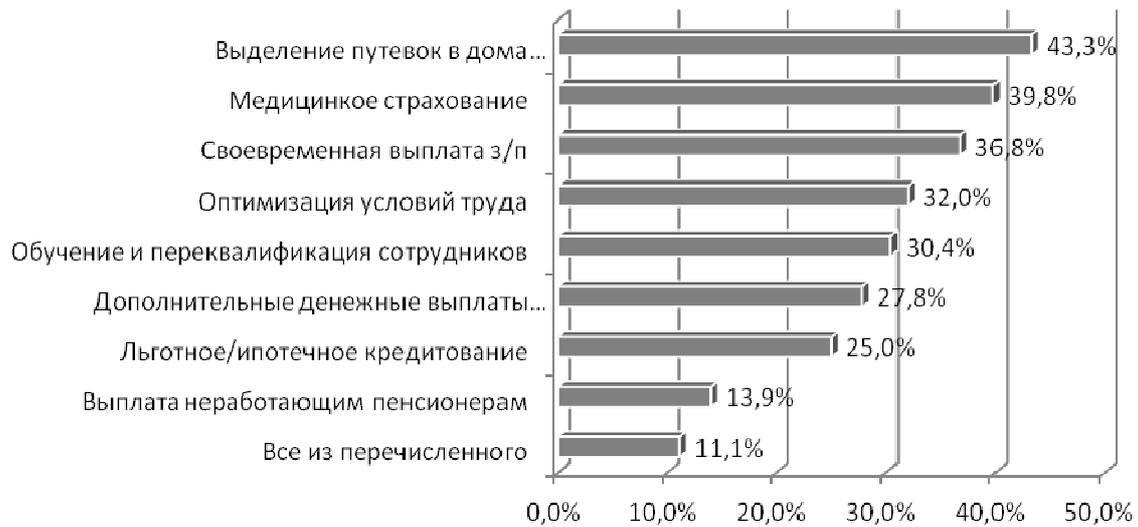

Рис. 3. Распределение ответов сотрудников компаний на вопрос «Какие из перечисленных направлений социальной помощи сотрудникам, по Вашему мнению, должно развивать Ваше предприятие?» (в процентах к общему числу респондентов)

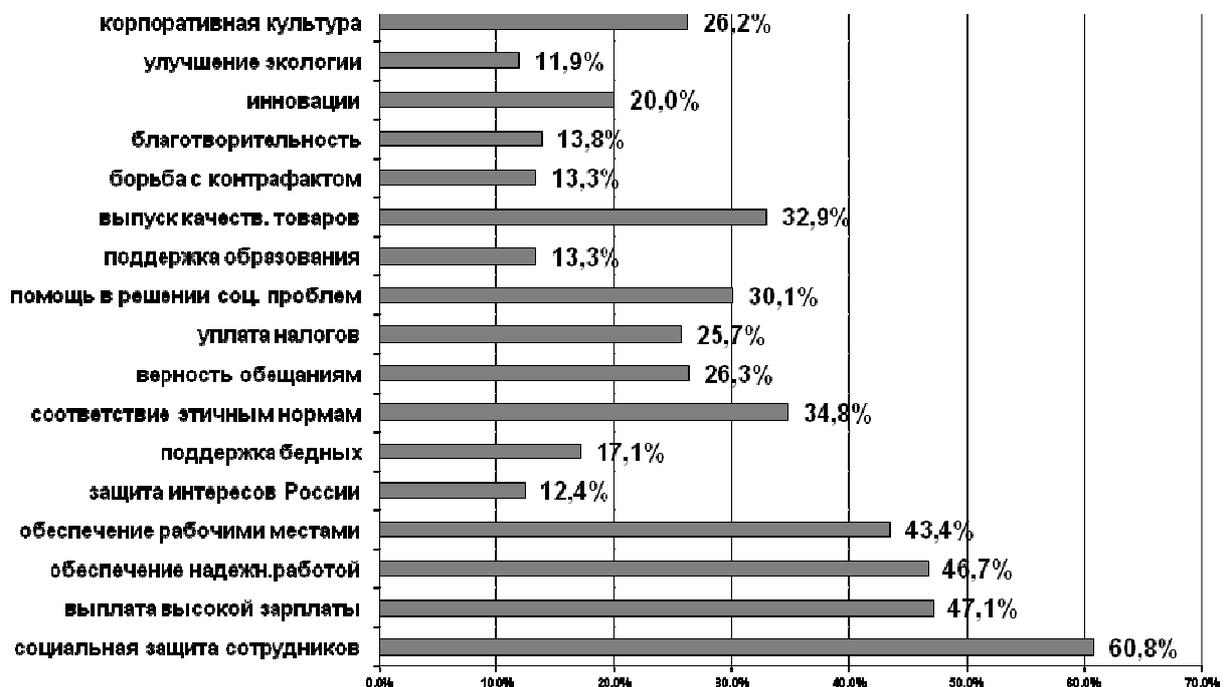

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления, по Вашему мнению, включает корпоративная социальная политика компании?» (в процентах к общему числу респондентов)

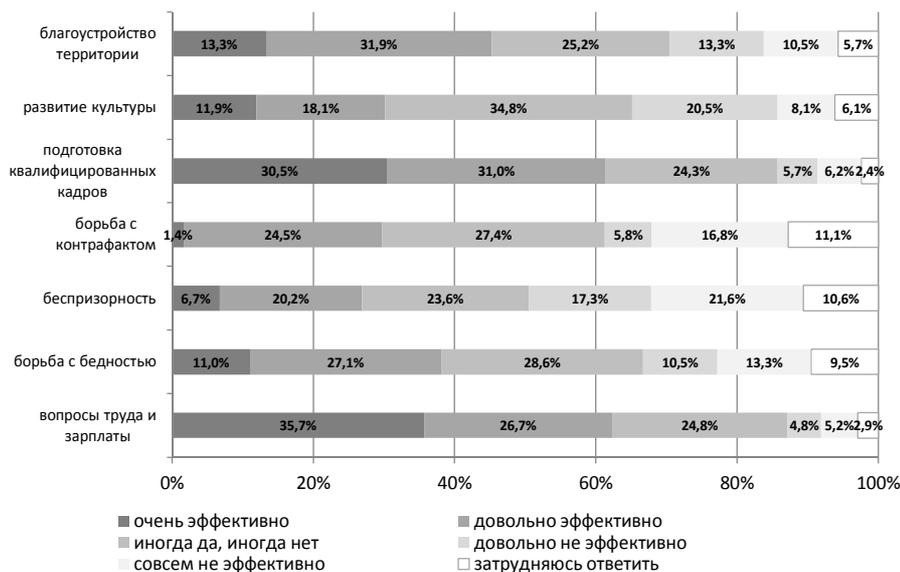

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Эффективно ли участие компании в решении следующих проблем?» (в процентах к общему числу респондентов)

Обсуждение

Рассуждая о корпоративном социальном инвестировании как о значимой компоненте функционирования социального института предпринимательства, необходимо упомянуть о социальной репутации. Это понимают и сами руководители компаний, что в значительной степени стимулирует их быть социально ответственными даже без должной поддержки государства [Тульчинский Г.Л., 2006, с. 90].

Понимание корпоративного социального инвестирования как инструмента достижения социальной справедливости не должно ограничиваться раскрытием только потенциала гражданской и правовой ответственности компании. Важно учитывать и участие бизнеса в социальной и экономической жизни населения региона [Некрасов Ю.С., 2004, с. 3].

Однако сегодня это не в полной мере осознается руководителями компаний. Данные социологических исследований демонстрируют, что корпоративное социальное инвестирование трактуется в основном в контексте внутренних направлений развития как вложение в кадровый потенциал предприятия [Шулус А., Деревянчен-

ко А., 2000, с. 75]. Одновременно с этим руководители компаний при построении системы корпоративной социальной политики игнорируют такие важнейшие направления социального инвестирования, как благотворительность, борьба с бедностью, участие в государственных социальных программах и так далее [Windsor D., 2006, р. 114]. Вместе с тем именно решение социальных проблем в стране может обеспечить реализацию запроса на социальную справедливость и требует участия бизнеса наравне с государством.

Заключение

Итак, можно сделать вывод, что корпоративные социальные инвестиции дают предприятиям значимые конкурентные преимущества и повышают их социальную репутацию. Однако их хаотичность и бессистемность приводит к падению финансовой эффективности деятельности компании. Очевидно, что необходим целенаправленный выбор объекта социальных инвестиций, учитывающий экономические интересы компании в долгосрочной перспективе.

Корпоративные социальные инвестиции можно отнести к венчурным вложениям. Оценить их финансовую эффективность крайне

сложно, а реальный экономический эффект для компании может сильно отличаться от запланированного и проявляться спустя долгое время. Однако такой вид инвестиций может стать значимым инструментом формирования социальной репутации компании. Кроме того, социальные инвестиционные проекты, как направленные на внешнюю среду предприятия, так и внутренние, изменяют общественную оценку роли бизнеса в социальной структуре, гармонизируют систему отношений бизнес – государство – общество и в конечном итоге являются ответом бизнеса на актуальный общественный запрос на социальную справедливость.

Список литературы

Гордеев Э.Н., Астахов А.П. Как организовать эффективную систему предотвращения утечки конфиденциальной информации из коммерческой организации / CISA. М., 2005.

Долгорукова И.В. Корпоративная социальная политика современного предприятия: теоретико-методологические основы социологического анализа // Научная социологическая школа РГСУ: 25 лет. Социология. Социальность. Современность: материалы XXI Социологических чтений РГСУ / гл. ред. Д.К. Танатова. М.: Перспектива, 2016. С. 78–80.

Долгорукова И.В. Устойчивость общественных институтов и корпоративная социальная политика: проблемы взаимовлияния // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15, № 1(114). С. 35–44. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2016-15-1-35-44>

Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 31–36.

Мацусита К. Миссия бизнеса: пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 191 с.

Некрасов Ю.С. Коллективный договор: что он собой представляет? // Кадровое дело. 2003. № 4. С. 3–5.

Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Московская. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2011. 284 с.

Тулчинский Г.Л. Корпоративная социальная ответственность (Социальные инвестиции, партнерство и коммуникации). СПб., 2006. 106 с.

Шулус А., Деревянченко А. О социальном партнерстве в сфере малого предпринимательства // Управление персоналом. 2000. № 4. С. 67–80.

Cramer J. Learning about Corporate Social Responsibility: The Dutch Experiment. Amsterdam: IOS Press, 2003. 153 p.

Dees J.G. The Meaning of Social Entrepreneurship. 1998. URL: <http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocialEntrepreneurship.pdf> (accessed: 27.07.2016).

Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profits // New York Times Magazine (Sep. 13). 1970. P. 122–126. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-70818-6_14

Orlitzky M., Schmidt F.L., Rynes S.L. Corporate Social and Financial Performance: A Meta-analysis // Organization Studies. 2003. Vol. 24, iss. 3. P. 403–441. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840603024003910>

Readman E. Three Models of Corporate Social Responsibility: Implications for Public Policy // Roosevelt Review. 2005. Summer. P. 95–108.

Windsor D. Corporate social responsibility: Three key approaches // Journal of Management Studies. 2006. No. 43(1). P. 93–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2006.00584.x>

Yudina T.N., Osadchaya G.I., Leskova I.V., Dolgorukova I.V., Kireev E.Y. The Eurasian Economic Union: Migration Risks // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6, no. 4. P. 451–457. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n4p451>

Получено 18.03.2019

References

Cramer, J. (2003). *Learning about corporate social responsibility. The Dutch Experiment*. Amsterdam: IOS Press, 153 p.

Dees, J.G. (1998). *The meaning of social entrepreneurship*. Available at: <http://www.redalmarza.cl/ing/pdf/TheMeaningofsocialEntrepreneurship.pdf> (accessed 27.07.2016).

Dolgorukova, I.V. (2016). *Korporativnaya sotsial'naya politika sovremennogo predpriyatiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy sotsiologicheskogo analiza* [Corporate social policy of modern enterprise: theoretical and methodological bases of sociological analysis]. *Nauchnaya sotsiologicheskaya shkola RGSU: 25 let. Sotsiologiya. Sotsial'nost'. Sovremennost': materialy XXI Sotsiologicheskikh chteniy RGSU* [Scientific sociological school RSSU: 25 years. Sociology. Sociality. Modernity: Materials of the XXI Sociological Readings RSSU]. Moscow: Perspektiva, pp. 78–80.

Dolgorukova, I.V. (2016). *Ustoychivost' obshchestvennykh institutov i korporativnaya sotsial'naya politika: problemy vzaimovliyaniya* [The soundness of public institutions and corporate social policy: problems of interaction]. *Sotsial'naya politika i sotsiologi-*

ya [Social Policy and Sociology]. Vol. 15, no. 1(114), pp. 35–44. DOI: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2016-15-1-35-44>

Friedman, M. (1970). The social responsibility of business is to increase its profits. *New York Times Magazine*. Sep. 13, pp. 122–126. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-70818-6_14

Gordeev, E.N. and Astakhov, A.P. (2005). *Kak organizovat' effektivnuyu sistemu predotvrashcheniya utechki konfidentsial'noy informatsii iz kommercheskoy organizatsii* [How to organize an effective system to prevent the leakage of confidential information from a commercial organization]. Moscow, CISA.

Ivanova, N.V. (2013). *Sotsial'noe investirovanie: obzor zarubezhnykh praktik* [Social investment: overview of international social investment practices]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil Society in Russia and Abroad]. No. 3, pp. 31–36.

Macusita, K. (2010) *Missiya biznesa, per. s angl.* [Not for bread alone: a business ethos, a management ethic, trans. from Eng.]. Moscow: Al'pina Publ., 191 p.

Moskovskaya, A.A. (ed.) (2011). *Sotsial'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya* [Social entrepreneurship in Russia and in the world: practice and research]. Moscow: HSE Publ., 284 p.

Nekrasov, Yu.S. (2003). *Kollektivnyy dogovor: chto on soboy predstavlyaet?* [Collective agreement: what is it?]. *Kadrovoe delo* [Personnel Affairs]. No. 4, pp. 3–5.

Orlitzky, M., Schmidt, F.L. and Rynes, S.L. (2003). Corporate social and financial performance: a meta-analysis. *Organization Studies*. Vol. 24, iss. 3, pp. 403–441. DOI: <https://doi.org/10.1177/0170840603024003910>

Readman, E. (2005). Three models of corporate social responsibility: implications for public policy. *Roosevelt Review*. Summer, pp. 95–108.

Shulus, A. and Derevyanchenko, A. (2000). *O sotsial'nom partnerstve v sfere malogo predprinimatel'stva* [About social partnership in small business]. *Upravlenie personalom* [Personnel Management]. No. 4, pp. 67–80.

Tul'chinskiy, G.L. (2006). *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost' (Sotsial'nye investitsii, partnerstvo i kommunikatsii)* [Corporate social responsibility (Social investment, partnerships and communications)]. Saint-Petersburg, 106 p.

Windsor, D. (2006). Corporate social responsibility: Three key approaches. *Journal of Management Studies*. No. 43(1), pp. 93–114. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2006.00584.x>

Yudina, T.N., Osadchaya, G.I., Leskova, I.V., Dolgorukova, I.V. and Kireev, E.Y. (2015). The Eurasian economic union: migration risks. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, no. 4, pp. 451–457. DOI: <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n4p451>

Received 18.03.2019

Об авторе

Долгорукова Ирина Владимировна
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4;
e-mail: dolgorukovaiv@rgsu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2151-7116>

About the author

Irina V. Dolgorukova
Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Sociology

Russian State Social University,
4, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: dolgorukovaiv@rgsu.net
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2151-7116>

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Долгорукова И.В. Корпоративное социальное инвестирование в современной России: между экономической эффективностью и социальной справедливостью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 402–411. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-402-411](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-402-411)

For citation:

Dolgorukova I.V. Corporate social investment in modern Russia: between economic efficiency and social justice // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 402–411. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-402-411](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-402-411)

УДК 316.3/4

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-412-420

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ ТРУДА
В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ
ОРГАНИЗАЦИЕЙ: ФРЕДЕРИК ТЭЙЛОР И ЭЛТОН МЭЙО**

Добринина Ольга Александровна

Новосибирский государственный педагогический университет

Цель данной статьи — обобщить, систематизировать и уточнить основные понятия социологии управления организацией, представляющие образ человека труда на основе сравнительного анализа двух наиболее известных ученых классического периода теории управления: Фредерика Уинслоу Тейлора и Джорджа Элтона Мэйо. Анализируются аксиологические и методологические основания различия их теорий. Тейлор описывает человека труда как одномерный объект, побуждаемый только материальной выгодой или страхом потерять работу. Это приводит к постоянным конфликтам между работниками и администрацией, для разрешения которых необходимы усилия специально обученных специалистов, призванных разработать и внедрить рациональные методы научной организации труда. В выборе приоритетов производственного процесса Тейлор отдает явное предпочтение технике и технологии, пытаясь приспособить к ним способности и возможности конкретного работника. Это позволяет интерпретировать его теорию как технократическую утопию. Мэйо представляет человека труда как полноправного партнера администрации в достижении общих целей организации, как многогранную личность, побуждаемую к работе разнообразными мотивами преимущественно социального и психологического характера. Главный приоритет администрации в теории Мэйо — всестороннее развитие социальных навыков сотрудничества; достижение этой цели способствует не только успеху и процветанию организации, но и снижению социальной напряженности в обществе в целом. Осуществленный в статье сравнительный анализ позволил сделать вывод о том, что обе управленческие доктрины параллельно разрабатываются в современной теории и практике управления. Социология управления организацией призвана сделать и обосновать выбор приоритетов между технократической утопией Тейлора и гуманистической концепцией Мэйо.

Ключевые слова: социология управления организацией, принципы управления, образ человека труда, технократическая утопия, доктрина человеческих отношений, трудовая мотивация.

**THE IDEAS OF THE PERSON OF WORK
IN CLASSICAL SOCIOLOGY OF ORGANIZATION MANAGEMENT:
FREDERIK TAYLOR AND ELTON MAYO**

Olga A. Dobrina

Novosibirsk State Pedagogical University

This paper purposes to generalize, systematize and clarify the basic concepts of sociology of the organization management representing an image of the person of work on the basis of the comparative analysis of two most famous scientists of the classical period of the theory of management — Frederik Winslow Taylor and George Elton Mayo. The axiological and methodological base of distinction of their theories are analyzed in the paper. Taylor describes the person of work as the one-dimensional object induced only by material benefit or fear of losing a job. It leads to the constant conflicts between workers and administration for settlement of which efforts of specially trained experts designed to develop and introduce rational

methods of the scientific organization of work are necessary. Choosing priorities of production process Taylor gives strong preference to the technical equipment and technology, trying to adapt abilities and possibilities of the specific worker for them. It allows interpreting his theory as a technocratic utopia. Mayo represents the person of work as full partner of administration in achievement of common goals of the organization as the multidimensional personality induced to work by various motives of mainly social and psychological character. The main priority of administration in the theory of Mayo is the comprehensive development of social skills cooperation, as achievement of this purpose promotes not only success and prosperity of the organization, but also decrease in social tension in society in general. The comparative analysis, presented in the article, allows drawing a conclusion that both administrative doctrines are developed in the contemporary theory and practice of management in parallel. The sociology of the organization management is aimed at making and proving the choice of priorities between a technocratic utopia of Taylor and the humanistic doctrine of Mayo.

Keywords: sociology of the organization management, principles of management, image of the person of work, technocratic utopia, doctrine of the human relations, labor motivation.

Введение

Социология управления организацией — наука сравнительно молодая и на сегодняшний день интенсивно развивающаяся. Несмотря на то что некоторые современные ученые возводят предысторию этой научной дисциплины к античным временам, момент ее институционализации большая их часть относит к первой половине XX в. [Ильиных С.А., 2015; Фрезе А.В., 2015 и др.]. Ее возникновение связано с рядом обстоятельств, способствовавших становлению понимания управления как специфического типа профессиональной деятельности.

Во-первых, изменения в характере труда, замена кустарного, ремесленного и одиночного труда на промышленный, технологизированный и коллективный потребовали новых принципов его организации.

Во-вторых, возрастающий авторитет науки закономерно привел к внедрению последней в область промышленного производства.

В-третьих, создание транснациональных рынков потребовало синхронизации процессов выпуска и сбыта продукции, что, в свою очередь, привело к осознанию необходимости рационального и эффективного управления организацией.

Формирование социологии управления организацией постепенно вовлекает в свою орбиту проблематику современной социологии труда: используются и анализируются такие понятия, как «характер труда», «интенсивность труда», «нормы труда», «удовлетворенность трудом» и «трудова́я мотивация»; однако они употребляются в качестве независимых характеристик трудового процесса, практически не свя-

занных с человеком труда. С другой стороны, эксплуатируемые современной социологией управления понятия «персонал», «человеческий капитал», «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы» и т.п. обезличивают человека труда, сводя его роль к одному из производственных или экономических факторов. Думается, такое положение обусловлено сравнительно недавней институционализацией социологии управления организацией как самостоятельной научной дисциплины, а также методологической экспансией смежных дисциплин (экономики, маркетинга, менеджмента) на ее территорию. Однако в целях реализации гуманистической функции социологии представляется необходимым проанализировать представления о человеке труда в обозначенной предметной области.

В соответствии с вышеизложенным, основной целью данной статьи является выявление, сопоставление и анализ представлений о человеке труда в научных концепциях двух наиболее авторитетных и традиционно противопоставляемых друг другу представителей классической теории управления организацией: Фредерика Уинслоу Тейлора (1856–1915) и Джорджа Элтона Мэйо (1880–1949). Данные ученые продолжают вызывать устойчивый интерес в современной теории управления, они сопоставляются и противопоставляются друг другу в аксиологическом аспекте [Бакурадзе А.Б., Бондарева А.В., 2015], в плане общефилософских оснований их концепций [Резанович Е.А., 2016], в ракурсе возможностей применения к современной организации [Червякова Е.В., 2015]. Представлениям о человеке труда отве-

дено в данных теориях подчиненное положение, однако они имплицитно присутствуют в каждой из них и, вследствие этого, заслуживают отдельного рассмотрения и анализа в аспекте дальнейшего развития и гуманизации современной социологии управления.

Классическая теория управления Ф.У. Тейлора

Тейлор получил заочное образование и квалификацию инженера-механика в Европе, затем продолжал учебу в США в области юриспруденции, параллельно начав работу в качестве помощника мастера на сталелитейном предприятии, где сделал успешную административную карьеру, вершиной которой стали должности главного инженера и консультанта по управлению. Уже в роли инженера Тейлор заслужил признание, внедрив в производственный процесс скоростные методы металлообработки, а затем, в должности главного инженера, распространив методы интенсификации труда на производственный процесс в целом. Подобные инновации вызвали сопротивление со стороны рабочих, что побудило ученого к решению управленческих задач в целях преодоления сопротивления, к разработке методов материального стимулирования, преимущественно негативного: депремирования, снижения уровня заработной платы и т.п. вплоть до увольнения и найма новых работников вместо уволенных. Это привело к временному росту производительности труда у части рабочих, опасавшихся потерять рабочее место, однако большинство из них оставались недовольными и оказывали давление на первых, вынуждая тех снижать нормы выработки. Таким образом, противостояние между рабочими и администрацией дополнилось эскалацией горизонтальных конфликтов между отдельными группами рабочих. Это побудило Тейлора к разработке научных принципов управления организацией, которые помогли бы преодолеть противоречия интересов администрации и наемных работников, основные из которых изложены в его работе «Принципы научного менеджмента», написанной в 1911 г. [Taylor F.W., 1911] и переведенной на русский язык в 1991 г. [Тейлор Ф.У., 1991], а также в книге «Научная организация труда», обобщающей основные по-

ложения его доклада комитету представителей администрации 1912 г. [Тейлор Ф.У., 1992].

Главной целью своих теоретических разработок и практической деятельности ученый считал повышение производительности труда, поскольку оно способно принести успех и процветание как владельцам бизнеса, так и наемным работникам, тогда как снижение производственных показателей может привести организацию к разорению, а от этого пострадают обе стороны. Ответственность за непонимание этой общности целей всех участников производственного процесса Тейлор возлагает на неэффективность применяемых принципов управления, предлагая в качестве альтернативы свои, вошедшие впоследствии в историю социологии управления организацией как классическая теория Тейлора.

Первым принципом ученый считал замену метода работы на основе индивидуального опыта (который он называл «эмпирическим принципом управления») на строго научный, основанный на наблюдениях, измерениях, учете и контроле. В качестве обоснования данного принципа он приводит собственные наблюдения за работой двух грузчиков, в которых фиксировались такие показатели, как характер и скорость движений различных частей тела, форма и вес рабочего инструментария и т.д. при условии равного материального вознаграждения. Из этого положения он формулирует два принципиально важных для него вывода. Во-первых, каждая работа должна быть разделена на определенное количество отдельных операций, должен быть выявлен и доведен до конкретного исполнителя наиболее рациональный алгоритм их выполнения («наука работать лопатой»); это приведет к сокращению непроизводительных затрат и к увеличению эффективности труда в целом. Во-вторых, необходим профессиональный подбор и отбор кадров, наилучшим образом физически приспособленных и мотивационно подготовленных к выполнению каждой конкретной трудовой операции. При этом надзору и контролю подлежит не только результат, но и сам процесс труда. Система его оплаты должна быть дифференцирована в зависимости от конкретных количественных показателей эффективности работы.

Вторым принципом научной организации производственного труда Тейлор считает обу-

чение и развитие каждого работника, которое также является не одноразовым инструктированием при приеме на работу или трудовых перемещениях, а постоянным и документально обеспеченным сопровождением в форме подробных должностных инструкций для каждого работника, ежедневных инструктивных карточек и графиков трудового процесса. Подготовка сопровождающей документации возлагается на менеджеров оперативного управления — производственных мастеров.

Логически обоснованным представляется введение Тейлором третьего принципа — отделения процесса труда от процесса управления трудом. Помимо работников, занятых тяжелым физическим трудом, организация предусматривает штат управленческих работников — мастеров и сотрудников бюро, призванных распределять производственные задания, контролировать темп работы, сохранность оборудования и другие стороны трудового процесса. Управляющие также обеспечены специально составленными для них инструкциями, регламентирующими их деятельность, определяющими их полномочия и ответственность. Рабочие получали задания и отчитывались перед несколькими мастерами, число которых варьировалось от четырех до восьми в зависимости от сложности производственного процесса. Исполнительские и управленческие функции не должны, по мнению Тейлора, смешиваться в одной должности, поскольку требуют различных личностных особенностей для их эффективного выполнения.

Четвертым принципом системы Тейлора является сотрудничество управленческих кадров и исполнителей для достижения общей цели — выживания и процветания организации, являющихся основой получения максимальной прибыли владельцами предприятия и обеспечивающих стабильный и достойный доход наемным работникам. В качестве прикладного аспекта применения своей теории, Тейлор осуществлял примирительные переговоры в конфликтах между работниками и администрацией по двум наиболее острым, с его точки зрения, вопросам — установлению норм выработки и системы оплаты труда.

Представления Тейлора о человеке труда обусловлены в значительной степени характером полученного им образования: инженерно-

технического и незаконченного юридического. В построении своей технократической утопии он основывается исключительно на контролируемых факторах, практически полностью игнорируя как переменные внешней по отношению к организации среды, так и внутренние внеэкономические мотивы поведения человека. Человек труда воспринимается им как носитель единственной ценности — рабочей силы, которую необходимо из него извлечь путем соответствующей научным принципам организации труда. Этого добиться несложно, поскольку идеальный человек труда, по Тейлору, — объект одномерный, побуждаемый к деятельности исключительно материальными стимулами; рациональный, осознающий свои экономические интересы, поэтому при условии разумного и регулярно повторяемого объяснения способный и готовый выполнять распоряжения администрации; лишенный инициативы и творческого воображения, вследствие этого способный к освоению и воспроизведению исключительно узких и конкретных операций, зафиксированных в должностной инструкции, не предназначенный для решения одновременно исполнительских и управленческих задач. В выборе приоритетов производственного процесса Тейлор отдает явное предпочтение технике и технологии, пытаясь приспособить к ним способности и возможности конкретного работника.

Несмотря на неоднозначность оценок его управленческой позиции в современных социологии и менеджменте, Тейлор единодушно признается основоположником научного управления. Его идеи были изучены, а затем практически использованы в управлении современными сервисными организациями [Камышева О.В., Давлетова Э.Р., 2015], природными рисками [Строкина В.Ю., Фокичева А.А., 2015]; они нашли свое развитие в теориях рационального управления А. Файоля, Г. Форда, Г. Эмерсона и др. [Эмерсон Г., 1992] и явились отправной точкой для дальнейших профессиональных дискуссий в социологии управления организацией.

Теория человеческих отношений. Э. Мэйо

В качестве альтернативы технократической теории Тейлора в истории управленческой мысли традиционно рассматривается концепция человеческих отношений австраलो-

американского психолога и социолога, исследователя в области организационного управления Джорджа Элтона Мэйо. Проведенные им исследования вошли в классику управленческой социологии как Хоторнский эксперимент.

Получив философское и психологическое образование в университетах Австралии и Великобритании, Мэйо начинает академическую карьеру в 1911 г. в Квинслендском университете в Австралии в качестве преподавателя философии, однако после переселения в США делает выбор в пользу исследовательской практики и возглавляет департамент промышленных исследований в Гарвардском университете. Проведенные им в 1920–1930-е гг. исследования легли в основу двух фундаментальных трудов: «Социальные проблемы индустриальной цивилизации» [Mayo E., 1945] и «Человеческие проблемы индустриальной цивилизации» [Mayo E., 1946], которые положили начало формированию теории человеческих отношений в классической социологии управления организацией.

Представления Мэйо о человеке труда связаны с основными положениями его теории, которые будут перечислены ниже.

Во-первых, Мэйо, в отличие от Тейлора, сосредоточил внимание в своих исследованиях не на том, как повысить производительность труда на основе эффективного использования технологии; он сфокусировал исследовательский интерес на человеческом (личностном и межличностном) аспекте промышленного производства. Такие факторы, как преодоление усталости работников, вызванной монотонным характером работы, авторитет и признание со стороны коллег и руководства, возможности профессионального и карьерного роста заслуживают не меньшего, а, по мнению Мэйо, значительно большего внимания, контроля и регулирования, чем технико-организационные аспекты труда. Это требует от управленческого персонала «безошибочной решимости исполнить гуманное намерение до максимума» [Mayo E., 1946, p. 99].

Во-вторых, признание иррациональной составляющей в психике человека приводит Мэйо к выводу о том, что авторы исследований в области промышленной социологии недостаточно осознают тот факт, что «незначительные иррациональности» отдельного среднестатистического человека обладают кумулятивным

эффектом и приводят в группе и организации к существенным дисфункциям.

В-третьих, процесс управления в успешно функционирующей организации связан не с регулированием деятельности отдельных работников, а с трудовыми коллективами, в каждом из которых существуют свои традиции, ценности, отношения, ритуалы, определяющие особенности группового восприятия (принятия или непринятия) любого управленческого воздействия; последнее же оценивается группой как общая управленческая политика организации без каких-либо поправок на личностную позицию конкретного менеджера.

В-четвертых, основу отношений между человеком управления и человеком труда составляет, по мнению Мэйо, не конфликт, пусть даже успешно разрешаемый, а сотрудничество, которое не осуществляется автоматически. Социальные навыки, понимаемые Мэйо как способность обеспечить сотрудничество между людьми, требуют планомерного развития и совершенствования у всех участников трудового процесса; эта задача представляется ученому не менее значимой, чем развитие технологической базы современного производства.

В соответствии с этими положениями, подтвержденными результатами Хоторнского эксперимента, в теории человеческих отношений Мэйо и его последователей выявляется совершенно новое и революционное для своего времени представление о человеке труда. Последний в интерпретации ученого представляется уже не объектом управления, а субъектом труда, полноправным сотрудником администрации в достижении общих целей организации. Это не одномерный человек, а многогранная личность, побуждаемая к деятельности не столько внешними экономическими стимулами, сколько внутренними мотивами социального характера. Это возлагает на управленческий персонал ответственность не только за подбор и эффективную расстановку кадров, но и за всестороннее развитие социальных навыков, способных привести как к процветанию отдельно взятой организации, так и к установлению мира и гармонии в человеческом сообществе в целом.

По сравнению с технократическим подходом к управлению Тейлора концепция Мэйо, опирающаяся на исходное психологическое и философское образование, представляет инно-

вационную управленческую позицию, основанную на принципах динамичности, темпоральности и сложности, на понимании уникальности и, вследствие этого, непредсказуемости трудового поведения человека, необходимости понимания сложных комбинаций интересов и влияний в группе. Его теория расширила предметное поле социологии управления организацией, инициировала возникновение концепций гендерной социологии управления [Ильиных С.А., 2012], системной теории управления по ценностям [Кочеткова А.И., Кочетков П.Н., 2018], исследований организационной культуры [Шухно Е.В., 2018]. Она продолжает изучаться в различных аспектах в целях дальнейшего развития социологии управления организацией и определения возможностей ее применения в современных условиях [Панова А.С., Чижанькова И.В., 2017; Arsenyev Yu. et al., 2015; Arpentieva M.R., 2017; Sakhno E.Yu. et al., 2018; Shevchuk V.O., 2016]. Несмотря на то что теория человеческих отношений Мэйо, как и теория Тейлора, была разработана для решения задач управления промышленным производством первой половины XX в., думается, что и в современных социально-экономических реалиях информационного общества она является актуальной и может быть успешно использована.

Заключение

Каждая теория управления организацией содержит в себе аксиологические представления ее автора о смысле трудовой деятельности и своеобразный психологический портрет человека труда. Сопоставление классической теории Тейлора и доктрины человеческих отношений Мэйо продемонстрировало существующую между ними разницу в области не только управленческих позиций, но и взглядов на природу человека, его роль и место в системе трудовых отношений.

В концепции Тейлора человек представляет собой своего рода производственный ресурс, требующий к себе такого же отношения, как и другие средства труда: отбора лучшего экземпляра из имеющихся в наличии, подробного инструктирования по специфическим особенностям работы на достаточно узком участке производственного конвейера, неусыпного надзора и строжайшего многоуровневого контроля на каждом этапе производственного про-

цесса, дифференцированного материального стимулирования, преимущественно негативно-го. Человек труда воспринимается как объект, своего рода придаток к технике и технологии, самое слабое звено в производственном цикле, поскольку при недостаточной подготовке или неадекватной мотивации он может не только затормозить производственный конвейер, но и испортить дорогостоящее оборудование. Основным приоритетом в деятельности организации в технологической утопии Тейлора является техника и технология, на рациональное использование которых направлены все усилия управляющих, вооруженных знаниями и навыками научной организации труда.

В отличие от Тейлора, Мэйо ориентирован на внутрличностные и межличностные аспекты трудового процесса. Декларируя гуманные основы современной ему индустриальной цивилизации, он воспринимает человека труда не как объект управленческого воздействия, а как сложную, многомерную личность, обладающую многоуровневой мотивацией, равноправного участника организационно-деятельностного диалога. Развитие социальных навыков сотрудничества у управляющих и управляемых способно не только привести к согласию и гармонии внутри организации, но и снизить социальную напряженность в обществе в целом.

Несмотря на то что изучаемые теории формировались на основе реалий промышленного производственного процесса первой половины прошлого столетия, репрезентации человека труда, представленные в них, сохраняют актуальность и в настоящее время. Эти теории дают определение выбора как парадигмы современной социологии управления организацией и как управленческой позиции каждого человека, принимающего решение, при определении приоритетов дальнейшего пути развития и отдельной организации, и общества в целом: выбора между реализацией технократической утопии, где человек станет дополнением к функционированию социальной системы, или воплощением гуманистических интенций, изначально заложенных в человеческой природе, конструированием социального порядка, в котором человек труда будет чувствовать себя значимым, свободным и счастливым.

Список литературы

Бакурадзе А.Б., Бондарева А.В. Аксиологические основания эволюции управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1. С. 26–38.

Ильиных С.А. Гендерная теория управления // Идеи и идеалы. 2012. № 2(12), т. 1. С. 115–126.

Ильиных С.А. Социология управления: роль зарубежных школ в становлении // Идеи и идеалы. 2015. № 2(24), т. 1. С. 94–106. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-2.1-94-106>

Камышева О.В., Давлетова Э.Р. Классика науки об управлении на службе у современных менеджеров сервисных организаций // Science Time. 2015. № 2(14). С. 62–66.

Кочеткова А.И., Кочетков П.Н. Системные аспекты управления по ценностям // Перспективы науки. 2018. № 10(109). С. 164–169.

Панова А.С., Чижаханькова И.В. Концепция «человеческих отношений» Элтона Мэйно // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 4(1). С. 93–99.

Резанович Е.А. Влияние философских учений на формирование подходов к управлению // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2016. Т. 6, № 11А. С. 39–48.

Строкина В.Ю., Фокичева А.А. Применение классической теории менеджмента к управлению гидрометеорологическими рисками // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. 2015. № 2(16). С. 63–67.

Тейлор Ф.У. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. 104 с.

Тейлор Ф.У. Научная организация труда // Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. Управление — это наука и искусство. М.: Республика, 1992. С. 222–305.

Фрезе А.В. Концепции теории организации и управления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4(23). С. 86–89.

Червякова Е.В. Возможность использования классических теорий мотивации в управлении современными российскими организациями // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы I Междунар. науч.-практ. конференции. Старый Оскол, 2015. С. 184–189.

Шухно Е.В. Организационная культура государственных научных учреждений и ее роль в карьере молодых ученых // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9, № 2. С. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2018-10007>

Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности // Файоль А., Эмерсон Г., Тейлор Ф., Форд Г. Управление — это наука и искусство. М.: Республика, 1992. С. 87–221.

Arsenyev Yu., Minaev V., Leskovsky I., Konovalov A., Davydova T. Management of Investments in Human Capital in Situations of Uncertainty Based on Methods of Utility Theory // 3rd International Conference «Role of Nonmaterial Factors in Ensuring the Social and Psychological Condition of a Society». Sheffield, UK, 2015. P. 27–35. DOI: https://doi.org/10.15350/UK_5/3

Arpentieva M.R. Intersubjective Technology in Management Ontology // Science and Technology. 2017. No. 1, vol. 2. P. 116–139.

Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. Boston, MA: Harvard University Press, 1946. 194 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203487273>

Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. N.Y.: Longmans, 1945. 453 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/1335838>

Sakhno E.Yu., Moroz N.V., Ponomarenko S.I. Use of the Urban Logic Theory with Development Projects Management // Науковий вісник Полісся. 2018. № 3(15). С. 119–126. DOI: [https://doi.org/10.25140/2410-9576-2018-3\(15\)-119-126](https://doi.org/10.25140/2410-9576-2018-3(15)-119-126)

Shevchuk V. O. Problems of management by balanced long-term economic development through physical economy // Облік і фінанси. 2016. № 4(74). С. 145–152.

Taylor F.W. The Principles of scientific management. N.Y.; London: Harper & Brothers, 1911. 152 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/2221959>

Получено 31.07.2019

References

Arsen'ev, Yu., Minaev, V., Leskovskiy, I., Konovalov, A. and Davydova, T. (2015). Management of investments in human capital in situations of uncertainty based on methods of utility theory. *3rd International Conference «Role of Nonmaterial Factors in Ensuring the Social and Psychological Condition of a Society»*. Sheffield, pp. 27–35. DOI: https://doi.org/10.15350/UK_5/3

Arpentieva, M.R. (2017). Intersubjective technology in management ontology. *Science and technology*. No. 1, vol. 2, pp. 116–139.

Bakuradze, A.B. and Bondareva, A.V. (2015). *Aksiologicheskie osnovaniya evolyutsii upravleniya* [Axiological bases of evolution of steering]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Filosofiya [Bulletin of the Tver State University. Series: Philosophy]. No. 1, pp. 26–38.

Chervyakova, E.V. (2015). *Vozmozhnost' ispol'zovaniya klassicheskikh teoriy motivatsii v upravlenii sovremennymi rossiyskimi organizatsiyami* [Possibility of use of classical theories of motivation in steering of the modern Russian organizations]. *Innovatsionnye podkhody k resheniyu sotsial'no-ekonomicheskikh, pravovykh i pedagogicheskikh problem v usloviyakh razvitiya sovremennogo obshchestva: materialy I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Innovative approaches to the solution of social and economic, legal and pedagogical problems in the conditions of development of modern society: proc. of the I International Scientific and Practical Conference]. Stary Oskol, pp. 184–189.

Emerson, G. (1992). *Dvenadtsat' printsipov proizvoditel'nosti* [Twelve principles of productivity]. *Fayolle A., Emerson G., Taylor F.W., Ford G. Upravleniye — eto nauka i iskusstvo* [Fayolle A., Emerson G., Taylor F.W., Ford G. Management is science and art]. Moscow: Respublika Publ., pp. 87–221.

Freze, A.V. (2015). *Kontseptsii teorii organizatsii i upravleniya* [The concepts of theory of management]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management]. No. 4(23), pp. 86–89.

Il'inykh, S.A. (2012). *Gendernaya teoriya upravleniya* [Gender theory of steering]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 2(12), vol. 1, pp. 115–126.

Il'inykh, S.A. (2015). *Sotsiologiya upravleniya: rol' zarubezhnykh shkol v stanovlenii* [Sociology of management: the role of foreign schools in its developing]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 2(24), vol. 1, pp. 94–106. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-2.1-94-106>

Kamyshcheva, O.V. and Davletova, E.R. (2015). *Klassika nauki ob upravlenii na sluzhbe u sovremennykh menedzherov servisnykh organizatsiy* [Classics of science about steering on service of modern managers of the service organizations]. *Science Time*. No. 2(14), pp. 62–66.

Kochetkova, A.I. and Kochetkov, P.N. (2018). *Sistemnye aspekty upravleniya po tsennostyam* [System aspects of value management]. *Perspektivy nauki* [Science Prospects]. No. 10(109), pp. 164–169.

Mayo, E. (1946). *The human problems of an industrial civilization*. Boston: Harvard University Press, 194 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203487273>

Mayo, E. (1945). *The social problems of an industrial civilization*. New York: Longmans, 453 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/1335838>

Panova, A.S. and Chizhan'kova, I.V. (2017). *Kontseptsiya «chelovecheskikh otnosheniy» Eltona Mayo* [The concept of «human relations» Elton Mayo]. *Materialy Ivanovskikh chteniy* [Proceedings of the conference Ivanovo reading]. No. 4(1), pp. 93–99.

Rezanovich, E.A. (2016). *Vliyaniye filosofskikh ucheniy na formirovaniye podkhodov k upravleniyu* [Philosophy's influence on the management approaches]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow]. Vol. 6, no. 11A, pp. 39–48.

Sakhno, E.Yu., Moroz, N.V. and Ponomarenko, S.I. (2018). Use of the urban logic theory with development projects management. *Naukoviy visnyk Polissya* [Scientific Bulletin of Polissia]. No. 3(15), pp. 119–126. DOI: [https://doi.org/10.25140/2410-9576-2018-3\(15\)-119-126](https://doi.org/10.25140/2410-9576-2018-3(15)-119-126)

Shevchuk, V.O. (2016). Problems of management by balanced long-term economic development through physical economy. *Oblik i finansy* [Accounting and Finance]. No. 4(74), pp. 145–152.

Shukhno, E.V. (2018). *Organizatsionnaya kul'tura gosudarstvennykh nauchnykh uchrezhdeniy i ee rol' v kar'ere molodykh uchenykh* [Organizational culture of the state scientific institutions and its role in career of young scientists]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 9, no. 2, pp. 95–106. DOI: <https://doi.org/10.24411/2079-0910-2018-10007>

Strokina, V.Yu. and Fokicheva, A.A. (2015). *Primeneniye klassicheskoy teorii menedzhmenta k upravleniyu gidrometeorologicheskimi riskami* [Application of the classical theory of management to steering of hydrometeorological risks]. *Informatsionnye tekhnologii i sistemy: upravlenie, e'konomika, transport, pravo* [Information Technologies and Systems: Management, Economy, Transport, Law]. No. 2(16), pp. 63–67.

Taylor, F.W. (1911). *The principles of scientific management*. New York, London: Harper & Brothers Publ., 152 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/2221959>

Taylor, F.W. (1991). *Printsipy nauchnogo menedzhmenta* [The principles of scientific management]. Moscow: Controlling Publ., 104 p.

Taylor, F.W. (1992). *Nauchnaya organizatsiya truda* [The scientific organization of work]. *Fayolle A., Emerson G., Taylor F.W., Ford G. Upravleniye — eto nauka i iskusstvo* [Fayolle A., Emerson G., Taylor F.W., Ford G. Management is science and art]. Moscow: Respublika Publ., pp. 222–305.

Received 31.07.2019

Об авторе

Добринина Ольга Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной психологии
и виктимологии

Новосибирский государственный
педагогический университет,
630126, Новосибирск, ул. Виллойская, 28;
e-mail: dobrina-o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0779-4125>

About the author

Olga A. Dobrina

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Social Psychology
and Victimology

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Viluyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russia;
e-mail: dobrina-o@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0779-4125>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Добринина О.А. Представления о человеке труда в классической социологии управления организацией: Фредерик Тэйлор и Элтон Мэйо // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 412–420. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-412-420](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-412-420)

For citation:

Dobrina O.A. The ideas of the person of work in classical sociology of organization management: Frederik Taylor and Elton Mayo // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 412–420. DOI: [10.17072/2078-7898/2019-3-412-420](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-412-420)

УДК 316:346

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-421-428

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РУСЛЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ФИЗИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Яковлева Ольга Константиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Рассмотрена сущность основных подходов к определению территориального социально-экономического поведения в русле социологии региона и социологии пространства. Под термином «регион» в данной статье предлагается понимать область, район, часть страны, которая отличается от других совокупностью естественных или исторически сложившихся экономико-географических или иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения. Дается определение пространства как единства физического, духовного и социального, особое внимание уделяется проблеме соотношения качества социального пространства и пространства территориального, которая становится все более актуальной в связи с расширением глобального пространства как места действия глобальных процессов. Подчеркнута значимость этой проблемы при изучении особенностей территориального социально-экономического поведения, связанная с несомненным доминированием формальной (технологической) рациональности в структуре поведения экономических акторов. Рассмотрены особенности формирования социально-экономического поведения хозяйствующих субъектов с учетом характерных особенностей пространства территории. Утверждается, что феномен территориального социально-экономического поведения различных социально-территориальных (региональных) общностей изменяется в рамках вполне определенных форматов: «консервативного, адаптационного, инновационного», «культурно-укорененного, культурно-мобильного», «рационального выбора и коллективного интереса», в целом обеспечивая устойчивое воспроизведение социально-территориального неравенства в обществе. Изучение меняющихся и воспроизводимых паттернов территориального социально-экономического поведения даст приоритет в выборе принципов регионального управления и развития, позволит в перспективе получить более точное представление о причинах текущего социально-экономического состояния конкретной региональной общности.

Ключевые слова: регион, территория, физическое пространство, социальное пространство, территориальная идентичность, территориальные интересы, территориальное сознание, территориальное социально экономическое поведение.

TERRITORIAL SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR WITHIN THE PROBLEM OF INTERACTION OF SOCIETY AND PHYSICAL SPACE

Olga K. Yakovleva

Perm State University

The paper considers the basic approaches to the determination of territorial socio-economic behavior within the framework of sociology of the region and sociology of space. In the framework of this article, the term «region» means an area, region, or part of a country that differs from others in terms of natural or historical economic, geographical or other features, often combined with features of the ethnic composition of the population. Space is defined as a unity of the physical, spiritual and social; special attention is paid to the problem of the relationship between the quality of social and territorial space, which is becom-

ing increasingly important due to the expansion of global space as a place of global processes. The complexity of the problem is revealed when studying the features of territorial socio-economic behavior associated with the undoubted dominance of formal (technological) rationality in the structure of the economic actors' behavior. The formation of socio-economic behavior of economic entities and the features of this process are considered taking into account the characteristics of the territorial space. It is argued that the phenomenon of territorial socio-economic behavior of various socio-territorial (regional) communities evolves in the framework of the «conservative, adaptative, innovative», «culturally-rooted and culturally-mobile (changing)», «rational choice and collective interest», thus ensuring sustainable reproduction of social and territorial inequality in society. The study of changing and reproducible patterns of territorial socio-economic behavior will give priority when choosing the principles of regional governance and development, and in the long run it will not only provide a more accurate insight into the causes of the current socio-economic status of a particular regional community but also make it possible to develop forecast scenarios of its possible evolution.

Keywords: region, territory, physical space, social space, territorial identity, territorial interests, territorial consciousness, territorial socio-economic behavior.

Введение

Характерные для конца XX в. экспансия капитализма и его трансформация в интегрированную глобальную экономику столкнули мир с новыми проблемами, несущими в себе потенциальную угрозу не только «прежнему, освоенному и поделенному миру», но и всей человеческой цивилизации, и перешли в плоскость отношений, которые по сути представляют собой глобальное социальное неравенство, обозначенное такими последствиями, вследствие которых одни страны делаются еще богаче, а другие еще беднее. Формирование мир-системы [Валлерстайн И., 2004] уже во второй половине XX столетия привело к тому состоянию, когда речь идет о создании глобального сообщества, в рамках которого существующие государственные и национальные образования выступают в качестве более или менее самостоятельных единиц. Однако, многочисленные объективные данные последних лет свидетельствуют о накоплении тенденций, указывающих на все резче проявляющийся двойственный характер процесса глобализации. С одной стороны, глобализация производства и глобализация культуры, которые вследствие независимости от политик наций — государств и национальных сообществ — имеют тенденцию к формированию глобальной системы, начинающей тяготеть к равновесию (гомеостазу), поддерживая свои определившиеся границы [Парсонс Т., 2002]. Образование и усиление глобальной системы не может происходить без разрушения территориальной целостности, без потери последней системной ограниченности. С другой

стороны, веками складывавшаяся система территориальных отношений и связей обнаруживает изрядный запас прочности и не только успешно адаптируется, но и вносит существенные изменения в своем ответе на вызовы глобальной системы. На наш взгляд, поскольку обозначенные процессы в равной мере имеют место в современном мире, отмеченные явления порождают системные трансформации, а их воздействие зачастую проявляется латентно, они требуют к себе самого пристального внимания социологов. Научный анализ территориального поведения индивидов и общностей является одной из важнейших задач в рамках социологии региона и позволяет как выявить истоки проявления тех иных форм такого поведения, так и выработать инструменты для его практического регулирования и оптимизации. Одним из путей, позволяющих приблизиться к решению данной задачи, должна стать конкретизация и определение эмпирическим путем содержания категорий «территориальное поведение социально-территориальной общности», «территориальное сознание», «социально-территориальная идентичность», «территориальные интересы» и, наконец, «территориальное социально-экономическое поведение», анализу которых посвящена статья.

Территориальное поведение как социальный феномен

Изучением территориального поведения до последнего времени занимались исследователи в рамках социальной антропологии, например, выявление аспектов территориального поведения примитивных человеческих сообществ. од-

нако выявление специфики взаимодействия общества и территории, порождающего особые практики территориального поведения социального субъекта, имеет свою традицию. Еще в XVIII в. Ш. Монтескье в трактате «О духе законов» высказал идею о влиянии климата, географической среды, численности населения на различные аспекты социально-политической и экономической жизни людей, хотя его и привлекал преимущественно политический аспект территориального поведения, связанный с режимом политического господства и управления [Арон Р., 1992, с. 33].

Обществоведческий подход изучения особенностей территориального поведения начинает применяться уже в XX в. Предмет исследования индивидов и социальных групп в этот период все чаще стал включать как политический, но и социально-экономический, а также социокультурный аспекты. Подчеркнем, что признание в качестве значимых акторов не только политических институтов, но и социальных групп, индивидов произошло в связи с формированием в развитых странах «гражданского общества». В это время возникают и активно развиваются социальная география, немецкая историческая политэкономия, собственно социология, в рамках которых формируются теоретические и методологические основания для социологического анализа взаимодействия социума и окружающей природной среды. Однако социально-территориальное поведение долгое время не находило научного осмысления в рамках этих подходов. Новое междисциплинарное направление, сформировавшееся вследствие ускорившихся процессов глобализации и регионализации, послужило основой для возникновения новой области знания — регионологии, а также новых отраслей социологии — социологии пространства и социологии региона. В рамках социологии пространства и социологии региона возникают новые категории, становящиеся предметом глубокого анализа и эмпирической верификации: территория, регион, пространство (физическое и социальное), социально-территориальная (региональная) общность, поселенческая община, территориальное поведение во всем его многообразии [Завалишин А.Ю. 2009].

Сразу оговоримся, что под термином «регион» в рамках этой статьи будет пониматься

«область, район, часть страны, отличающиеся от других совокупностью естественных или исторически сложившихся экономико-географических или иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения» [Цимбаев Н.И., 1997, с. 18]. Территория же (лат. territorium, от terra — земля, страна) — часть поверхности земной суши с присущими ей природными, а также созданными в результате человеческой деятельности свойствами и ресурсами. Характеризуется территория наличием особого вида ресурсов: размерами, протяженностью, особенностями географического положения, климатическими условиями, определенным типом природного ландшафта, характером границ, сопредельных территорий, свойствами недр и степенью их разработки, степенью хозяйственности, временем существования и способностью выполнять роль «пространственного базиса деятельности общества». Хотя понятие территории юридически закреплено в Конституции РФ, среди функций Российского государства особо обозначено обеспечение целостности и неприкосновенности территории [Конституция РФ, ст. 8]. В данном контексте территория представляется не только как политическое, экономическое и культурное пространство, в пределах которого осуществляется власть, но и в виде пространственных пределов функционирования общества, некоей основы существования социального организма, где есть преемственность и где население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить и развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса.

Пространство территории как фундамент и место коллективного социального действия

Понятие «пространство» в отличие от понятий «территория», «регион», «место» может быть осмыслено как сложное преобразование физического и духовного состояний, как объективная реальность, преломляющаяся в течение исторического развития культуры. Определение пространства как единства не только физического и духовного, но и социального принадлежит Э. Дюркгейму, который объяснял его одновременным существованием, а не совпадением границ физического и социального.

Дюркгейм полагал: если люди живут в одной и той же цивилизации (культуре), принимают изменения, происходящие в пространстве, одним и тем же образом, то и разделения, ограничения должны быть у них общими и иметь социальное происхождение. Но пространство не самоценно, оно меняется от общества к обществу и основывается на врожденных качествах человека [Дюркгейм Э., 1995]. Дюркгейм задавая вопрос о том, откуда берутся общие не для всех людей, но для людей определенной культуры мировоззрения и формы мировосприятия, настаивает на их социальном происхождении. Дифференцированность пространства возникает благодаря дифференцированности общества, пространственная организация — это как бы калька социальной организации [Дюркгейм Э., 1995].

Было проведено исследование состояния социального пространства, предложенное в дальнейшем Г. Зиммелем, которое основывалось на утверждении, что физическое и социальное пространство для социологии актуально соответствуют только как результат рефлексии, почему они должны исследоваться исключительно как связанные с человеческим сознанием [Зиммель Г., 1995]. Пространство рассматривается не просто в качестве местоположения материальных объектов, а как понятие или идея относительно территории, на которой разворачиваются взаимодействия и социальные связи. П. Бурдьё, в некоторых своих положениях конструктивистского структурализма, пересматривая подход, сложившийся в рамках социологии пространства Г. Зиммеля, попытался синтезировать эти традиции. Согласно Бурдьё, физическое пространство (и территория как его воплощение) представляет собой достаточно точную проекцию социального пространства [Бурдьё П., 1995, с. 18].

Актуальность проблемы соотношения качества социального пространства с пространством территориальным возрастает в связи с расширением глобального пространства как места действия глобальных процессов. Политически популярной становится идея гражданского общества как идеальной модели общественного развития, и последняя представляется универсалистским и абстрактным «пространством», открытым миром без границ, бесконечным горизонтом

массового действия, в первую очередь, экономического. На первый взгляд эта тенденция расширения пространства говорит о нарастании глобального порядка, глобальных структур, однородности, рационализации действия. Однако современные социологи придерживаются иного мнения. Дж. Александер, например, утверждает, что значимые характеристики пространства нужно прежде всего связывать и изучать со становлением гражданского общества в его современном состоянии, потому, что социальные системы существуя в реальном времени выполняют функции заложенные солидарностью, созданную социумом [Александер Дж., 2001]. На самом же деле, как считает Александер, для любого исторически реально существующего общества фундаментальной основой является территория, и «хотя перестроенная коллективная идентичность больше не является глубоко волнующим явлением, она тем не менее остается основополагающим ресурсом для решения будущих социальных проблем и нарушений в коллективном сознании» [Александер Дж., 2012, с. 34]. Согласимся с тем, что эта территория все равно будет превращать пространство гражданского общества в особое «место» и может впоследствии сделать его неповторимым. Здесь уместно привести выводы, основанные на опыте исследования социологами института социологии РАН Н.А. Шматко и Ю.Л. Качановым состояния территориальной (коллективной) идентичности как «переживаемых и/или осознаваемых смыслах системы территориальных общностей («субъективной социально-географической реальности»), формирующих «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида, которое устанавливается как результат двух процессов: объединения и различения» [Шматко Н.А., Качанов Ю.Л., 1998, с. 94]. Авторы считают, что для распознавания свойств территориальной общности необходимо ее сначала «определить» и одновременно отделить от остальных общностей, ибо «истинное значение территориальной идентичности связано со всеми сходствами и различиями, объединениями и противопоставлениями общественной жизни и данное отождествление обусловлено фиксированными в социальной позиции и биографическом опыте

диспозициями воспринимать, оценивать и категоризовать социальные ситуации определенным образом» [Шматко Н.А., Качанов Ю.Л., 1998, с. 94]. Анализ исследуемых социальных практик дает возможность изучать пространство не как некую пассивную, статичную, архаичную поверхность и увидеть, как оно само активно производится, играя ключевую роль в процессе зарождения, утверждения и развития той или иной общественно-экономической формации.

Какие же характеристики территории делают ее сейчас «живым» пространственным феноменом? В дискуссии по этому вопросу, которую приводит А. Филиппов [Филиппов А.Ф., 2008], в частности, в отражении спора между Р. Карнапом и А. Лефевром, отдается приоритет предложенной А. Лефевром трехчленной схеме происходящих на территории процессов, делающих это социальное пространство отличающимся от других. По А. Лефевру это пространственные практики и пространственные ансамбли, а также репрезентации пространства, связанные с производственными отношениями, с порядком, но представляющие в закодированном или незакодированном виде сложные символизмы социальной жизни [Лефевр А., 2015]. Территориальная идентичность подразумевает обращение к другой ее характеристике — культуре — и связана со специфическим пониманием субъектом особенностей идентифицируемой территории, осуществляющимся за счет переживания индивидом социокультурных обстоятельств и за счет черт, которые характеризуют для этого индивида данную территориальную общность как свою собственную. В силу идеального «перевоплощения» себя в члена территориальной общности обстоятельства социальной жизни и сама эта жизнь в совокупности различных аспектов приобретают для идентифицирующего агента личностный смысл. Структуры смысла могут быть поврежденными, неустойчивыми, но они изменяются под влиянием событий, связанных с включенностью в социокультурный процесс. И, наконец, на характер презентации пространства территории оказывают влияние структуры власти и «ситуативные навыки мыслящих социальных акторов» [Александр Дж., 2012, с. 38]. Вслед за М. Вебером, у которого в социологии рели-

гии выделяется категория «группы носителей», Дж. Александер обращает внимание на значимость выделения в анализе состояния территориальной идентичности наличия и роли так называемых «коллективных акторов», «коллективных носителей» и «коллективных действующих лиц» [Александр Дж., 2012, с. 38].

Роль социально-территориального пространства в формировании территориального социально-экономического поведения

Особенность исследования территориального социально-экономического поведения связана с несомненным доминированием формальной (технологической) рациональности в структуре поведения экономических акторов. В обширнейшей типологии основных видов территориального социально-экономического поведения исследователями выделяются урбанное, руральное, добывающее, миграционное, субстациональное, экстракционное и др. [Слюсарянский М.А., 2011]. Усиливает рациональное содержание экономического действия категориальное наполнение, связанное с включением таких факторов, как рынок, товар, обмен, деньги, конкуренция, разделение труда, профессиональная стратификация и т.д. Что касается исследований, анализирующих пространственное социально-экономическое поведение человека, то недостатками методологического посыла можно считать использование индуктивного подхода, стремление обнаружить общие закономерности пространственного поведения без актуализации проблемы его территориальных особенностей. Физическое же пространство рассматривается чаще всего абстрактно, безотносительно к специфике той или иной территории, в результате чего учитывается только богатство и содержание ресурсов территории. Исследователи опираются на методологический индивидуализм, элиминирующий (или последовательно игнорирующий как второстепенное) влияние социума на индивида в процессе принятия им пространственного решения.

С позиций сетевого подхода и, в частности, сетевого подхода к пониманию фирмы и рынка (Х. Уайт) предлагается рассматривать экономическое поведение как результат повторяющихся взаимодействий социальных субъектов, образующих сетевые социальные территори-

альные структуры, для которых территория в целом — это необходимая предпосылка, основание, условие их связи и деятельности. Этот фактор становится значимым каждый раз, когда мотивами экономической деятельности оказываются не только получение прибыли, но и собственно территориальные особенности и преимущества. На качественную специфику соотношения территориального социально-экономического действия и поведения влияет также такая неуловимая и трудно измеряемая субстанция как экономическая культура, дополненная культурой укорененности [Поляны К., 2014] и культурой мобильности. Мы убеждены, что разум «обслуживает» ценности, которые первичны по отношению к действующим субъектам, а не наоборот. Действительно, территориальное социально-экономическое поведение детерминируется рядом факторов, имеющих не только сугубо социальную, но и биологическую, психологическую, историческую, естественно-географическую природу. Научный анализ территориального поведения должен учитывать не только прямое действие этих факторов, но и рефлексию в индивидуальном и коллективном сознании акторов, как индивидуальных, так и организованных. Важнейшим фактором, влияющим на особенности территориального социально-экономического поведения, является территориальная субкультура, представляющая собой проекцию культуры данного общества на конкретную территорию и проявляющаяся в специфических социокультурных ценностях, нормах и обычаях, моделях поведения, порожденных рефлексией данной территории в коллективном сознании дислоцированной на ней социально-территориальной общности [Заславская Т.И., Рывкина Р.В., 1991]. Д. Норт при изучении эволюции институциональных отношений вводит понятие «инкрементные изменения», т.е. такие, которые постепенно нарастают [Норт Д., 1997, с. 43]. Отношения подразделяются на формальные и неформальные, причем в последних доминирует культура: правила поведения в обществе, правила делового оборота, хозяйственная этика. Эти правила достаточно инерционны, и для того чтобы их изменить, необходимо воспитать не одно поколение граждан, т.к. основу поведения составляет воспитание, которое включает в себя создание и сохранение духов-

ности, гражданства, чувства долга, честности, законопослушания, ответственности — всего того, что является фундаментом территориального социально-экономического поведения.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что феномен территориального социально-экономического поведения эволюционирует в рамках вполне определенных форматов «консервативного, адаптационного, инновационного», «культурно-укорененного, культурно-мобильного»; «рационального выбора и коллективного интереса», стабилизируя и воспроизводя социально-территориальное неравенство. Исследование практик меняющихся и воспроизводимых паттернов территориального социально-экономического поведения даст региональным властным структурам приоритет в выборе принципов регионального управления и развития и позволит в перспективе не только уточнить представления о причинах актуального социально-экономического состояния региональных общностей, но и прогнозировать возможные пути их дальнейшего развития, получить более точное представление о факторах, продуцирующих масштабы социально-территориального неравенства в рамках границ территории или региона.

Список литературы

- Александр Дж.* Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности – II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: хрестоматия / сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. 184 с.
- Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., Прогресс–Политика, 1992. 608 с.
- Бурдье П.* Структуры. Habitus. Практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 16–31.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2004. 368 с.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение: пер. с фр. М.: Канон, 1995. 352 с.

Завалишин А.Ю. Территориальное поведение социально-территориальной общности: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Хабаровск, 2009. 39 с.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991. 448 с.

Зиммель Г. Социология пространства. М., 1995. 293 с.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). Ст. 8. URL: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-8-krf> (дата обращения: 27.04.2019).

Левевер А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М: Фонд эконом. книги «Начала», 1997. 180 с.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.

Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2014. 312 с.

Слусарянский М.А. Территориальное поведение: методологические предпосылки социологического исследования // Вестник ПГТУ. Социально-экономические науки. 2011. № 12(35). С. 22–29.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Цимбаев Н.И. За горизонтом — земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 18–42.

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.

Получено 30.04.2019

References

Aleksander, Dzh. (2012). *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3, pp. 5–40.

Aleksander, Dzh. (2001). *Obeschanie kul'turnoy sotsiologii: tekhnologicheskii diskurs i sakral'naya i profannaya informatsionnye mashiny* [The promise of a cultural sociology: technological discourse and the sacred and profane information machine]. *Konteksty sovremennosti – II: Aktual'nye problemy obschestva i kul'tury v zapadnoy sotsial'noy teorii:*

Khrestomatiya, sost. i obsch. red. S.A. Erofeyeva [Contexts of modernity – II: Actual problems of society and culture in western social theory: chrestomathy, ed. by S.A. Erofeev]. Kazan: Kazan University Publ., 184 p.

Aron, R. (1992). *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Stages of development of sociological thought]. Moscow: Progress–Politika Publ., 608 p.

Bourdieu, P. (1995). *Struktury. Habitus. Praktiki* [Structures. Habitus. Practices]. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Bourdieu. Giddens. Habermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, p. 16–31.

Durkheim, E. (1995). *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Kanon Publ., 352 p.

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [The sociology of space]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal Publ., 290 p.

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. St. 8. [The Constitution of the Russian Federation, art. 8]. Available at: <http://constrf.ru/razdel-1/glava-1/st-8-krf> (accessed 27.04.2019).

Lefevre, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press Publ., 432 p.

North, D. (1997). *Instituty. Institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutes, institutional changes and the functioning of the economy]. Moscow: Economic Books Fund «Nachala» Publ., 180 p.

Parsons, T. (2002). *O sotsial'nykh sistemakh* [The social systems]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 832 p.

Polanyi, K. (2014). *Velikaya transformatsiya: Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The great transformation: The political and economic origins of our time]. Saint-Petersburg: Al-teyya Publ., 312 p.

Simmel, G. (1995). *Sotsiologiya prostranstva* [The sociology of space]. Moscow, 293 p.

Slusaryanskiy, M.A. (2011). *Territorial'noe povedenie: metodologicheskie predposylki sotsiologicheskogo issledovaniya* [Territorial behavior: methodological background of sociological research]. *Vestnik PGTU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 12(35), pp. 22–29.

Shmatko, N.A. and Kachanov, Yu.L. (1998). *Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya* [Territorial identity as a subject of sociological Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4, p. 94–98.

Tsimbaev, N.I. (1997). *Za gorizontom — zemlya!* (*K ponimaniyu istorii Rossii*) [The horizon is the earth! (On the understanding of Russian history)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. No. 1, p. 18–42.

Vallerstayn, I. (2004). *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the XXI century]. Moscow: Logos Publ., 368 p.

Zaslavskaya, T.I. and Ryvkina, R.V. (1991). *Sotsiologiya ekonomicheskoy zhizni* [Sociology of economic life]. Novosibirsk: Nauka Publ., 448 p.

Zavalishin A.Yu. (2009). *Territorial'noye povedeniye sotsial'no-territorial'noy obshchnosti: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Territorial behavior of socio-territorial community: Abstract of Ph.D. dissertation]. Khabarovsk, 39 p.

Received 30.04.2019

Об авторе

Яковлева Ольга Константиновна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2209-7408>

About the author

Olga K. Yakovleva
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2209-7408>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яковлева О.К. Территориальное социально-экономическое поведение в русле проблемы взаимодействия общества и физического пространства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 421–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-421-428

For citation:

Yakovleva O.K. Territorial socio-economic behavior within the problem of interaction of society and physical space // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 421–428. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-421-428

УДК 316.334.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-429-439

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА ЮЖНОРОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ГЛАЗАМИ ГОРОЖАН: ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РАМКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА*

Киенко Татьяна Сергеевна

Южный федеральный университет

Аудиовизуальная среда современного города понимается как социокультурное пространство, в котором система норм, ценностей, социально-стратификационных различий в значительной мере определяет то, что горожане замечают в окружающем пространстве. Актуальный статус оформляет социально заданный ракурс, точку зрения, задавая общность прочтения и интерпретации пространства, выделения «мест памяти» и досуга, приоритетов благоустройства. К составляющим статуса, направляющим оценки городского пространства, можно отнести уровень образования горожан. Целью настоящей статьи является представление данных эмпирического исследования об оценках аудиовизуального пространства южнороссийских городов горожанами с разным уровнем образования. Методология исследования опирается на принципы социально-стратификационного подхода, социального конструктивизма, социологии пространства, методологии пространственного синтаксиса. В ходе исследования выделены особенности отношения к городским пространствам респондентов с высшим, средним специальным, общим средним и неполным образованием, что может использоваться в практике городского планирования. Образование может рассматриваться в качестве одной из социальных рамок, задающих направления и способы конструирования, оценки и интерпретации социальными субъектами городского пространства, однако его влияние неоднозначно, опосредовано другими переменными, оно выступает социальным и культурным ресурсом горожанина. Высокий уровень образования связан с удовлетворенностью пространством, более высокой социальной и территориальной идентичностью; низкий уровень образования сужает возможности реализации, развития, карьерные и жизненные возможности. Перспективным видится теоретический и эмпирический поиск иных социальных рамок конструирования горожанами аудиовизуального городского пространства, дальнейшее изучение вопроса, в том числе на материалах исследований в других регионах.

Ключевые слова: город, аудиовизуальное городское пространство, уровень образования горожан, социальное конструирование пространства.

THE AUDIOVISUAL ENVIRONMENT OF THE SOUTH-RUSSIAN CITIES THROUGH THE EYES OF THE CITIZENS: EDUCATION AS A SOCIAL FRAME DESIGN SPACE

Tatyana S. Kienko

Southern Federal University

The audiovisual environment of the modern city is understood as a socio-cultural space in which the norms, values, social and stratification differences system largely determines what citizens notice in the

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-011-00841/19.

surrounding space. The actual status forms a socially defined perspective and point of view, setting the common reading and interpretation of space, the allocation of «places of memory» and leisure, the priorities of improvement. The components of the status, directing the assessment of urban space, include the level of education of citizens. The purpose of this article is to present the data of empirical research on the estimates of southern Russian cities audiovisual space by citizens with different levels of education. The methodological framework of the research is based on the principles of socio-stratification approach, social constructivism, sociology of space, methodology of spatial syntax. In the course of the study, the features of the attitude to urban spaces of respondents with higher, secondary special, general secondary and incomplete education are highlighted, which can be used in the practice of urban planning. Education can be considered as one of the social frameworks that define the directions and methods of construction, evaluation and interpretation of urban space by social actors, but its impact is ambiguous, mediated by other variables, it acts as a social and cultural resource of the citizen. High level of education is associated with satisfaction with space, higher social and territorial identity; low level of education narrows opportunities for realization, development, career and life prospects. The theoretical and empirical search for other social frameworks for the construction of audiovisual urban spaces by citizens, further study of the issue, including the materials of research in other regions, is considered promising.

Keywords: city, audiovisual urban space, level of education of citizens, social construction of space.

Введение

Социальный статус с позиции социолога может быть рассмотрен как существенный фактор взаимоотношений человека с пространством. Окружающее видимое и слышимое пространство «протекает» через систему перцепции, знаний, установок, ментальных карт, стереотипов, преломляется через социальные рамки и ориентиры, и «фильтруется» сквозь социальный статус. Житель небольшого поселка, приезжая в крупный районный центр, заметит раздражающий шум и хаотичные транспортные и людские потоки, а москвич оценит его как тихий и провинциальный. Пожилой человек обратит внимание на памятник герою войны в городском парке, а подросток — на яркое граффити у его подножия. Водитель автомобиля считает избыточным число светофоров и пешеходных переходов, а пешеходу не хватает мест, где можно безопасно перейти дорогу. Актуальный статус оформляет социально заданный ракурс, общую для многих людей, объединенных общими составляющими статуса, точку зрения, задавая общность прочтения и интерпретации пространства, определения несущественного и выделения «мест памяти» или досуга, приоритетов благоустройства, городской идентичности.

К социально-значимым составляющим статуса как к ракурсам «преломления» видимого и слышимого, направляющим восприятие, «чтение», интерпретации пространства, можно отнести классические факторы стратификации (богатство, престиж, власть) [Штомпка П.,

2005, с. 372] или социально-демографические различия (пол и возраст), уровень образования или характер занятости. В частности, неоднозначность и трансформация роли образования как фактора стратификации в современном российском обществе отмечается ведущими исследователями [Тихонова Н.Е., 2014; Российское общество и вызовы времени, 2016; Бобков В.Н., Одинцова Е.В., 2019]. Образование является существенным критерием стратификации и мобильности, значимой составляющей социального и культурного капитала [Бурдые П., 2007], но исследований связи восприятия пространства с образованием горожан практически нет. Оценки городских пространств изучаются в контексте возраста, занятости, включенности в городскую жизнь, принадлежности к числу местных жителей или гостей города [Быстрова Т.Ю. и др., 2018; Социальное пространство современного города, 2015; Радина Н.К., Поршнева А.В., 2014 и др.]. Удовлетворенность городской средой рассматривалась в связке статуса и удовлетворения потребностей (формула «5С» [Заборова Е.Н., Исламова А.Ф., 2013]), изучалась роль культурных элит в трансформации городских пространств [Ваньке А.В., Полухина Е.В., 2018], кросс-культурные [Jeon J.Y. et al., 2017], институциональные факторы городской идентичности [Федотова Н.Г., 2017].

В настоящей статье автор задается вопросом о том, может ли уровень образования рассматриваться как одна из социальных рамок конструирования городского пространств, и пред-

лагает гипотезу связи уровня образования с восприятием и оценкой городского пространства. Целью работы является представление данных эмпирического исследования об оценках различных аспектов аудиовизуального пространства южнороссийских городов горожанами с разным уровнем образования.

Методология исследования

Методология настоящего исследования строится на принципах социально-стратификационного подхода [Штомпка П., 2005; Тихонова Н.Е., 2014; Российское общество и вызовы времени, 2016 и др.], социального конструктивизма [Бергер П., Лукман Т., 1995], идеях социальной природы и социального производства пространства [Лефевр А., 2002; Бурдые П., 2007], теоретических положениях социологии пространства [Ло Дж., 2006; Филиппов А.Ф., 2008 и др.], пространственного синтаксиса [Hillier В., 2008]. Аудиовизуальная среда современного города понимается как социокультурное пространство, в котором система норм, ценностей, социально-стратификационных различий в значительной мере определяет то, что горожане считают значимым, ценным, памятным (или несущественным, раздражающим). В аудиовизуальной среде городов сочетаются физическое и историческое, ментальное и виртуальное, социальное и культурное пространства [Сараф М.Я., 2011, с. 15–19]. Их множественные смыслы прочитываются и конструируются, интерпретируются и транслируются в повседневных коммуникациях через призму дискурса, нормативности, статуса, культуры, опыта.

В социологии пространство понимается как особая реальность, «форма существования социума» [Барковская А.Ю., 2013, с. 49], в котором реализуются коммуникации и смыслы, символические проявления статуса, власти, видов капитала [Бурдые П., 2007]. Пространство города для социолога есть социальный продукт [Лефевр А., 2002, с. 27], место существования человека как личности, реализующей статусы и роли. Материальное аудиовизуальное пространство города создается людьми как социальными и культурными субъектами в определенном социокультурном контексте (часто с определенными замыслом, целями, смыслами, на фоне конкретных исторических, социальных и культурных процессов). При каждом «про-

чтении» видимое и слышимое раскрывает «вложенные» смыслы, но также заново социально «перерабатывается» — встраивается в социальные и культурные системы, дискурсы и фреймы, стереотипы и ожидания «читающих», формируя новую (обусловленную контекстуально, социально и культурно) действительность. В процессе «жизни» и «эксплуатации» (кодирования и декодирования, «чтения» и интерпретации, первичной и вторичной коммуникации) аудиовизуальная среда «говорит» вложенными в нее смыслами, но также «впитывает», отражает, преломляет и искажает их, моделируя и трансформируя пространство, наполняя его вновь сконструированными смыслами (в т.ч. квази- и псевдообразованиями), выступая формой социального конструирования реальности. Улицы и здания, социальная и культурно-досуговая инфраструктура, транспортные потоки и уличное освещение, банкоматы, баннеры и указатели пространственно и символически задают культурные и социальные нормы и границы, направляют физическое, социальное и духовное движение и коммуникации. В русле теории пространственного синтаксиса городское пространство становится пространством социальных эффектов, возможностей и рисков. Аудиовизуальная среда современного города есть продукт социальной жизнедеятельности, ее «зеркало» и в то же время место конструирования, интерпретации и деформации социокультурных смыслов, ежедневно создаваемых в коммуникации и деятельности. Социальные субъекты конструируют множественные смыслы аудиовизуальной среды города (вложенные, потенциальные и обнаруженные, прочитанные, раскрытые и нераскрытые, интерпретации и переводы, модификации и трансформации), а их статус существенно определяет ракурс «социального зрения и слуха».

Материалы и методы

В 2018–2019 гг. при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00841) научным коллективом под руководством профессора Л.А. Штомпель при участии автора проводилось исследование «Развитие аудиовизуальной среды современного российского города в контексте сохранения и трансляции этических ценностей российской культуры». Анкетный опрос охватил 1371 респондента, анкета вклю-

чала 126 вопросов, преимущественно полузакрытых; программа исследования прошла экспертизу (ВЦИОМ-ЮГ). Выборка стратифицирована по регионам, типам городов: охвачено 29 южнороссийских городов в 8 субъектах Южного федерального округа (Адыгея, Калмыкия, Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, Республика Крым) и город федерального значения Севастополь, представлены мегаполисы, крупные и большие, средние и малые города. Гендерная структура выборки включила 518 мужчин и 853 женщин (6 к 10; соотношение мужчин и женщин в структуре российского общества составляет 8,5 к 10 [Федеральная служба..., 2018]); демографическая структура респондентов следующая: в возрасте до 17 лет — 145 чел., 18–30 лет — 626 чел., 31–44 лет — 273 чел., 45–59 лет — 198 чел., старше 60 лет — 129 чел. (на 2018 г. в структуре российского общества 27,2 млн чел. моложе нетрудоспособного возраста, 82,2 млн чел. трудоспособного и 37,3 млн чел. старше трудоспособного [Федеральная служба..., 2018]); по уровню образования в выборке: лиц с неполным образованием — 72 чел., со средним общим — 312 чел., со средним специальным — 311 чел., с высшим — 676 чел. (по данным Всероссийской переписи 2010 г. среди россиян старше 15 лет высшее и неоконченное высшее имеют ок. 33 млн чел., среднее специальное — свыше 43 млн чел.; среднее общее — около 21,5 млн чел., основное, начальное общее, не имеют образования — около 19 млн чел. [Сводные итоги..., 2010]).

Результаты и дискуссии

По итогам анализа эмпирических данных с особенностями конструирования аудиовизуальной городской среды, помимо образования, связаны такие социальные характеристики, как тип населенного пункта (по численности населения), пол, возраст респондентов; эти данные представлены в самостоятельных научных работах, но в настоящей работе видится необходимым их краткий обзор. Так, существенным фактором конструирования пространства является тип города: жители мегаполисов меньше всего удовлетворены своими городами, состоянием публичных пространств, чистотой, уровнем шума, архитектурой и планировкой, а жители малых городов острее всего реагируют на проявления со-

циально-пространственного неравенства. Горожанам в первую очередь не хватает «людей, умеющих вести себя культурно», «интересных публичных мероприятий», парков и скверов; в мегаполисах недостает тишины и безопасности, а жителям средних и малых городов — качественных досуговых форм. Возраст респондентов влияет на солидарность с городскими средами, историей и культурой, на выделение «мест памяти», социально значимых пространств, привлекательных объектов, бытовых потребностей и досуговых практик. Так, пожилые люди счастливее оттого, что живут в своих городах; они выше, чем другие, оценивают состояние городской среды, больше озабочены вопросами городского благоустройства и чистоты, придают больше значения истории своего города, родины, родному языку и его чистоте, сохранению исторической памяти, больше нуждаются в тишине и безопасности, в благоустройстве и расширении природной городской среды. Молодежи в городах не хватает мест для общения, кафе и клубов, но одновременно тишины и безопасности (как и пожилым), людям 45–60 лет — музеев и театров, современной архитектуры, а респондентам 31–44 лет — интересных публичных мероприятий, игровых и спортивных площадок. Имеет место гендерная специфика: женщины считают себя более осведомленными в вопросах истории и культуры городов, больше озабочены состоянием культурной и образовательной инфраструктуры города, вопросами чистоты; они чаще «слышат» на улицах ненормативную лексику (и она их сильнее оскорбляет) и замечают грамматические ошибки в надписях в публичных пространствах городов. Мужчины внимательнее относятся к состоянию дорог, спортивной инфраструктуры, безопасности, в большей степени удовлетворены состоянием дорог, дворов, парков.

Уровень образования не является ключевым фактором оценки городского пространства, но все равно оказывает на него влияние. Анализ проводился исходя из условной классификации респондентов на четыре образовательные подгруппы: с неполным образованием (средним основным, начальным, не имеющим начального образования), средним общим (полным), средним специальным (профессиональным) и высшим (профессиональным и послевузовским). Целевая стратификация респондентов по уров-

но образования не проводилась, выборка нерепрезентативна, однако имеют место особенности оценки городских пространств респондентами с разным уровнем образования. Так, горожане со средним специальным образованием в большей степени считают удачным архитектурно-планировочное решение своих городов, выше других образовательных подгрупп оценивают уровень чистоты и ниже — шума, считают свои города уютными и привлекательными, имеют высокую идентичность с городом и регионом проживания, чувствуют себя счастливее оттого, что живут в своих городах, выше оценивают «широкий набор возможностей для досуга». Респонденты с неполным образованием наименее счастливы в своих городах, меньше, чем остальные, удовлетворены состоянием общественных пространств (дорог, улиц, транспорта), им меньше нравятся их города, и они реже считают свои города чистыми, уютными, привлекательными (см. табл. 1), ниже оценивают гостеприимство своих городов, не замечают праздничного убранства и музыки (на вопрос «Как обычно украшают Ваш город в праздничные дни?» ва-

риант «Совсем не украшают» выбрали 9,8 % лиц с неполным образованием и 2–3 % других подгрупп); их привязанность к городам связана с дружбой больше, чем с родственными отношениями, но почти не связана с работой и жильем. Горожане с высшим образованием (как и лица с неполным образованием!) не считают свои города чистыми, не связывают свою жизнь в городе с ощущением счастья, считают свои города шумными, но уютными и привлекательными, имеют наибольшую идентичность со своим городом (но наименьшую с регионом), им нравятся их города (см. табл. 1). Лица со средним общим образованием в оценках и выборах частично солидарны с респондентами с высшим образованием, а частично — с оценками лиц с неполным образованием; они знают историю и культуру городов, но меньше других реагируют на загрязнители, меньше привязаны к городам, придерживаются глобалистских ценностей, среди них наибольшее число респондентов (25 %) хотели бы жить за границей.

Таблица 1. Общие оценки городов респондентами с разным уровнем образования (%)

Вопрос	Варианты ответов	Ваше образование			
		Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее
Нравится ли Вам Ваш город?	Да	67,2 %	81,1 %	83,6 %	85,0 %
	Нет	32,8 %	18,9 %	16,4 %	15,0 %
Считаете ли Вы, что Ваш город уютный и привлекательный?	Да	63,8 %	71,0 %	72,1 %	74,2 %
	Нет	36,2 %	29,0 %	27,9 %	25,8 %
Считаете ли Вы свой город шумным?	Да	36,1 %	45,1 %	30,4 %	43,5 %
	Нет	63,9 %	54,9 %	69,6 %	56,5 %
Считаете ли Вы свой город чистым?	Да	40,0 %	41,0 %	47,2 %	40,2 %
	Нет	60,0 %	59,0 %	52,8 %	59,8 %
Чувствуете ли Вы себя немного счастливее оттого, что живете в Вашем городе?	Да	38,3 %	38,9 %	49,5 %	40,4 %
	Жизнь в городе не связана с ощущением счастья или полноты жизни	45,0 %	48,5 %	35,6 %	47,6 %
	Нет	16,7 %	12,6 %	14,9 %	12,0 %
Кем Вы больше себя ощущаете?	Горожанином	59,0 %	67,2 %	66,1 %	70,1 %
	Жителем области (края)	27,9 %	25,3 %	29,3 %	22,7 %
	Другое	13,1 %	7,5 %	4,6 %	7,2 %

На вопрос «Что Вас связывает с этим городом?» респонденты чаще всего отвечали, что это факт их собственного рождения, наличие друзей и родных, родителей. Но если вариант «Ничего не связывает, я хотел бы уехать отсюда» выбирают около 9–10 % респондентов со средним и средним специальным образованием и 11,6 % лиц с высшим образованием, то среди респондентов с неполным образованием таких 25 %. Вероятно, это связано с качеством жизни и жизненными перспективами (отсутствием жилья, работы, карьерных перспектив): хорошая работа имеет гораздо большее значение для людей со средним специальным и высшим образованием (около 24 %), чем для лиц с неполным (7 %) и средним общим образованием (8,3 %). Наличие квартиры связывает со своими городами 24,6 % лиц с высшим образованием, 27,6 % лиц со средним специальным, 14,8 % лиц со средним общим и 8,3 % респондентов с неполным образованием.

Наличие друзей значимо для людей с неполным и общим средним образованием, а родственные связи и факт проживания в городе родственников важнее для респондентов со средним общим, средним специальным и высшим образованием. Среди респондентов с высшим образованием меньше тех, чьи родители родились в данных городах, но они теснее связаны с городами. Связка образования, занятости и доходов косвенно влияет на наличие или отсутствие жилья (один из значимых факторов идентичности с городами для лиц со средним специальным и высшим образованием). Итак, не сам по себе уровень образования, а возможности получения работы, роста доходов, приобретения жилья, уверенности в будущем, высокой оценки своего места в городском социуме способствуют росту удовлетворенности городским пространством.

Уровень образования горожан имеет некоторые корреляции с выбором ими привлекательных или непривлекательных визуальных и аудиальных элементов городской среды. Так, природные объекты и звуки (газоны, клумбы, деревья) наиболее важны для респондентов со средним специальным образованием, а «места памяти» — для людей со средним общим и высшим образованием (скульптуры, мемориальные комплексы, здания, архитектура). Визуальные раздражители (стиль одежды горожан,

реклама, объявления) в большей степени привлекают внимание лиц с неполным образованием. Любопытно, что всем респондентам недостает «культурных людей» и «интересных публичных мероприятий», «современной архитектуры» и «тишины», но парков и скверов (а также баров, спортивных клубов и детских игровых площадок в парках) не хватает в большей степени людям с неполным образованием.

Лица с неполным образованием более практичны и реалистичны — именно они чаще других предлагают действенные меры преобразования городских пространств (сделать город более красивым, разбить новые парки или посадить больше деревьев). Повысить уровень чистоты, уюта и безопасности хотели бы лица со средним общим образованием. Дифференцировано выделяются транспортные проблемы; работа общественного транспорта беспокоит больше всего людей с неполным образованием, а проблема автостоянок — лиц с высшим образованием.

Аудиальная городская среда также воспринимается дифференцированно. Приятные городские звуки (грамотная речь и пение птиц) на улицах городов чаще других «слышат» люди со средним специальным образованием (реже других — горожане с неполным образованием), а неприятные антропогенные городские звуки они замечают реже других (ненормативную лексику, жаргонизмы, лай собак; см. табл. 2). Звуки скандалов, ссор и угроз сильнее всего в структуре городских звуков раздражают горожан, но больше всего они неприятны лицам с неполным образованием.

Избыток рекламной информации отмечается в первую очередь респондентами с неполным средним образованием, в то время как лицам со средним специальным образованием это меньше всего бросается в глаза. Недостаток воспитательной, культурной, ценностной составляющей в убранстве улиц отмечается чаще респондентами со средним специальным образованием (54,1 %), а уже потом — с высшим (51,9 %), средним общим (44,2 %) и неполным средним (36,1 %) образованием. Горожан очень раздражает ненормативная лексика, но почти не беспокоит иноязычная; в восприятии этих аспектов имеются образовательные различия. Так, более 80 % жителей южнороссийских городов замечают в публичных пространствах

своих городов ненормативную лексику (чем выше уровень образования, тем чаще респонденты замечают ненормативную лексику и грамматические ошибки в надписях в город-

ских публичных пространствах), но намного сильнее это оскорбляет горожан с высшим и средним специальным образованием (табл. 3).

Таблица 2. Оценки городских звуков респондентами с разным уровнем образования (%)

Вопрос	Варианты ответов	Ваше образование			
		Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее
Часто ли в Вашем городе слышны:	Грамотная литературная речь	18,0 %	19,8 %	23,8 %	19,5 %
	Ненормативная лексика	50,8 %	56,5 %	44,6 %	52,3 %
	Жаргонизмы	36,1 %	38,6 %	25,1 %	35,2 %
	Пение птиц	23,0 %	27,3 %	36,8 %	34,3 %
	Лай собак	47,5 %	36,0 %	30,3 %	34,3 %
	Звон колоколов	14,8 %	20,5 %	15,0 %	16,5 %
	Другое	9,8 %	3,2 %	5,9 %	8,9 %
Какие городские звуки вызывают у Вас раздражение?	Звуки скандалов, ссор, угроз людей	78,7 %	51,6 %	59,3 %	64,8 %
	Сирены скорой помощи / ГАИ, газ. службы	21,3 %	19,5 %	28,0 %	25,6 %
	Звуки ремонтных или уборочных работ (скрежет металла, звук пилы, стук молотков и пр.)	44,3 %	52,6 %	49,8 %	44,9 %
	Слишком громкая музыка	34,4 %	29,2 %	37,5 %	40,1 %
	Другое	6,6 %	3,9 %	7,2 %	7,0 %

Таблица 3. Оценки языковой седы городов респондентами с разным уровнем образования (%)

Вопрос	Варианты ответов	Ваше образование			
		Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее
Приятно ли Вам видеть в Вашем городе надписи на иностранном языке?	Да, это свидетельствует об открытости и современности города	42,6 %	51,6 %	35,8 %	47,8 %
	Нет, надписи должны быть только на государственном языке	23,0 %	16,9 %	31,6 %	17,3 %
	Мне все равно	29,5 %	29,5 %	29,3 %	31,1 %
	Другое	4,9 %	1,9 %	3,3 %	3,7 %
Используют ли в Вашем присутствии прохожие ненормативную лексику	Да	81,4 %	83,9 %	80,3 %	84,6 %
	Нет	18,6 %	16,1 %	19,7 %	15,4 %
Оскорбляет ли Вас ненормативная лексика?	Да	35,6 %	46,7 %	66,3 %	66,2 %
	Нет	64,4 %	53,3 %	33,7 %	33,8 %

Почти треть респондентов всех подгрупп выразила безразличие к тому, на каком языке пишут объявления и рекламу, но об избытке иноязычной лексики в пространствах городов чаще говорят лица с неполным образованием и

реже — с высшим. Если 51,6 % лиц с общим средним, 47 % лиц с высшим, 42 % с неполным образованием считают, что иностранная лексика в публичных городских средах «свидетельствует об открытости и современности города»,

то среди респондентов со средним специальным образованием таких всего 35 %. Итак, респонденты со средним специальным образованием наиболее консервативны: для них важнее вопросы сохранения русского языка и культурных ценностей, они негативнее относятся к ненормативной лексике, чаще считают, что «надписи должны быть только на государственном языке» (31,66 % в сравнении с 17–23 % в других подгруппах); при этом они склонны замечать позитивные и не обращать внимания на негативные аспекты аудиовизуальных городских объектов и городской среды.

Респонденты с высшим и средним общим образованием считают, что знают больше исторических личностей (событий), связанных с историей города, памятников, посвященных деятелям культуры, науки, политики, истории, стихов и песен о своих городах в сравнении с лицами с неполным и средним специальным образованием. Однако это утверждение показывает не столько фактическое знание культуры и истории городов, сколько самооценку, представление о своем статусе, нормативность, социальную желательность. Среди историко-культурных объектов респонденты с высшим образованием чаще других выделяют наличие в своих городах улиц и памятников, мемориальных комплексов и досок, посвященных ученым и деятелям культуры; люди с неполным образованием в сравнении с другими образовательными группами чаще называют места памяти, посвященные политическим деятелям и передовикам производства; защитников Отечества и космонавтов знают представители всех образовательных кластеров. Больше всего мест, которые можно показать гостям, называют респонденты с неполным образованием. Имеется определенное расхождение реальных знаний горожан об истории и культуре городов с их оценками собственной осведомленности, что свидетельствует о наличии социальных ожиданий, и стремлении к соответствию «нормативной» модели (люди с высшим образованием склонны считать себя знатоками истории и культуры, это для них считается нормой, но при этом лица с со средним общим образованием часто указывают те же «места памяти», а респонденты с неполным образованием знают лучше практическую предметно-простран-

ственную среду городов и «места памяти» определенной тематики).

О «недоступности» городских объектов говорят более четверти опрошенных (вопрос «Есть ли в Вашем городе места, которые Вы хотели бы посетить, но не можете туда проникнуть из-за негласного ограничения доступа “только для своих” или только для людей “с кошельком”?»), но чем выше уровень образования, тем выше (незначительно, на 2–3 %) ощущение недоступности объектов и шире круг желательных для досуга мест и пространств. О кварталах элитного жилья в своем городе сообщают 57,4 % респондентов с неполным образованием и 78–82 % респондентов других подгрупп; в то же время о наличии трудоб сообщают 62–68 % респондентов всех подгрупп. Можно предположить, что в современных городах имеет место социально-пространственное неравенство, оно ощущается всеми стратами в той или иной мере, но есть вероятность, что социальная дифференциация и эксклюзия ощущается сильнее с ростом образования, дохода, качества жизни и потребностей.

Заключение

Образование может рассматриваться в качестве одной из социальных рамок, задающих направления и способы конструирования, оценки и интерпретации социальными субъектами окружающего аудиовизуального городского пространства, однако его влияние неоднозначно и опосредовано другими переменными. Так, отмеченные расхождения реальных знаний горожан об истории и культуре городов с их оценками собственной осведомленности позволяют предположить, что люди определяют рамки собственной «социокультурной нормативности» «с оглядкой» на уровень образования, демонстрируют желательную, ожидаемую при данном уровне образования социокультурную осведомленность; это их способ реализации и утверждения своего статуса.

Образование выступает ресурсом, культурным и социальным капиталом, который дает возможности получения и сохранения работы, дохода, социально-экономической стабильности, приобретения дорогостоящих вещей. Оно помогает занять более высокое место в социальной структуре; возможности, косвенно

обеспечиваемые образованием, усиливают уверенность в будущем и удовлетворенность жизнью, ощущение комфорта, идентичность с пространством. Чем выше уровень образования горожан, тем больше им нравится их город, выше их идентичность со статусом горожанина, оценки привлекательности и чистоты городских пространств; респонденты с высшим образованием чувствуют себя горожанами, без раздражения принимают недостатки и «раздражители» городской жизни, им нравятся их города, но они не связывают свою жизнь в городе с ощущением счастья (впрочем, как и несчастья). Стабильность, удовлетворенность, идентичность с городским пространством не являются условиями ощущения горожанами счастья и полноты жизни. Социальной основой современных городов является горожанин со средним профессиональным образованием: он удовлетворен местом своего проживания и своим местом в нем, образом жизни, системой ценностей; он выступает транслятором консервативных ценностей, больше ценит возможности и достоинства городской жизни, имеет высокую идентичность не только с городом, но и с регионом проживания, в первую очередь «видит» позитивные моменты городской среды и меньше обращает внимания на раздражающие факторы, он счастлив в своем городе. Лица со средним общим образованием видятся в определенной степени «переходной», маргинальной группой: они знают историю и культуру городов, но при этом не так привязаны к своим городам, придерживаются глобалистских ценностей, меньше реагируют на аудиовизуальные «загрязнители», среди них большее число лиц хотели бы жить за границей; при создании условий для городской идентичности они могли бы стать ресурсом городских инноваций. Хуже всего в своих городах себя чувствуют горожане, не имеющие образования. Их положение нестабильно, самооценка ниже, они готовы переехать, меньше других склонны отмечать положительные черты городов и острее видят недостатки, но это практически ориентированная группа, внимательная к повседневной предметно-пространственной городской среде, способная выступать ресурсом преобразований городского пространства при правильной стратегии городского развития.

В силу нерепрезентативности выборки связи уровня образования с другими факторами (например, с возрастом респондентов: более молодые люди, как правило, будут иметь более низкий уровень образования), авторские выводы скорее следует рассматривать как гипотезы и новые исследовательские задачи. Представляет интерес дальнейшее изучение обозначенных вопросов на материалах исследований в других регионах; интересен анализ условий, при которых образование становится значимой социальной рамкой восприятия пространства либо «отстывает» на задний план; в настоящем исследовании не принимался во внимание профессиональный, имущественный статус горожан, их приверженность к субкультурам. Перспективным видится теоретический и эмпирический поиск иных социальных рамок и способов конструирования городского пространства.

Список литературы

- Барковская А.Ю.* Социологическая интерпретация категории «социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2013. № 1, вып. 19. С. 49–55.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В.* Средние классы в социальной структуре занятого населения в России // Вестник Института социологии. 2019. № 29. С. 58–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>
- Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алтейя, 2007. 288 с.
- Быстрова Т.Ю., Певная М.В., Папулова А.А.* Ресурсы культурной регенерации уральских городов в оценках молодого поколения горожан // Вопросы управления. 2018. № 6, вып. 36. С. 177–187.
- Ваньке А.В., Полухина Е.В.* Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. 2018. № 10(3). С. 4–34. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>
- Заборова Е.Н., Исламова А.Ф.* Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 97–101.

Левфер А. Производство пространства / пер. с фр. С.А. Эфирова // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 27–29.

Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–42.

Российское общество и вызовы времени. Кн. третья / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Радина Н.К., Поршнев А.В. Пожилые горожане мегаполисов и малых городов: солидарность, альтруизм и приоритеты в области городского развития // Социология власти. 2014. № 3. С. 141–158.

Сараф М.Я. Культурное пространство как предмет исследования // Пространство и время. 2011. № 4(6). С. 15–19.

Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Разд. 2. Уровень образования населения. URL:

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/cr/oc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 22.07.2019).

Социальное пространство современного города / под ред. Г.Б. Кораблевой, А.В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 252 с.

Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 23–35.

Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 29.07.2019).

Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20, вып. 3. С. 32–49.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Штомпка П. Социология: Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

Hillier B. Space and Spatiality: What the Built Environment needs from Social Theory // Building Research and Information. 2008. Vol. 36, vol. 3. P. 216–230.

Jeon J.Y., Lee P.J., Hong J.Y., Lavandier C. et al. A Cross-National Comparison in Assessment of Urban Park Soundscapes in France, Korea, and Sweden Through Laboratory Experiments // Applied Acoustics. 2017. No. 130. P. 107–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apacoust.2017.12.016>

Получено 01.08.2019

References

Barkovskaya, A.Yu. (2013). *Sotsiologicheskaya interpretatsiya kategorii «sotsial'noe prostranstvo»* [Sociological interpretation of the category of «social space»]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy]. No. 1, iss. 19, p. 49–55.

Berger, P. and Luckmann, T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ., 323 p.

Bobkov, V.N. and Odintsova, E.V. (2019). *Srednie klassy v sotsial'noy strukture zanyatogo naseleniya v Rossii* [Middle classes in the social structure of Russia's working population]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 29, pp. 58–74. DOI:

<https://doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.576>

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Social Space]. Saint-Petersburg: Alteya Publ., 288 p.

Bystrova, T.Yu., Pevnaya, M.V. and Papulova, A.A. (2018). *Resursy kul'turnoy regeneratsii ural'skikh gorodov v otsenkalh molodogo pokoleniya gorozhan* [Resources of cultural regeneration in the Ural minor cities: public opinion of citizens' youth]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues]. No. 6, iss. 36, pp. 177–187.

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 29.07.2019).

Fedotova, N.G. (2017). *Formirovaniye gorodskoy identichnosti: faktornyy i institutsional'nyy aspekty* [The formation of urban identity: factorial and institutional aspects]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 20, iss. 3, p. 32–49.

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Gorshkov, M.K. and Tikhonova, N.E (eds.) (2016). *Rossiyskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ya* [Russian society and challenges of the time. Book three]. Moscow: Ves' Mir Publ., 424 p.

Hillier, B. (2008). Space and spatiality: what the built environment needs from social theory. *Building Research and Information*. No. 36, vol. 3, p. 216–230.

Jeon, J.Y., Lee, P.J., Hong, J.Y., Lavandier, C., et al. (2017). A cross-national comparison in assessment of urban park soundscapes in France, Korea,

and Sweden through laboratory experiments. *Applied Acoustics*. No. 130, p. 107-117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.apacoust.2017.12.016>

Korableva, G.B. and Merenkov, A.V. (eds.) (2015). *Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda* [Social space of the modern city]. Yekaterinburg: Ural University Publ., 252 p.

Law, J. (2006). *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 5, no. 1, p. 30–42.

Lefebvre, H. (2002). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 2, no. 3, p. 27–29.

Radina, N.K. and Porshnev, A.V. (2014). *Pozhizheniya gorozhane megapolisov i malyykh gorodov: solidarnost', al'truizm i priority v oblasti gorodskogo razvitiya* [Older city-dweller of the city and the «small towns»: solidarity, altruism and priorities in the sphere of urban development]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power] No. 3, p. 141–158.

Saraf, M. (2011). *Kul'turnoe prostranstvo kak predmet issledovaniya* [Cultural space as a subject of research]. *Prostranstvo i vremya* [Space and Time]. No. 4(6), p. 15–19.

Shtompka, P. (2005). *Sotsiologiya: Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: an analysis of modern society]. Moscow: Logos Publ., 664 p.

Svodnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Razdel 2. Uroven' obrazovaniya naseleniya [Summary results of the 2010 All-Russian population census. Section 2. The level of education of the population]. Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (accessed 22.07.2019).

Tikhonova, N.E. (2014). *Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti* [The stratification factors in contemporary Russia: the dynamics of comparative significance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 23–35.

Van'ke, A.V. and Polukhina, E.V. (2018). *Territorial'naya identichnost' v industrial'nykh rayonakh: kul'turnye praktiki zavodskikh rabochikh i deyatelay sovremennogo iskusstva* [Territorial identities in industrial: cultural practices of factory workers and contemporary art communities]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. No. 10(3), p. 4–34. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34>

Zaborova, E.N. and Islamova, A.F. (2013). *Gorod kak sotsial'noe prostranstvo* [City as a social space]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 97–101.

Received 01.08.2019

Об авторе

Киенко Татьяна Сергеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий

Южный федеральный университет,
344065, Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116;
e-mail: tatyanakienko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>

About the author

Tatyana S. Kienko

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Social Technologies

Southern Federal University,
116, Dneprovsky ln., Rostov-on-don, 344065, Russia;
e-mail: tatyanakienko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5558-2322>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Киенко Т.С. Аудиовизуальная среда южнороссийских городов глазами горожан: образование как социальная рамка конструирования пространства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 3. С. 429–439. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-429-439

For citation:

Kienko T.S. The audiovisual environment of the South-Russian cities through the eyes of the citizens: education as a social frame design space // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2019. Iss. 3. P. 429–439. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-429-439

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и I (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...”...”».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка и названия таблицы должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20 источников**.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русского языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «<», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitionline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию.* Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukakh* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenizionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2019 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2019 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	28 марта
в № 2 — до 01 мая	27 июня
в № 3 — до 01 августа	27 сентября
в № 4 — до 01 ноября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum); abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2019.

Submission deadlines in 2019

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 28
No 2 May 1	June 27
No 3 August 1	September 27
No 4 November 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2019

Выпуск 3

Редактор *В.А. Филимонова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 24.09.2019
Дата выхода в свет 27.09.2019
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 17
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке